

A digital illustration of a young man with dark, wavy hair, looking off to the right. He is wearing a dark, heavy winter jacket with a fur-lined collar. The background is a soft, blue-toned winter scene with snowflakes falling and a large, glowing moon or sun behind a mountain range. The overall mood is serene and cold.

Яна Тарьянова

КАФЕТЕРИЙ

для спецназа

Яна Тарьянова

Кафетерий для спецназа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69427516

SelfPub; 2023

Аннотация

Цикл «О пастве Камула и Хлебодарной». Ханну, оборотня-висицу, бросает супруг, увлекшийся молодой полярной волчицей. Адвокаты при разводе отсуживают у бывшего мужа кофейню, купленную для любовницы. Ханна нанимает новый персонал и открывает кафетерий с выпечкой, рассчитывая, что туда будут заходить полицейские и спецназовцы – воинская часть и комиссариат расположены по соседству. Волки-оборотни охотно покупают салаты и пирожки. На их фоне выделяется спецназовец Шольт, одинокий отец, который не ест выпечку, потому что получил проклятие Хлебодарной за избиение покойной жены. Пирожки, раскрашивание контурных карт для Йонаша, сына Шольта, теракт и козни новой жены бывшего мужа – как ямки и ухабы на пути к счастью.

Содержание

Пролог: десять лет назад	5
Глава 1. Развод и кафетерий	10
Глава 2. Персонал для кафетерия	16
Глава 3. Торжественное открытие	22
Глава 4. Первый скандал	29
Глава 5. Жилье для Снежки	34
Глава 6. Рабочие будни	40
Глава 7. Йонаш	45
Глава 8. Рисунки и квартирный вопрос	52
Глава 9. Тетя Снежка рисует натюрморт	58
Глава 10. Тетя Ханна рисует пейзаж	63
Глава 11. Лиса и виноград	68
Глава 12. Мохито	74
Глава 13. Пирожки с яйцом и зеленым луком	80
Глава 14. День Преломления Хлеба	88
Глава 15. Разговоры после взрыва	93
Глава 16. Опекунство	99
Глава 17. Сентябрь	104
Глава 18. Изложение	110
Глава 19. Волк в лубке	116
Глава 20. Гость в дом	124
Глава 21. Выставка детского творчества	130
Глава 22. Сытый альфа – послушный альфа	138

Глава 23. Нарушение неприкосновенности жилища	146
Глава 24. Пирожок – друг оборотня	154
Глава 25. Прогулка	161
Глава 26. Возвращение Шольта	168
Глава 27. Поход в кино	175
Глава 28. Каша с грибами	182
Глава 29. Роза и прогулка	189
Глава 30. Следы на снегу	196
Глава 31. Первая ссора	201
Глава 32. Камулов Покров	207
Глава 33. Примирение	213
Глава 34. Тест на беременность	218
Эпилог от Ханны	223
Эпилог от Шольта: Гранатовый салат	228
Эпилог от Мохито	246

Яна Тарьянова

Кафетерий для спецназа

Пролог: десять лет назад

Майор Деметриуш Новак, заместитель командира отряда специального назначения «Вервольф», просматривал доставленную дежурным сводку происшествий, выделяя маркером «праздничные» происшествия – из главного управления затребовали отдельный рождественский отчет. Соломенная плетенка, увитая золотой лентой и бусами из рябиновых и можжевельных ягод, обрамляла настенные часы. Время близилось к восьми вечера. В кабинете царила тишина. Неужели Анджей не позвонит? Отступился? Или нашел другой выход?

Новак потянулся, встал, подошел к окну и выглянул на улицу. Возле КПП стояли двое. Майор Анджей Розальский, заместитель начальника городского отделения полиции, разговаривал с оборотнем в гражданской куртке. Мелкий и упрямый снег припорошил звезды на погонах Анджея, осел на темных волосах его собеседника кружевной шапочкой. Анджей покачал головой, хлопнул темноволосого по плечу. Тот развернулся и побежал к стоящей возле обочины машине – поскальзываясь на ледке в тонких осенних туфлях. Де-

метриуш вернулся в кресло и устался на внутренний служебный телефон. Тот немедленно и деликатно затренькал.

– Новак слушает.

– Демчо, я внизу, на КПП. Можно подняться и поговорить?

– Заходи.

Положив трубку на допотопный аппарат, Деметриуш позволил себе глубокий вздох. Навалилось неприятное ощущение, что Анджей собирается накинуть на него удавку. Сейчас накинет, а потом годы затянут.

«Да что я себя заранее на беды настраиваю? Камул подаст, Хлебодарная вывезет... как-нибудь обойдется».

Стрелка часов щелкнула, задевая цифру XII. Плетенка задрожала, одна из можжевеловых ягод упала и покатилась по полу, словно пыталась найти и изгнать Демона Снопа, притаившегося среди канцелярской мебели. Люди и оборотни чтили зимнее солнцестояние – каждый по-своему. Люди верили, что в этот вечер случилось рождение их Бога во плоти, и звезды, зажженные ангелами, привели пастухов и волхвов к хлеву, где Богоматерь лелеяла младенца. Оборотни праздновали изгнание Демона Снопа. По их преданиям в этот день Хлебодарная отхлестала можжевеловым веником нечисть, портившую зерно в амбаре, и тем самым спасла племена от голодной смерти – суровая зима лишила леса дичи и поставила лис и волков на грань вымирания.

Чем теснее переплетались судьбы народов, тем больше об-

щих черт находилось в праздниках. Люди начали добавлять можжевельник в рождественские венки, оборотни – переви-вать солому золотыми лентами и привязывать блестящие ко-локольчики. Изменилась и выпечка. Люди научили оборот-ней приправлять зимнее печенье имбирем, а лисы открыли людям секрет сосновой коры – она, промолотая и добавлен-ная в муку, изгоняла из жилища злых духов. Звучали псалмы в храмах, вечерами светились украшенные гирляндами ёл-ки, полыхали костры, пожирившие соломенные подношения и окуривавшие города и села можжевелевым дымом. Завер-шал декаду День Подарков – а от такого чудесного праздни-ка кто откажется?

– Тук-тук! – Анджей толкнул дверь, вошел, прикрываясь, как щитом, стеклянной банкой с притертой крышкой – чаем с травами и сухофруктами. – Я с подарком. На денек раньше, чем положено, но, думаю, Камул с Хлебодарной не обидятся.

– Присаживайся, – Деметриуш указал на кресло для осо-бо важных посетителей, отодвинул бумаги, щелкнул кноп-кой электрического чайника.

Ему пришлось снять причудливую оплетку и приложить усилие, чтобы откупорить банку. Летний аромат завис в воз-духе, вытеснил можжевелевый дух. Новак зачерпнул завар-ку ложкой, насыпал в стеклянный чайник, залил кипятком и выставил на стол чашки и кусковой сахар.

– Ты знаешь, почему я пришел, – глядя на расправляю-щиеся цветы и листья, проговорил Анджей. – Возьми парня

в отряд. Должен буду, отплачу, чем смогу. Я его прикрывал, сколько мог. Сегодня мне вклеили выговор за злоупотребление служебным положением в личных интересах.

– Его уволили? Служебное несоответствие?

– Я уговорил начальство принять рапорт по собственному желанию.

Деметриуш залип взглядом на чайнике, прислушиваясь к себе. Он мог отказать Анджею. Не вмешиваться в чужую судьбу, устраниться, пустить дело на самотек. Избежать неминуемых неприятностей, в конце-то концов.

– Это же он меня нашел, – глухо сказал Анджей. – Командир поискового отряда велел сворачиваться, а он полез в подвал, где воды по колено было, добрался до третьей комнаты, дверь вышиб, когда меня услышал. И врача заставил на месте реанимационные мероприятия провести. Если бы мне сразу брюхо от аконита не промыли...

– Я думал, врач сам...

– Нет. Он наорал, пригрозил, и...

Деметриуш прикоснулся к горячему стеклу, подержал, запоминая боль припёка, и согласился:

– Ладно. Возьму.

Анджей просветлел, набрал воздуха в грудь, но Деметриуш оборвал его резким взмахом руки:

– Прикрывать не буду. Удержится в отряде – так тому и быть. Не уживется – пойдет в супермаркете на дверях стоять.

– Твое право. Спасибо, что не отказал. Я твой должник.

– У Камула на полях сочтемся. После Дня Подарков пусть в канцелярию зайдет, подаст рапорт. Рассмотрю обычным путем.

Анджей кивнул. Деметриуш поднял чайник, чтобы налить чай в чашки. Несколько можжевельных ягод сорвались с пленки и заплясали на линолеуме, скрепляя договор.

Глава 1. Развод и кафетерий

Дом – крепкий двухэтажный особняк – достался Ханне при разводе. Адвокаты раскопали имущество мужа, купленное в браке, заставили делить. Ханна забрала особняк, отказавшись от половины квартиры и загородного дома. Жить с Витольдом под одной крышей она больше не собиралась, продавать доли не хотела – неизвестно, насколько это затянется. Проще было совершить обмен. По иронии судьбы особняк Витольд купил своей любовнице, юной белоснежной волчице, твердо намеревавшейся перейти в статус законной супруги. Первый этаж занимала элитная кофейня, безнадежно прогоревшая – любовница пробовала свои силы в бизнесе и крепко промахнулась с выбором места.

По диагонали от особняка, через перекресток, высилось здание городского отдела полиции, раскинувшее щупальца-пристройки на весь кубик. Напротив – пожарная часть, занимавшая изрядный кусок Алтарного Парка, а сбоку – казармы и штаб мобильного отряда специального назначения. Люди и оборотни в форме курсировали из здания в здание, сидели на скамейках в Алтарном Парке, а элитное заведение с дорогущими сортами кофе и авторскими кексами оббегали по кривой дуге. Невысокий уровень культуры, прожорливость и умеренные зарплаты заставляли полицейских, спецназовцев и пожарных обедать в столовых, толкаться в оче-

редях за пирожками в киоске, приютившемся в углу сквера, носить термосы из ближайшей пельменной и покупать кофе и какао в автоматах, кидая пару монет. Отдавать крупную купюру за то, чтобы выпить крохотную чашечку кофе в обществе полотняной салфетки и букета из живых цветов, никому из служивых в голову не приходило – зачем, если можно взять картонный стаканчик и посидеть на лавочке?

Бизнес адвокаты отжали вместе с особняком. И это, неожиданно, вытасило Ханну из пучины терзаний, в которой она едва не утонула, пытаясь понять – можно ли было спасти брак? Допустила ли она какие-то ошибки, подтолкнувшие Витольда к измене? А потом, когда измена уже свершилась? Нужно ли было сразу хлопнуть дверью? Может быть, надо было...

Голос разума напоминал, что она уже в разводе и имущество поделено. Ханна выслушивала голос разума, кивала, и снова начинала думать: «А если... А если?.. А если бы...»

Визит в элитную кофейню, прогулка по парку и сомнительный комплимент от двух вояк, лузгавших семечки возле спецназовского КПП, взбодрили. Ханна оценила ситуацию и решила попробовать перевести блажь на рельсы обогащения. Первым делом она уволила флориста, отказавшись от ежедневных букетов на столах, вторым – баристу и официанта, третьим – выставила на продажу запасы элитного кофе и чая. А потом, тщательно высчитав вложения и возможные доходы, отправилась в банк, чтобы взять кредит.

Помещение не требовало ремонта, но над начинкой пришлось поработать. Ханна сменила мебель, избавившись от кожаных диванов, заполнила зал длинными столами, лавками и табуретами, добавила десяток высоких столиков для быстрого перекуса и чаепития. Открытую веранду переоборудовать не стала: занавеси из искусственных цветов и лиан никому не мешали, наоборот, могли помочь воякам прятаться от начальства. Нанятые рабочие монтировали холодильники и кухонное оборудование, поверенный Ханны заключал контракты с поставщиками дешевых и сытных полуфабрикатов. Жизнь была ключом, изгоняя дурные мысли о собственной ненужности. Оставалось привести в должный вид и выставить на рынок аренды квартиры на втором этаже, и нанять персонал для обжорки.

Пару раз Ханна докладывала о ходе дел своим родителям – они тревожились за её моральное состояние, никак не могли поверить в измену Витольда и развод. Старшее поколение, чтящее клятвы у алтаря, не желало принять факт, что Ханна вляпалась в поговорку: «Седина в бороду – бес в ребро». Витольд был старше на десять лет, и – как выяснили адвокаты – начал погуливать, справив сорокалетие. Подцепил любовницу на корпоративе, через месяц после юбилея.

Наверное, любовницу можно было понять: глава крупной строительной фирмы, видный волк с благородной сединой внезапно вспыхивает страстью, осыпает дорогими подарками, желает зачать ребенка. А что супругой обременен... су-

пруга – не стенка, подвинется. Тем более – бездетная. Не родила за восемь лет брака.

Так в итоге и вышло – Ханна подвинулась. Вот только понимать ни мужа, ни любовницу не желала. Особенно мужа. Зачем было сначала клясться у алтаря Камула, а потом юлить и прятаться в норах?

Ханна была вислицей, серединкой на половинку. Отец-альфа – суровый, уже заматеревший волк, отслужил два года в армии по обязательному призыву, и ушел на производство, в сталелитейный цех. Поднялся от мастера до начальника цеха, работал с людьми, волками и медведями, дома никогда голоса не повышал, матушку на руках носил и на годовщины свадьбы дарил роскошные букеты. Матушка, рыжая лиса с бурым ремнем по хребту, была государственным инспектором по охране труда и технике безопасности. Познакомились родители во время проверки на заводе, повстречались около года и пошли к алтарю. Не к Камулу, как принято у волков, а к Хлебодарной. Может, потому и связала клятва крепче, откуда знать?

Родители настойчиво предлагали Ханне вернуться в их квартиру: её комната еженедельно убиралась, вещи лежали в шкафах на полках. Она часто приезжала к родителям в дни командировок Витольда и оставалась на несколько дней. Связь с отчим домом истончилась, но не разорвалась. Именно поэтому ей не хотелось возвращаться – сейчас. В родительской квартире было невозможно выплеснуть кипящую

злость – обязательно кого-то ошпаришь брызгами. Её еще не отпустило, временами хотелось орать и что-нибудь швырять. Лучше было это делать в одиночестве, подальше от родительских глаз.

Очередные дровишки под кипящий котел злости прилетели после осмотра дома. Больше всего Ханну взбесило убранство любовного гнездышка. Квартиры, где Витольд наставлял ей рога. Круглая кровать с ярко-розовым покрывалом! Ладно бы круглая, но спальня невыносимо утопала в розовом, шевелилась кисеей, потряхивала кистями балдахина, ворсилась мехом абрикосовых ковров на полу. И это логово волков? Усада взора волка-альфы? Того волка, который выговаривал Ханне за яркое покрывало в супружеской спальне – все должно быть в серо-голубых тонах, никаких желтых месяцев в колпачках с помпонами на фоне звездного неба. Тьфу! Лицемер! Стыд и позор!

Ханна специально пару раз прошлась по коврам, оставляя грязные следы ботинок и цепляясь каблуками за ворс. Чуть-чуть полегчало.

Она выбрала себе квартиру с двумя спальнями и огромным угловым балконом, с которого были видны и пожарная часть, и отдел полиции, и – совсем немного – штаб спецназа. Розовое гнездышко решила растерзать, вытаскивая покрывала и ковры в мусорный бак – авось каким-нибудь бродяжкам пригодится.

Третью квартиру можно было сдавать – в ней стояла кое-

какая мебель, сделан относительно приличный ремонт. Ханна заказала генеральную уборку – и для съемщиков, и для себя – дала пару объявлений, не заламывая цену.

Ей позвонили на следующий день, и она тут же сдала свободную квартиру – человеческой паре без детей, с толстым и ленивым котом. Можно было выдохнуть, не беспокоиться о том, что она останется без денег, и спокойно заняться подбором персонала в кафетерий. Ханна сразу же после регистрации бизнеса оставила заявку на бирже труда, но оттуда почему-то никого не присылали.

Глава 2. Персонал для кафетерия

С подбором персонала дело продвинулось наполовину. На одну смену Ханна почти сразу приняла двух сестер, бурых лисиц, повариху и пекаршу. На вторую смену с биржи почему-то никого не присылали, приходилось звонить, обещать доплатить за дополнительное размещение объявлений и надеяться на успех.

Через неделю обещания достигли цели. На пороге почти готового к работе кафетерия возникло юное создание. Лисица мраморных кровей, альбиноска с нежной кожей и мгновенно розовеющими щеками. Голубоглазая, приятно округлая, до неприличия молодая и дико смущающаяся. Девицу звали Снежана, опыта работы она не имела, только двухнедельную практику после кулинарного училища. Застиранный плащ и потрепанная сумка-торба недвусмысленно намекали о сложном материальном положении.

Живое воплощение невинности с прохладным именем, подходящим к внешности, претендовало на место пекарши. Ханна осмотрела Снежану с головы до ног и объяснила, на какой прослойке населения собирается зарабатывать деньги.

– Здесь будут толпиться волки. И лисы, и висы. Альфы. Бесцеремонные, шумные, не питающие почтения к слабому полу. Мы наслушаемся претензий, что наши пирожки – горькие, что наши булочки и ватрушки застревают в горле, ца-

рапаясь корками. Самых наглых клиентов я буду посылать на все четыре стороны, мы имеем право отказать в обслуживании любому человеку или оборотню, не озвучивая причин. Но это тяжелая артиллерия, ее не применишь на каждый чих. Мелкие претензии придется выслушивать тебе и напарнице-поварихе. Ты уверена, что справишься с этой работой? Я беспокоюсь не о твоём стаже и отсутствии опыта. Мне кажется, что ты не сможешь хладнокровно советовать альфам запить булочку компотом.

– Я смогу, – пламенея щеками, ответила Снежана. – Мне очень нужна работа. Надо срочно заплатить за квартиру.

– Испытательный срок? – Ханне не хотелось обижать девицу. – Извини, Снежана, но если я увижу, что ты не подходишь для этой работы, уволю в тот же день. Договорились?

– Зовите меня Снежкой, – девица зарумянилось еще сильнее. – Буду рада испытательному сроку, госпожа Ханна. Когда можно приступать?

– Надо найти тебе напарницу. Я уже взяла на испытательный срок повариху и пекаршу. Смена выходит на неделю. Надеюсь, за это время появится кто-нибудь подходящий.

Краснощекая Снежка погрустнела и вытащила из торбы документы.

– Вы же меня оформите?

Ханна взяла удостоверение личности, машинально проверила дату рождения – совершеннолетняя, а то мало ли. Оценила место регистрации – крохотный хутор в недрах воевод-

ства – и зацепилась взглядом за отметку «происхождение». Висица.

– Я думала, ты чистокровная лисица, – удивленно и немного бесцеремонно сказала она. – Волчья кровь совсем не заметна.

– Отец – лис из клана Арктического Мрамора, – заученно проговорила Снежка. – Матушка – полярная волчица.

– Я тоже висица.

Признание должно было показать: Ханна не верит в бредни и сплетни, преследовавшие детей смешанной крови. Молва наделяла висиц, мягко говоря, повышенной любвеобильностью. Злые языки брали за основу правду – висице было сложно зачать, и откровенную ложь – якобы, бесплодие подталкивало их к бесконечным случкам с разными партнерами.

– Я бы не подумала, – внимательно изучив ее лицо, сказала Снежка. – Вы даже на кварту не похожи. Выглядите и пахнете, как чистокровная волчица.

– Вся в отца, – немного принужденно улыбнулась Ханна.

Они прошли в отгороженный уголок-конторку, подобие офиса. Ханна достала из сейфа типовой бланк договора, отыскала ручку, дождалась, пока Снежка заполнит строки. Поставила свою подпись. Подумала, предложила:

– Ты можешь подойти на открытие. Присмотришься ко второй смене, оценишь клиентов. Решишь, по силам ли тебе такая работа. Если передумаешь – порвем договор, а я под-

пишу тебе отказ для биржи, возьму вино на себя, поставлю предлогом отсутствие опыта.

– Заранее спасибо! – Снежка изобразила неумелый книксен. – Я обязательно приду.

Открытие намечалось через три дня. Как и положено, вылезла тысяча хвостов, которые нужно было срочно подчищать, Ханна завертелась, закрутилась, недобрым словом помянув непрофильное образование. Она специализировалась на гостиничном бизнесе, несколько лет проработала управляющей небольшого отеля. Опыт такой, да не такой.

В вечер перед открытием в кафетерий пришел очередной кандидат в повара. Замороженная Ханна оторвалась от накладных, смерила взглядом молодого волка-альфу, решила, что перед ней один из полицейских, не умеющий читать, и буркнула:

– Закрыто. Приходите завтра.

– Я по поводу работы, – голос звучал едва ли не угрожающе. – У меня направление с биржи.

Ханна настолько изумилась, что отложила накладные.

– Направление, – уточнила она. – На работу. Поваром.

– Поваром, – подтвердил молодой альфа.

Ханна изучила документы под пристальным волчьим взглядом. Диплом кулинарного техникума. Год работы на пищевом комбинате. Год работы в шашлычной. Отличные характеристики. Трудно найти повод для отказа.

«А чем Хлебодарная не шутит? – подумала Ханна. – Да,

по традициям выпечку должны готовить волчицы и лисицы, иначе пирожки и ватрушки пеплом в горле встанут. А на самом-то деле, сколько осталось от этих традиций? Нам привозят замороженные полуфабрикаты, которые мы доводим до готовности в печи. Кто там, на хлебозаводе, надзирает за линиями? Откуда знать? Может быть, полицейские охотней потянутся в кафетерий, увидев за стойкой собрата? Тем более что повар займется салатами и грилем. Пирожки и ватрушки в печь будет ставить лисица».

– Вот что, Ёжи... – перед тем, как произнести имя, Ханна сверилась с документами. – Ты меня устраиваешь. Но, прежде чем подписывать контракт, я прошу тебя познакомиться с напарницей. Если вы не сможете сработаться, я уволю того, кто будет зачинщиком ссор.

– Лисица? – прищурился тот.

– Висица.

– Я не буду ссориться.

Прозвучало это так, как будто Ёжи забыл добавить: «Сразу убью».

– Подходи завтра. Открытие в двенадцать дня. У полицейских и спасателей начнутся перерывы. Хоть кто-то, да зайдет. Из любопытства.

– Вы выбрали хлебное место, – в ворчании прозвучало одобрение.

– Досталось по случайности, – улыбнулась Ханна. – Извини, у меня дела. Жду тебя завтра.

Некоторые сомнения оставались. Волк-альфа в поварском деле – редкость. В сфере обслуживания – втройне. Любят они грызться и меряться гордыней. Потому в основном и служат в армии и полиции – там, где можно тратить злость в рамках закона. А еще по Ёжи не определишь, как он относится к висицам, верит ли в сплетни, маскирует ли пренебрежение напускным равнодушием. Сразу этого не выпросишь и не выяснишь, придется наблюдать. Если начнет хамить – самой Ханне, когда выплывет правда, или Снежке... вот алтарь Хлебодарной, вот – порог. Прощай, забыли лицо и имя.

Глава 3. Торжественное открытие

Ханна ушла спать, мучимая нехорошими предчувствиями. Вскочила, едва услышав будильник, в семь утра. Приняла душ, подсушила волосы феном, закуталась в шелковый халатик и вышла с чашкой кофе на балкон, оглядывая окрестности. Августовское солнце пробивалось сквозь крону липы. Дерево росло стратегически удобно, прикрывая балкон от жадных спецназовских глаз. Глоток кофе взбодрил, Ханна попыталась оценить температуру воздуха, чтобы понять, можно ли явиться на открытие в костюме, или она запарится в легком пиджаке и нужно отутюжить блузку с вышивкой. Погревшись на солнышке, она заметила, что альфы, толпящиеся возле пожарки и полиции, рассматривают её кафетерий. Сестры-лисицы и уборщица должны были подойти на работу к восьми утра. Торжественное открытие намечалось на полдень. Веранда, еще не украшенная воздушными шарами, по идее, не могла вызывать пристального внимания. Что заинтересовало служивых?

– Эй! – заорал кто-то из полицейских, адресуясь в сторону веранды. – Не заходи, вдруг там труп. Пусть сами вызывают.

Услышав слово «труп», Ханна запаниковала. Заметалась по квартире, ничего не соображая, схватила ключи от кафетерия и помчалась вниз, спотыкаясь на лестнице – забыв о том, что она в халате и тапочках, а на улице собралось доста-

точно зрителей. Пробежав вдоль дома и завернув за угол, она уткнулась носом в веранду. Кто-то предвосхитил ее желание украсить заведение к празднику. Занавеси из искусственных лиан переплели ленты: алые поминальные и черные, распитые почти забытой вязью. Метка Хлебодарной, проклинавшей дом, и объявлявшей хозяев демонами снопа.

Блюстителю традиций не побрезговали современными технологиями: прибили ленты к искусственной зелени степлером, не позволяя сорвать метки без повреждений. Ханна растерянно заглянула на веранду, осмотрела все углы, не обнаружила трупа и сильно разозлилась – не столько из-за лент, сколько из-за приглушенных смешков и переговоров полицейских. Развели на пустом месте, выманили из норы, заставили выставить себя перепуганной курицей, испортили образ уверенной в себе бизнесвисицы.

Она вернулась в дом, сохраняя видимость достоинства, посмотрела на костюмы и блузки, вздохнула, переделалась в спортивные вещи, вооружилась ножницами и кухонным ножом, и снова отправилась к веранде – полицейские и спасатели уже разошлись, видимо, вспомнили, что у них имеются служебные обязанности, которые надо выполнять, не растрачивая время на наблюдение за мнимым трупом. Ханна резала ленты вместе с искусственной зеленью, бросала на асфальт, чтобы потом убрать в мешок, и не заметила, как к кафетерию подошли бурые сестрицы-лисицы.

– Ох-ох, – застонала старшая. – Грешно работу начинать

без покаяния. Надо вызвать жреца, пусть обряд очищения проведет.

– Какой обряд? – еще сильнее обозлилась Ханна. – Через четыре часа открытие! Отпирайте помещение, включайте печи, начинайте шинковать овощи, распаковывайте замороженные полуфабрикаты.

– Нельзя идти против воли Хлебодарной, – прошипела младшая сестрица-пекарша. – И порог переступить нельзя, пока поминальные зерна не уберут. И убирать с молитвой надо, а не просто так.

Ханна взглянула на пол веранды, засыпанный крашеным пшеном и горохом, срезала очередную ленту и приказала:

– С черного хода иди, если тебе вера через мусор шагнуть не позволяет. И избавь меня от показного благочестия. Тот, кто это сделал, не чтит ни Камула, ни Хлебодарную, иначе бы не шутил с подобными вещами.

– Не тебе судить, – прищурилась бурая. – Вы, висы и ви-сицы, бродите меж двух алтарей. Лавируете, не признавая ни бога войны, ни богиню плодородия. Мы с сестрой не возьмем грех на душу. Не войдем в оскверненный дом, пока не услышим дозволение жреца. Мы уважаем волю Хлебодарной.

«Вот и вылезло... – подумала Ханна. – Чистая кровь, правильные боги, пониженная социальная ответственность... как некстати. Не судьба сегодня открыться».

– Увольняю обеих, – сообщила она, обрезая очередную ленту. – За документами зайдете завтра. На испытательном

сроке я могу отказать вам от места без объяснения причин, чем и пользуюсь. До свидания!

– Добрый день!

Ханна вздрогнула. Волк Ёжи как будто вынырнул из-под земли – уличный шум скрадывал шаги, сбивал с толку.

– Позвольте, я помогу.

Она кивнула и отдала ему инструменты – руки уже затекли от непривычной работы.

Тук-тук-тук... шурх!

С ножом Ёжи обращался уверенно – рубил ленты быстро и аккуратно, рассчитывая силу удара.

– Есть перчатки и мусорные мешки?

Да что же это такое? Снежка тоже подкралась незаметно, поставила торбу на стол, и, не испытывая никакого божественного трепета, топталась по крашеному пшени.

– В кафетерии, в подсобке, – Ханна достала связку ключей с брелоком из кармана. – Вот, смотри. Зеленая кнопка поднимает жалюзи. Замок простой. Я сейчас тебе покажу, где всё лежит.

Они дружно взялись за дело, и к приходу уборщицы и декоратора, который должен был наполнить гелием воздушные шары, о проклятье и поминовении ничего не напоминало. Снежка смела пшено и горох, Ханна набила лентами два больших мешка, Ёжи вынес их в мусорный бак. Вопрос: «Открываемся или откладываем на завтра?» так и не прозвучал. Ёжи и Снежка отмылись, переоделись в форму, и,

шурша прозрачными перчатками, принялись за дела: противни с пирогами и ватрушками отправились в печь, бодро застучала овощерезка, от гриля вкусно запахло жареной курятиной. Ханна принюхалась, сглотнула слюну, вспомнила, что не успела позавтракать и поспешно сбежала в квартиру – перекусывать, гладить блузку, приводить себя в порядок, чтобы хотя бы на открытии выглядеть прилично и достойно.

Она выпила йогурт, сгрызла несколько печений, подкрасила глаза и губы, и начала одеваться, прислушиваясь к себе. Казалось бы – обошлось. Поблагодари Ёжи и Снежку после рабочего дня, вознагради материально. Проследи за развешиванием воздушных шаров и принимай первых посетителей. Отчего на душе по-прежнему тревожно?

Ответ пришел незамедлительно. Мотоцикл взревел мотором, разогнался, пересекая перекресток. Водитель вильнул, притираясь к обочине. Седок размахнулся и швырнул на веранду какой-то предмет. Хлопнуло – под визг декоратора и треск лопающихся шаров. Зазвенело. Похоже, стекло осыпалось.

Ханна скатилась по лестнице, едва не переломав ноги. Добежала к месту происшествия не первой – в рассеивающемся белом дыму, переворачивая стулья и обдирая уцелевшие искусственные цветы, уже бродили полицейские.

– Взрывпакет, – докладывал телефону рослый сержант-волк. – Пыж валяется, сейчас эксперт подойдет, посмотрит. Стекло разбилось от удара баллона с гелием, деко-

ратор перевернул. Да, хозяйка уже тут. Сейчас напишет заявление и даст показания дознавателю. Вы когда подойдете? Хорошо, сейчас закажу. Эй! Повар!

Невозмутимый Ёжи выглянул из-за стойки.

– Курица готовая есть?

– Через десять минут дожарится.

– Отложи, начальство обедать придет.

Ёжи кивнул, сделал пометку на листке бумаги. Снежка нагрузила поднос стаканчиками и пирожками, крикнула:

– Четыре кофе, два с молоком, один с сиропом, один черный. Две слойки с мясом, две с сыром, две ватрушки и слойка с малиной. Забирайте. Готовьте мелочь под расчет или платите с карты. Размена нет.

Ханна хотела сказать, что размен есть, лежит в сейфе, но попала в лапы полицейскому-человеку, потребовавшему от нее заявление о происшествии. Тут же явилась эксперт, самоуверенная рыжая лисица Полина, возжелавшая отобедать блинами с печенкой. Она сфотографировала осколки, пыж с маркировкой, и наорала на двух волков-спецназовцев в полной экипировке, исподтишка лопавших привязанные к веранде шарики. Спецназовцы устыдились и втянулись в помещение – за кофе и пирожками.

Гвалт стоял невероятный. Полицейские разговаривали по телефонам, прерывались, чтобы обсудить между собой взрыв, пыж и качество пирожков. Кто-то хвалил выпечку, кто-то хвалил Снежку, кто-то жаловался, что тесто горькое

и куски застревают в горле. Раскрасневшаяся Снежка в высоком поварском колпаке выслушивала заказы, предлагала пирожки с другой начинкой – «вишню ждать долго, попробуйте воздушный пирог с абрикосами» – шустро пробивала чеки, улыбалась, упаковывала пакеты «с собой». Ёжи, на вид все такой же мрачный и готовый укусить клиента, щеголял в белой косынке, завязанной на затылке, смешивал салаты в контейнерах, фасовал порции горячего: мясо, курица, грибы и овощи на гриле.

«А ведь мы открылись, – поняла Ханна. – Открылись и работаем. Цель достигнута. Но методы оставляют желать лучшего».

Глава 4. Первый скандал

Дознаватель опрашивал ее минут сорок – тут же, на веранде. Ханна честно отвечала на вопросы – «нет, нет, нет» – но не решилась озвучивать какие-либо подозрения. Это не могло быть делом рук Витольда. Да, бывший муж оказался гулякой, но в вопросах соблюдения законности он был щепетилен. Никогда бы сам никому в дверь взрывпакет не швырнул, а нанимать уголовников побрезговал бы. Моральные качества любовницы Витольда были Ханне неведомы, но она не собиралась рисковать и произносить ее имя вслух. Взрывпакет мог быть делом рук местных хулиганов, дурацкой выходкой, проявлением удали, случайно попавшей в ее кафе-терий. Если Витольд пронюхает, что она попусту упомянула имя любовницы в показаниях, будет изрядный скандал. Нет уж, лучше промолчать. Пусть полиция разбирается.

А еще – это, конечно, было глупо, но что поделаешь – Ханне не хотелось проговаривать вслух историю развода и получения особняка. Вытряхнешь грязное белье, а ленты и взрывпакет окажутся шалостями шпаны. Потом придется локти кусать, что могла бы промолчать, а сама всех оповестила. Будут кости перемывать всем полицейским управлением, что не узнали, то придумают.

Вырвавшись из лап дознавателя, она принесла размен для Снежки, показала Ёжи, где лежат термопакеты, вышла на ве-

ранду, чтобы добавить салфеток на столы. Служивые чавкали, хохотали, а некоторые, особо наглые, пытались потрогать ее руками – приходилось ускользать, проявляя изворотливость. Ханна вздрогнула, когда волк-сержант коснулся ее плеча, повернулась, проследила за взмахом руки.

– Командир, – сообщил волк и ушел в кафетерий.

Ханна посмотрела на улицу. Перекресток переходили трое: высокий седой оборотень-волк, матерый, окутанный аурой власти, и идущие рядом рыжий лис и человек – помоложе, в форме, с папками, внимательно выслушивающие указания.

Лис и человек бодро протопали в зал. Сержант вынес курицу и овощи на веранду, поставил на стол перед начальником. Что-то тихо спросил, кивнул и махнул Ханне: «Подойди!»

Полицейский начальник ел курицу с видимым удовольствием. Бросил кость от ножки на пустую тарелку, спросил:

– Почему сразу нас не вызвала, заявление не написала?

– Когда – сразу?

– Когда ленты увидела. Зачем тянула? Ждала продолжения, с шумом хотела открыться?

– Кто бы у меня про эти ленты заявление принял? – удивилась Ханна. – Ущерба никакого не было.

– Ущерба не было, – согласился волк, – а оскорбление чувств верующих случилось. Во всех трех административных зданиях.

– Про оскорбление чувств я как-то не подумала, – призналась Ханна.

– Был бы оборотень – статья найдется. Ты уже догадалась, от кого привет?

– Не знаю. – Ханна решила придерживаться выбранной линии.

– А предыдущая хозяйка помещения? – поднял бровь волк. – Ты же разорила уютненькую кофейню. Диваны выбросила. Мы иногда заглядывали кофе попить. Всегда тихо. Посетителей нет. Оно и понятно, почему. Но нас с Демчо цены не напрягали, нам лишь бы спокойно посидеть.

Волк захрустел прожаренным куриным крылом. Ханна пыталась понять: «Знает? Не знает? Намекнул или просто разговор о помещении?» и мучительно придумывала, что сказать в ответ. Следующие фразы четко дали понять – знает.

– Может быть, ей хотелось и мужа, и кофейню. А пришлось выбирать. А вдруг она жадная?

Ханна сцепила задрожавшие пальцы и согласилась:

– Вполне возможно. Но в данной ситуации она в выигрыше. Она победила, получила Витольда. Дело идет к свадьбе. Он ей купит новую кофейню, если она попросит. Он точно не жадный. А на этой забегаловке клин не сошелся. По идее, это я должна ей мстить.

– Надеюсь, у тебя хватит ума не делать такой глупости, – усмехнулся волк, и, без промежуточных реверансов, сооб-

шил. – Меня зовут Анджей.

Ханна церемонно представилась, но ее уже не слушали. Возле столика возник один из полицейских, что-то зашептал Анджею на ухо. Беседа скомкалась, к утолившему первый голод начальнику потянулись ходоки, и Ханна удалилась, не желая мешать.

Она поняла, что наμαστεя еще с этим расследованием – вывернут жизнь наизнанку, прополощут ни за что, ни про что. Впрочем, Анджей и так о многом знает. Интересно, почему и откуда?

От размышлений ее отвлек зов Снежки, которой понадобились ключи от второго холодильника. Первая волна посетителей схлынула – полицейские ушли на совещание, три звена МЧС уехали на пожар. Относительное безделье закончилось примерно через час. За это время Ханна успела поблагодарить и похвалить Ёжи и Снежку, съела два блинчика с печенкой – гадость, но все полицейские почему-то хвалят – и занялась поисками зубочисток, которые точно покупала, но куда-то надежно спрятала. В зал и на веранду ввалились спецназовцы в сизо-черной форме и бронежилетах, увешанные разнообразным оружием и чехлами, скрывавшими предметы непонятного назначения. Помещение заполнило рычание – переговаривались между собой, как будто пасть в рот не превратилась – треск раций и бряцанье металла.

Ханна отчаялась найти зубочистки и вышла на веранду, чтобы не путаться под ногами. Ёжи и Снежка утонули в во-

рохе заказов, зачем их отвлекать? Понадобится помощь – позвонят.

Вскоре из помещения вышла пара с нагруженными подносами. Волки, альфы – самые капризные и конфликтные клиенты. Еще не попробовавшие еду, но уже недовольные качеством. Ханна краем глаза отметила груды пирожков на одном подносе, контейнер с салатом и курицу – на другом. Спустилась на тротуар, чтобы не смущать клиентов своим присутствием, и почти сразу вздрогнула от гневного крика:

– Эй, ты, белобрысая! Жопой слушаешь? Я тебе сказал – салат без сухарей! Какого хрена?

Волна ярости была такой ощутимой, что Ханна оцепенела. Она повернула голову, увидела, как спецназовец сплевывает в мусорную корзину и утирает рот салфеткой. За этим последовал новый вопль:

– Тупая? Ничего в башке не держится, потому что мозги между ног бултыхаются?

До Ханны, наконец-таки, дошло, что спецназовец орет на Снежку – выбитое стекло двери способствовало прямому общению. Этот факт помог сбросить остолбенение. Она в три шага оказалась у столика и ровным тоном посоветовала:

– Фильтруй базар или проваливай. У себя дома будешь такими словами швыряться.

Глава 5. Жилье для Снежки

Спецназовец смерил ее взглядом и скривился. Ханна поняла, что ей сейчас тоже достанется порция площадной брани, и решила, что, в самом крайнем случае, даст наглецу оплеуху. Как-нибудь не посадят за нападение на представителя власти, на первый раз влепят штраф.

Драматическое противостояние нарушил невзрачный пожилой волк в костюме. Он хлопнул спецназовца по макушке свернутой газетой, а когда тот взвился, мирно спросил:

– Ты чего тут воняешь, Шольт?

Спецназовец сдержал очередную волну ярости и крик – явным, читающимся на лице усилием. Рыкнул:

– Углем кормят.

– А ты не ешь, – посоветовал волк в костюме и вошел в кафетерий.

На веранде появился Ёжи. Забрал салат, поставил другую порцию. Пробурчал:

– Извините за неудобство. Это я не расслышал заказ.

– Мне ничего не надо!

Движение руки в черной перчатке смело курицу, салат и кофе в мусорный бак. Разъяренный и оскорбленный Шольт удалился в сторону штаба. Дверью веранды не хлопнул только потому, что она была прицеплена на прочный крючок и подперта увесистым булыжником. Но крючок разогнул и по-

что оторвал. Придется менять.

Снежка, побагровевшая до свекольных пятен на скулах, продемонстрировала волку в костюме ассортимент нарезанных на куски пирогов. Ёжи пробормотал:

– Он заказывал без сухарей. Я отвлекся и подал готовую порцию.

– Он не имел права оскорблять Снежку, – ответила Ханна. – Хамов мы не обслуживаем. Это не обсуждается.

Ёжи кивнул и спрятался за стойку. Ханна снова выскочила на улицу, нервно прошлась вдоль фасада дома. Мысли почему-то занимал вопрос, не менявший ситуацию. Придуривался этот Шольт или действительно не выносил вкус сухарей? Ханне еще не встречались одинокие альфы, которые полностью исключали из рациона хлеб. Витольд во время их романа хрустел бездрожжевыми хлебцами, охотно ел овсяные булочки, а от сдобы отказывался – говорил, что в горле першит. После свадьбы просил Ханну готовить на праздники пироги и пирожки – очень уж ему понравился семейный рецепт, начинка с яйцом и зеленым луком. Ел ли отец хлеб до встречи с матушкой, Ханна никогда не спрашивала. Тогда были другие времена, сейчас промышленность перестроилась, магазины и кафетерии завалены разнообразными пресными лепешками, безвкусными хлебцами и пергаментными лавашами. Большинство одиноких альф не питали страсти к дрожжевой выпечке, но всяческие блинчики и эклеры лопали только в путь. Ханна впервые сталкивалась с

фактом, что альфа не может съесть салат, в который добавлена щепотка ржанных сухариков без дрожжей. Неужели живет с проклятьем Хлебодарной?

Богиня прокляла охотников, вкусивших крови в День Преломления Хлеба, в праздник примирения – Камул и его стая явились отведать ее выпечку, согласившись, что нужно создавать островки мира без войны и наказывать чрезмерную жестокость. Тем, кто охотился в день божественной трапезы – и их потомкам – хлеб встал поперек горла, обретая вкус угля. Известно, что Хлебодарная не раз проклинала тех, кто поднимал руку на беременных жен и обижал незащищенных детей – если мольбы жертв достигали ее слуха.

В последние годы начали проводиться исследования, вроде бы, была выявлена связь группы крови, гормонального фона и аллергической реакции на выпечку, но паства Хлебодарной считала эти изыскания ересью. И лисы, и волки, и – гораздо реже – медведи, знали, что хлеб, принятый из рук нареченной или супруги никогда не обретет вкус золы, если жить, почитая плодородие и не причиняя вреда слабым.

«Наверное, этот Шольт врет, – решила Ханна. – Нашел повод для скандала, сорвал злость на той, которая не может ему ответить. Вот бы Хлебодарная его за это на самом деле прокляла, отучился бы прикрываться такими вещами».

Она отправилась в квартиру, чтобы вознаградить себя чашкой хорошего кофе – то, что продавалось в кафетерии, годилось только на то, чтобы запить сладкую выпечку или

блинчики с печенкой. Ханна знала, что напиток на самом деле не бодрит, а блокирует проявления усталости, заставляя организм растрачивать накопленный резерв сил. Силы растрчивались быстро, а накапливались долго. Но в критические моменты – а открытие, взрыв, дознание и скандал в один день ординарной ситуацией назвать было нельзя – это было спасением.

Перед возвращением в кафетерий она умылась прохладной водой и освежила макияж. Придирчивый взгляд в зеркало не обнаружил изъянов – ни синяков под глазами, ни следов на нижней губе, которую она прикусывала в моменты волнения. Обычная, наверное, даже, симпатичная висица. Русоволосая, сероглазая, с приятными чертами лица. В молодости Ханна носила волосы до плеч, собирая их в «хвост» и прически, а после тридцати начала коротко стричься – это придавало энергичный вид. Да и мороки с короткими волосами было меньше – фен, воск, пять минут и готово.

Остаток дня прошел без происшествий. В восемь вечера они закрылись – пришлось выгонять с веранды двух полицейских – и отправились во двор, чтобы обговорить дальнейшие планы. Ханна еще раз повторила слова благодарности, выдала своим спасителям два конверта – «серую» премию. Спросила, согласны ли Ёжи со Снежкой работать в таком режиме. Согласны ли переработать – возможно, вторая смена найдется не сразу.

– Я буду очень рада, – сказала Снежка, спрятавшая кон-

верт в торбу. – У меня временные трудности. Мне отказали от квартиры – хозяин выставил ее на продажу, быстро нашлись покупатели. К сожалению, моих сбережений не хватает на то, чтобы заплатить залог за новое жилье. Я готова работать без выходных. Если нетрудно, подыскивайте пока только повара.

– А где ты собираешься жить? – поинтересовалась Ханна.

– Не знаю. Попрошусь к знакомым... если откажут, попрошу вас разрешить мне ночевать в подсобном помещении.

– В подсобном – не разрешу, – Ханна посмотрела на огорченное лицо Снежки и решила, что должна сделать доброе дело. – Наверху пустует трехкомнатная квартира. Условия: ты не шумишь, оплачиваешь коммунальные счета, не жалуешься на мебель и обстановку, пока подыскиваешь себе подходящее жилье.

Смотреть розовое гнездышко пошли втроем – Ёжи почему-то никуда не торопился. При виде круглой кровати Снежка пришла в восторг, а от наличия балдахина чуть не прослезилась.

– Как тут красиво! – хлопая глазами и краснея, сказала она. – Жил же кто-то! Вот бы всегда так жить!

Грязные следы на коврах вызвали охи и вздохи. Пока Ханна прикусывала язык, чтобы не сказать всё, что она думает об интерьере, Ёжи отскреб налипшие на мех куски глины и пообещал Снежке отвезти ковры в химчистку. Нельзя допустить, чтобы пропала такая красота!

Ханна наскоро написала подобие договора. Ожидавшие бумагу Ёжи со Снежкой обсуждали роскошь обстановки и перевозку вещей.

«Сразу сработались, и дальше вряд ли будут ссориться, – подумала Ханна. – Надо же, как любовь к розовому цвету и золотым кистям оборотней объединяет. Никогда бы так на совместимость проверять не догадалась. Хотя, это будет действовать, только если оба искренни. Витольд же мне врал».

Перед сном она позвонила родителям, рассказала, как прошел первый рабочий день – кратко и подправляя некоторые моменты. Удивилась тому, что матушка разделяет точку зрения полицейского начальника и возлагает вину на любовницу Витольда. Замяла неприятную тему и пообещала непременно приехать в выходные, когда в кафетерии будет поменьше народу.

Засыпая, Ханна провалилась в водоворот лиц – злых, испуганных, обеспокоенных. Оружие, фуражки, погоны, шлемы, бронежилеты... Альфы, волки, лисы и люди сливались в размытое пятно, предрекавшее беспокойный сон. Так оно и вышло.

Глава 6. Рабочие будни

Следующий день покатился по накатанной колее. Полицейские, спецназовцы и спасатели были неприятно удивлены расписанием – кафетерий открывался с десяти утра – и с восьми ломались в дверь, в которой меняли стекло, пугая рабочих и вымогая у Снежки вчерашние пирожки на вынос. Добросердечная Снежка выдавала голодающим альфам пакеты, забирала деньги под расчет, а к открытию озвучила Ханне дельную мысль:

– Надо сбоку сделать окошко. Утром продавать кофе и вчерашнюю выпечку. Кто хочет – поест на веранде, мусорный бак для картонных стаканов и тарелок там стоит. Кто торопится – унесет с собой. Зимой будут только уносить.

– Посчитаем объемы продаж, на вечерний час перед закрытием сделаем скидки, утром тоже вчерашнее можно будет продавать со скидкой. А днем цену надбавим... через месяц-другой, – прикинула Ханна. – Да! Я же нашла зубочистки! Сейчас на столы расставлю.

– Не надо, – отмахнулась Снежка. – Они их растащат, разломают и набросают на пол. Не утруждайтесь.

К обеду выяснилось, что Снежка права. Служивые крали зубочистки пачками, теми, которые не украли, лопали уцелевшие шарики, сперли три солонки и салфетницу, срезали и унесли пяток искусственных лиан, сломали две креп-

кие табуретки и выдрали доску из ограждения веранды. Ханна дождалась Анджея и кротко спросила, можно ли написать заявление. Волчара долго хохотал, а потом устроил разнос всем обедающим, пообещав кары за воровство и порчу имущества. Толпа в разноцветных формах прижимала уши и наклонялась к тарелкам. Спасатели устыдились и вернули в зал украденный стул со спинкой. Надо же... Ханна стулья не считала и ничего не заметила.

Рабочий день прошел гладко – мелкие свары не в счет. Ханна напрягалась, когда в кафетерий заходили спецназовцы, скользила взглядом по лицам, успокаивалась, не обнаружив скандалиста Шольта. Она не собиралась бросать слова на ветер. Раз пообещала Ёжи и Снежке, что откажет хаму в обслуживании, значит, надо выполнять. Не увиливая, не перекладывая на чужие плечи. Если Шольт попробует войти, придется заступить ему дорогу. Вероятнее всего, это обернется новым скандалом, да еще и отсечет часть клиентов, но тут уж ничего не поделаешь – нельзя изменять принципам и давать работникам повод усомниться в своей надежности.

Ханна по гостиничному делу знала, что альфе простят слова: «Хамов мы не обслуживаем. Это не обсуждается», если проблемный клиент снова появится на точке. «Сильному» альфе простят, а «слабой» висице – нет. Ёжи со Снежкой промолчат, но запомнят, и однажды это выплывет – и не просто выплывет, а в самый неудобный момент. Скажут: «Это с самого начала было ясно – первого скандалиста не прогнала,

значит и остальным спустит». Не смолчала? Теперь делай.

Шольт так и не появился. Вечером Снежка отбыла из кафетерия вместе с Ёжи, пообещав вернуться через пару часов – «мы привезем вещи, поднимем их в квартиру без шума, не беспокойтесь». Ханна бы и не беспокоилась, но через час раздался звук, который взбудоражил сумеречную улицу так, что дежурные изо всех трех КПП повыскакивали. Ёжи привез Снежку и вещи на предмете, который гордо называл «своей машиной». На самом деле это было ведро с болтами возрастом чуть постарше Ханны, передвигавшееся на колесах по чистому недоразумению. Ведро гремело, чихало и громогласно стреляло глушителем. Трое дежурных собрались на перекрестке, фотографировали ведро и громко обменивались впечатлениями. Ни Ёжи, ни Снежку это не смущало. Получив разрешение загнать ведро во двор – Ханне не хотелось позориться – они начали дружно таскать вещи, одновременно беседуя с человеком-соседом и хваля кота.

«Счастливики, – подумала Ханна. – Энтузиазм юности так и плещет».

На третий день работы кафетерий посетил следователь. Волк средних лет, отдавший должное выпечке, перепечатавший показания Ханны, Снежки и Ёжи, которые принес на веранду дознаватель, и заставивший всех расписаться на выплунутых принтером листах.

– Видео будете смотреть? – спросил он у Ханны. – Ребята с камер в округе сняли, нарезку сделали. Хорошо видно, как

он запальный шнур перед перекрестком поджигает.

– А можно?

Ханну одолело любопытство – кто «он»? Мотоциклетный шлем скрывает лицо, но вдруг по фигуре станет что-то понятно?

– Почему же нельзя? – удивился следователь. – Вы же наша кормилица, вам грех отказать.

Они отправились в городской отдел полиции, где в результате приткнулись в свободном кабинете заместителя Анджея. Просмотрели куски видеозаписей, обсудили небрежно замазанный номер мотоцикла. Ханне мотоциклисты – ни водитель, ни бомбист – не показались знакомыми. Если и встречала – мельком, в толпе – то не контактировала так, чтобы опознать.

– Сто процентов – исполнители, – сказал следователь в ответ на ее слова. – Их мы быстро возьмем, завтра-послезавтра в КПЗ будут. А заказчика я вряд ли прижму. Исполнители показания не дадут, за хулиганское нападение по предварительному сговору срок вдвое увеличивается. Вызову, конечно, всех возможных подозреваемых. Но это так... только нервы помотаю.

Ханна кивнула. Она не пыталась как-то повлиять на действия системы. Надо расследовать – пусть расследуют. Хотят пообедать – меню кафетерия к их услугам. За счет заведения. Мелкие сошки много не съедят, а Анджей за себя платит. Если пришлют повестку – Ханна явится, куда прикажут.

А пока не вызовут, будет сидеть и помалкивать. Не тот случай, когда нужно инициативу проявлять.

Распрощавшись со следователем и заместителем Анджея, она пошла к особняку, выбирая: зайти в кафетерий или устроить себе перерыв на балконе с чашкой чая? Ей хотелось обдумать слова следователя «вы же наша кормилица». Неужели приняли, сочли «своей»? Что помогло? Доброе отношение Анджея, расторопность и обаяние Снежки, хмурая исполнительность Ёжи?

Оглядев веранду, Ханна остановилась как вкопанная, забыв о лестном эпитете и поиске причин доверия. За столиком сидел экипированный и обвешанный оружием Шольт. Тот самый Шольт, которого она обещала не впускать в заведение. Сидел и пил кофе, перечеркнув возможность отказа в обслуживании. Выпроваживать клиента, купившего товар, было по меньшей мере глупо.

Разозленная Ханна вошла на веранду, громко цокая каблуками босоножек, присела за свободный столик и начала лихорадочно придумывать повод, чтобы выставить Шольта вон – после того, как тот допьет кофе. Мысли путались. Шольт оторвался от картонного стаканчика и ожег Ханну недобрым взглядом.

«Да просто скажу: «Пошел вон, ты мне не нравишься», – решила Ханна. – Нажалуюсь Анджею, наверняка он спецназовское начальство знает. Как-нибудь все утрясется».

Глава 7. Йонаш

Шольт пригубил кофе. Искусственные лианы зашевелились. Сквозь листья на веранду заглянул мальчишка лет десяти. Осмотрел столик, Шольта и сообщил:

– Я сдал переэкзаменовку. Она поставила тройку.

За минуту тишины Ханна успела пообещать себе, что если Шольт сейчас повысит голос на ребенка, то на скандал и драку сбегутся служивые со всех трех зданий. Она мерзавцу глаза выцарапает, если он на мальчишку наорет.

Картонный стаканчик стукнулся о стол. Шольт просветлел, утрачивая казенное выражение лица:

– Хвала Камулу милосердному! С меня мороженое, как договаривались.

– Большое! – Мальчишка шмыгнул на веранду, уселся напротив Шольта, протянул открытую ладонь.

Шольт полез под бронезилет, за пазуху, порылся, выудил бумажник и вручил пацану.

– Хоть два! Пообедай тут, дома ничего нет. И купи что-нибудь на ужин.

– Ты ел? – спросил мальчишка.

– Нет. Мы сейчас на выезд. Ждем, пока прокурор санкцию подпишет. Там семиэтажный дом, как я буду поздравши на тресе болтаться?

– Никак.

Ханна понимала, что надо встать из-за столика и уйти. И все равно сидела, ошарашенная переменой – злость Шольта исчезла, как и не было никогда. Обычный оборотень: темно-волосый, худощавый, немного длинноносый, симпатичный. Никакого сравнения с тем воплощением ярости, которое орало на Снежку и ломало дверной крючок. Ханна только сейчас разглядела, что Шольт ее ровесник. Около тридцати, наверное, чуть старше. А когда скандалил, искаженное лицо отягощал десяток лишних годков.

Мальчишка... мальчишка был похож на Шольта как две капли воды. Такой же черный ежик волос, внимательные карие глаза. Длинноватый носишко, придающий узкому лицу своеобразное очарование.

«Брат? Сын? Сын у одиночки, который не ест хлеб? Наверное, младший брат».

Рация затрещала, хриплый голос что-то скомандовал. Шольт вскочил, коснулся плеча мальчишки. Тот ухватил его руку в перчатке, задержал, прижавшись щекой, напутствовал:

– Удачи!

– До вечера, – ответил Шольт, щелкнул мальчишку по макушке и убежал. Пацан деловито изучил содержимое бумажника, пересчитал наличность, вынул и повертел банковскую карту. Обернулся, услышав оклик какого-то полицейского:

– Привет, Йонаш!

– Здравствуйте, дядя Болек!

– Как твои дела? Сдал «хвосты»?

– Математику на тройку, – доложил пацан. – Осталось с рисованием разобраться.

– Рисование – фигня. Главное – математика. Не зря вы с Мохито задачки решали.

Йонаш рассмеялся, вместе с полицейским вошел в кафе-терий, заказал себе блинчики с повидлом и чай. Он здоровался почти со всеми заходящими посетителями, называл их по именам и гордо докладывал о тройке.

Ханна прислушивалась к обрывкам разговоров, пытаясь определить, кем приходятся друг другу Йонаш и Шольт. Слово «папа» мелькало несколько раз, но к кому оно относилось, понять было невозможно – Шольт имелся в виду, или кто-то другой. Она дважды расслышала, как упоминали Мохито, однако это ничего не прояснило – никаких проблесков родственных связей, намека на пол или возраст. Ханна прекрасно знала, что имя, кличка или фамилия могут быть обманчивы. В гостинице вместе с ней работала администратор-медведица по фамилии Клопик. На фамилию она откликнулась охотнее, чем на имя-отчество, и у постояльцев частенько случалось потрясение, когда после призыва клопика из служебных помещений выплывала дородная и пышногрудая матрона почти двух метров роста.

«А зачем я вообще подслушиваю и пытаюсь что-то понять?» – подумала Ханна и ушла в квартиру, чтобы пережить ноющее чувство недовольства собой. Она дала себе обеща-

ние вышвырнуть Шольта, а теперь получалось, что скандал затронет интересы ребенка. Обижать мальчишку – даже косвенно – не хотелось, и это порождало злость на себя и на обстоятельства. Злость, которую нужно было просто перетерпеть и пережить.

На следующий день они встретились в зале. Шольт явился в «мертвый час», уставился на меню с нескрываемым недоверием. Ёжи высунулся из-за стойки, нахмурился – Ханна уже поняла, что это не угроза, а выражение готовности действовать.

– Порцию печенки, – снизошел Шольт. – Чай и кофе. Не считай пока, сейчас еще что-нибудь добавишь.

Запыхавшийся Йонаш вбежал в зал, лихо прокатился по плитке, обнял Шольта, дергая за прицепленные к поясу кобуры и чехлы.

– Она сказала, чтобы я сдал два натюрморта и пейзаж.

– Ну, ё!.. Где я эти натюрморты возьму? Ладно, подумаем. Выбери, что на обед будешь.

– Что и ты.

– Я взял печенку.

– Нормально.

Йонаш стоял, утыкаясь лбом в бронежилет, сбивая на затылок кепку маскировочной расцветки. Шольт осторожно перехватил его запястье, отвел руку от кобуры с пистолетом. Кивнул Ёжи, тихо спросил:

– Может быть, тебе еще пирожок? Или блинчики?

– Не хочу.

– А может... О, Матеаш идет! Сейчас я спрошу... На!

Он впихнул Йонашу бумажник и с топотом помчался на улицу, оглашая окрестности истошным криком:

– Господин Матеаш! Здравствуйте! Как здоровье вашей супруги? А детишек?

Глава городских огнеборцев, собиравшийся сесть в машину, замер. Ответил:

– Спасибо, все здоровы. Что тебе надо, Шольт?

– У вас в холле осенью стенгазета красивая с тыквами висела, помните? А зимой рисунки всякие с поздравлениями.

– Я-то помню. Зачем тебе тыквы понадобились?

– Не тыквы! – Шольт орал на всю округу, не хочешь, да услышишь. – Мне нарисовать надо! Три пейзажа и два натюрморта!

– Два натюрморта и один пейзаж! – взвизгнул Йонаш, забирая сдачу и хватая поднос.

– Пацана на второй год оставят, если натюрморты не принесем! Я ходил на аллею, где картины развешаны, но там всё в рамах и очень дорого! И без рам не продают. Скажите, пожалуйста, кто тыквы рисовал? Я с ним попробую договориться. Мне натюрморты позарез нужны!

– Мне б твои проблемы! – покачал головой огнеборец. – Сейчас я ему позвоню, он спустится.

Шольт с Йонашем разразились потоком благодарностей. Уселись за столик, поделили содержимое подноса, оживлен-

но переговариваясь.

– Пап, ты крутой!

– Есть такое дело, – скромно согласился Шольт. – Но победу праздновать рано. Отметим мороженым, когда сдадим рисунки. Как ты думаешь, бутылки медовухи за три рисунка хватит?

– Не знаю. Можно будет пирог тут купить и добавить.

Ханна чуть не поперхнулась от возмущения – обсуждать с сыном алкоголь, как средство оплаты рисунков? Нет, ну какой же Шольт придурок... хоть в инспекцию по надзору за несовершеннолетними жалуйся! И... все-таки, сын. Тогда почему ни крошки сдобы, ни кусочка хлеба? Не святой же дух Камула Шольту сына принес.

В голове крутился сонм вопросов. Где мать Йонаша? Почему она не следит за ребенком, почему сбросила присмотр на безалаберного и припадочного отца, который кормит сына общепитовской едой не самого лучшего качества? Ладно, печенку в сметане Ёжи готовит хорошо. А если Йонаш захочет блинчики с печенкой? Неужели Шольт позволит ему пообедать этим сомнительным продуктом?

«Стоп! – одернула себя Ханна, отступая в кафетерий, за дверь. – С какой стати меня в эти дебри понесло? У меня что, своих проблем мало? Какое мне дело до матери Йонаша и его обеденного рациона? Блинчики с печенкой прошли проверку качества и считаются съедобными. Именно на них до сих пор никто не пожаловался – никому поперек горла не

встали. Да, я не выгоняю Шольта, но на этом надо остановиться. Прочертить линию и дальше не заходить».

Дала себе слово и тут же начала прислушиваться – на веранду явился огнеборец, на досуге рисовавший тыквы. Он выслушал просьбу и потребовал от волчьего семейства кисточки, краски и бумагу.

– Я что, пальцем на столе рисовать буду?

– Не подумали, – признал Шольт. – Сейчас купим. Куда принести?

– Сюда и несите. Наберете номер, я спущусь.

– Что с меня? – деловито спросил Шольт, обмениваясь с огнеборцем номером телефона.

– Не торопись. Сделаю – сочтемся.

Огнеборец ушел. Волчье семейство доело то ли поздний обед, то ли ранний ужин, поделило деньги – Йонаш оставил Шольту сотенную купюру: «А вдруг ты кофе захочешь? Выпьешь» – и разбежалось в разные стороны. Ханна отметила, что пацан соображает получше отца. Вытребовал же себе телефон – спасателя со словами: «Пап, ну и как я ему позвоню, когда бумагу принесу? Звонить тебе, чтобы ты перезвонил? А если вас по тревоге поднимут?»

Она повернулась на оклик Снежки, изгоняя из головы Шольта, Йонаша, натюрморты и чужие заботы. Сказала же уже себе – своих хватает.

Глава 8. Рисунки и квартирный вопрос

Рисовальные принадлежности легли на столик через час. Серьезный Йонаш заказал себе чай и слойку с малиной, вызвонил спасателя-огнеборца и столкнулся с обстоятельствами непреодолимой силы. Разговор по громкой связи прослушали все посетители и сотрудники кафетерия – в том числе и Ханна, дававшая себе слово отгородиться от чужих проблем.

– Мы сейчас в район выезжаем, на лесной пожар. Вернусь – нарисую.

– А когда вернетесь? Примерно?

– Через трое суток, не раньше. Там проливать и проливать, две горы уже пылают. Весь резерв туда сгоняют, ветер переменялся. Еще в обед думали – обойдется. А вот же...

Йонаш расстроился – рисунки надо было сдать через день-два. Вздохнул, сложил бумагу и краски обратно в пакет. От печи раздался голос Снежки, разогревавшей слойку с малиной:

– Эй, мелкий! Если тебе на уровне средней школы, я могу нарисовать.

– Можно даже немного хуже! – просиял Йонаш. – Только обязательно натюрморты и пейзажи, а то мы с папой нарисовали семейный ужин, и училка меня выгнала. Вот, теперь

надо переэкзаменовку сдавать.

Ханна попыталась представить себе картину «Семейный ужин» авторства Шольта, за которую ребенка выгнали из класса. Воображение отказывалось работать, и через некоторое время Ханна решила, что, может быть, это и к лучшему.

Йонаш прилип к стойке, приподнимался на цыпочки и объяснял хмурому Ёжи что такое натюрморт. Волк внимательно слушал и кивал. После того как чай и слойка заняли свое место на подносе, Снежжка и Йонаш начали совещаться. До Ханнны долетали фразы: «Да, сегодня, после работы», «Я папе сейчас позвоню, но он может сразу не ответить», «Нет-нет, мне не нужна медовуха».

В разгар торга на веранду явился Анджей. Ёжи быстро подал ему кофе, выслушал заказ – для такого посетителя понятие «самообслуживание» в кафетерии выключалось – и, возвращаясь, сообщил Ханне: «С вами хотят поговорить».

– Скомпоновали записи, как они ленты на веранду прибивают, – сказал Анджей, пригубив кофе. – Результат так себе, слишком далеко, размыто, силуэты нечеткие. Однако зацепка имеется. Продавец из магазина ритуальных принадлежностей попробует их опознать. Завтра ребята произведут арест, отправим в КПЗ, а дальше – дело следователя.

Ханна кивнула, не зная, надо ли благодарить – в общем-то, полицейские делали свое дело. А, с другой стороны, говорят же Снежжке «Спасибо» за разогретый пирог. Может быть?..

– Повесь камеры вот там, на углу, под отливом... – Указание Анджея вышибло из головы размышления о благодарственных речах. – Вы же с этой стороны окошко для пирожков делать будете?

Осведомленность о каждом чихе поражала.

– Да. Но я пока не...

– Тогда еще две – наружную на веранду, чтобы записывала утренних посетителей, и под отлив с другой стороны, – распорядился Анджей. – Дальше... ты квартиру Снежке сдала?

– Не сдала, – осторожно поправила Ханна. – Пустила её пожить, временно. Извините за прямоту, но она со своей зарплатой такую квартиру не потянет. А платить ей больше я не могу.

– Интересно было бы посмотреть на нее на лапах, – неожиданно сказал Анджей. – Шубка, наверное, роскошная.

– Скорее всего, – согласилась Ханна. – Она говорила, что ее отец – лис из клана Арктического Мрамора.

– Вокруг этой прекрасной скульптуры бегает ежик, готовый согреть мрамор пылкими взглядами и шумными вздохами, – Анджей явно был в хорошем настроении. – Сдай им квартиру напополам. Ёжи вчера вечером приехал домой и, когда парковался, задел машину квартирного хозяина. Я уверен, что его выставят вон.

– Всё-то вы про всех знаете... – удивилась Ханна.

– А как ты думала? Что я позволю непроверенным людям или оборотням въехать в дом, из окон которого можно вы-

стрелить в мой кабинет? Или я допущу, чтобы в кафетерий устроился тот, кто перетравит наших сотрудников? Нет, милая, сюда без моей визы муха не пролетит. Сбавь цену и сдай квартиру снежным ежикам. Они чисты по всем статьям. И тебе, и мне будет проще.

– Люди. Борис и Анна. С котом.

– Близкие родственники одного из моих заместителей.

– Поняла, – вздохнула Ханна. – Поэтому с биржи на работу никого и не присылают, да?

– Двое проходят проверку. Если пройдут...

Анджей был в своем праве. Ханна не собиралась с ним спорить.

Почти сотню лет люди и оборотни писали историю кровью. Рыжие лисьи кланы объединились в борьбе против города-порта Антанамо, раз в неделю шпиговали взрывчаткой железную дорогу, устраивали теракты на улицах городов, не беспокоясь о том, что убивают как людей, так и оборотней.

Огневки, Алые и Светлые Кресты подписали мирный договор, когда Ханне было пятнадцать лет. Это произошло в день Сретения Камула. Ханна помнила жаркую августовскую неделю – почти закончившееся лето вернулось духотой в шаге от сентября. Город украсили флаги кланов, медовые и пшеничные ленты – предвкушение трапезы, которую Камул разделил с Хлебодарной. Люди и оборотни несли к алтарям медовые кексы, молили богов о мире. Их просьбы были услышаны – Договор Сретения не признали только осколки

рыжих кланов, отвергшие волю старейшин. Взрывы на улицах, возле полицейских участков и в храмах Камула и Хлебодарной ушли в прошлое. Военные по-прежнему держали ухо остро, но редкие вылазки одиночек нельзя было сравнить с ежедневной уличной войной. Договор позволил вздохнуть свободнее.

Ханна понимала, что почти у всех рыжих, красных, и, отчасти, бурых лис в биографии найдется темное пятно. Не помеха, чтобы работать на заводе, но преграда, не позволяющая устроиться в кафетерий рядом с полицейским управлением. Молодежь – детей Сретения – обременяла старшая родня, выполнявшая волю клановых советов до договора, и притихшая после него. Притихшая, но не забывшая тропки к лесным схранам. Недаром и армия, и полиция настойчиво зазывали в свои ряды волков и людей, а не лис – старались свести к нулю шанс получить пулю в спину от товарища.

Она вынырнула из воспоминаний, когда из кафетерия вышел Йонаш, державший в одной руке недоеденную слойку с малиной, в другой – пакет с бумагой и красками. Мальчишка просиял, поприветствовал волка:

– Здравствуйте, дядя Анджей!

– И тебе не хворать! – Анджей сверкнул улыбкой, растерял серьезность. Спросил: – Договорился? Нарисуют?

– Тетя Снежка нарисует, – Йонаш махнул слойкой в сторону двери, щедро осыпая веранду крошками. – Со спасателем сорвалось, он в район уехал.

– Тете Снежке выпишем похвальную грамоту, – усмехнулся Анджей. – За вклад в воспитание подрастающего поколения. Конечно, если хорошо нарисует, не за красивые глаза.

Йонаш кивнул, попрощался и пошлепал на улицу, сверкая грязными пятками. Маскировочная кепка сползла на затылок, готовясь соскользнуть с макушки. На светлой футболке, в районе лопатки, расплывалось здоровенное серое пятно. Обычный пацан – таких лисят и волчат, перепачкавшихся за день, загребающих пыль пластмассовыми шлепками, на улицах пруд пруди. Но они не здороваются со всеми спасателями и полицейскими, и не зовут начальников «дядями». Шольт не похож на «шишку», вхожую во все кабинеты. Их, таких, целый кафетерий – рычащих и смолкающих после начальственного окрика. Почему мальчишка позволяет себе такие вольности? И не с кем-то одним, это было бы объяснимо родством, но не может же Шольт быть в родстве практически со всеми!

Ханна почти решилась об этом спросить – как бы невзначай, не упоминая конфликта с Шольтом – но у Анджея зазвонил телефон, и праздные разговоры пришлось отложить на следующий раз.

Глава 9. Тетя Снежка рисует натюрморт

Йонаш пришел во двор в половине девятого, в сумерках. Ёжи притащил столик из кафетерия, включил светильник возле подъезда, расставил стулья и принес два картонных стакана, наполненных чистой водой – для красок. Снежка начала бодро чиркать карандашом по листу, набрасывая контуры вазы и овощей.

– Комары не загрызут?

Ханне, вернувшейся из магазина, было интересно – теоретически – почему Снежка не пригласила Йонаша в дом. Потому что боится взбучки за неоговоренного условиями гостя или из-за маркости ковров?

– Отец запрещает Йонашу заходить в чужие квартиры, – оторвавшись от рисунка, сообщила Снежка. – Во дворе посидеть разрешил. Поэтому придется уживаться с комарами.

Такое простое объяснение Ханне в голову не пришло, даже стыдно стало. Понятно, почему запрещает. Хоть и проверенные оборотни, хоть и дом напротив воинской части, а добежать не успеешь, если мальчишка на террориста или маляка нарвется. Во дворе тоже стопроцентной безопасности нет, зато пригляд от родни Анджеева заместителя имеется.

Ужинать не хотелось – Ханна ела в кафетерии, расплачи-

ваясь за заказы. Оцениваластряпню Ёжи и, одновременно, позволяла себе лениться. На перекус она припрятала две булочки с тройной начинкой – новшество, понравившееся покупателям. Крем, мак и малиновое варенье. Надо было попробовать, чем все восхищаются – Снежка велела удвоить заказ с пищекомбината, но она и блинчики с печенкой потребовала удвоить, а их Ханна не ела, хоть приплачивайте.

Она заварила купленный в магазине чай с бергамотом, вышла на балкон, осмотрела пустой перекресток и уселась в плетеное кресло. После семи вечера шум стихал, а к восьми, часу закрытия кафетерия, временами воцарялась блаженная тишина.

«Сменить часы работы? – задумалась Ханна. – Окошко с восьми до десяти, зал с десяти до семи. Присмотрюсь. Посоветуюсь со Снежкой, посчитаю. Сегодня вечером трое зашли, мы с шести, считай, впустую работали».

Тишину нарушило далекое урчание моторов – по улице двигалось что-то тяжелое, машины, которые Ханна не смогла определить на слух. Она успела подумать о бульдозерах, асфальтоукладчиках и перегруженных фурах, когда на перекресток выехал первый броневик. Первый, за ним второй. Спецназовцы сидели на крышах, опустив щиты, переговаривались и пересмеивались.

– Закрыто! – заорал кто-то из бойцов. – А я пожрать не купил!

– Давайте её ограбим! – чья-то рука в черной перчатке

указала на Ханну.

Она не успела сбежать в комнату и теперь чувствовала себя манекеном в витрине: десяток бойцов, увешанных оружием, пялились на нее с броневигов, тыкали пальцами, свистели, хвалили себя и требовали, чтобы кафетерий работал круглосуточно – это же истинное бабье счастье, кормить по ночам таких сильных и красивых альф! Длилось это не больше трех минут, но, пока броневики не втянулись под липу, с Ханны семь потов сошло. Какие они все-таки прикурки!

Волна адреналина пошла на спад. Ханна пригубила чай и почему-то вспомнила, что Шольт, сидевший на втором броневику, даже головы в её сторону не повернул.

«Стоп! С какой стати меня это волнует? Заклинило? Вытравить из мыслей, переключаться, проговаривать считалочку, думать об ассортименте пирожков...»

Под ветвями липы, возле калитки, под фонарем, мелькнуло что-то черное. Раздался жуткий грохот, как будто... Ханна вскочила, перегнулась через перила, присмотрелась. Не «как будто», а Шольт молотит кулаком по воротам, явно намереваясь пробить в них дыру. Захотелось сделать что-нибудь формально правильное и пакостное: вызвать полицию, например. Со словами: «Ко мне во двор ломится какой-то маньяк». Ханна вспомнила о собрании рисовальщиков, немного устыдилась – Йонаш не виноват, что ему достался чуточку тронутый папаша – и негромко сказала:

– Два девяносто. Код. Нажмите одновременно.

Шольт поднял голову. Не поблагодарил, не кивнул – тут же нажал три кнопки на кодовом замке и вошел в калитку. Ханна поставила чай на столик и решила спуститься в подъезд. Выглянуть из двери, удостовериться, что Шольт не наговорит гадостей Снежке, не сцепится с Ёжи.

На последних ступеньках она замерла. Ни криков, ни волны ярости. Йонаш, повизгивая от радости, хвалил «тетю Снежку». Ханна решила не церемониться: это её дом, её двор и – формально – её незваные гости. Вышла и застыла, не решаясь сделать следующий шаг. Шольт, хорошо освещенный фонарем, обнимал прилипшего к нему Йонаша, смотрел на Снежку и рисунок. Не зло, а устало, с какой-то странной тоской.

«Ого!.. Неужели оскорбления были элементом ухаживания? Страхнет ёжика со снегурочки? Ёжик такое не стерпит. Они тут друг друга поубивают! Камул, Хлебодарная, помилуйте грешную, не допустите кровопролития!»

– А что, если не медовуху? – нахмурился Шольт. – Конфеты, чай, кофе?

– Я еще не нарисовала, – вежливо, но твердо ответила Снежка. – Давайте не будем торопить коней.

Йонаш дернул один из чехлов на поясе – ни кобуры с пистолетом, ни автомата на Шольте уже не было – попросил:

– Папа, не злись.

Шольт не смягчился, но рука в черной перчатке взъерошила волосы на затылке мальчишки, словно обещая – скан-

дала и драки не будет.

– Приноси всё завтра в кафетерий часам к четверем, – велела Снежка Йонашу, собирая кисточки и краски в пакет. – Я этот рисунок успею закончить в затишье, а вечером новый начнем. Отнесешь учительнице два, скажешь, что третий испортил и перерисовываешь... как-нибудь выкрутимся.

– Спасибо!

Йонаш ухватил влажный рисунок, понес к калитке на вытянутых руках. Шольту достался пакет. Ханна ждала: поблагодарит Снежку или нет? Поблагодарил. Выплюнул: «Спасибо». Так, будто что-то плохое пожелал.

Глава 10. Тетя Ханна рисует пейзаж

На следующий день, в обед, Ханна обнаружила себя рисующей пейзаж. Акварельными красками. Как ее угораздило? Она же вчера перед сном дала себе слово держаться подальше от клуба рисовальщиков, не беспокоиться о возможности оскорблений и драк. И Снежка, и Ёжи, и Шольт – взрослые оборотни. Сами разберутся. Почему же тогда она сейчас сидит за столом?.. ах, да, ребенок ни в чем не виноват, а Анджей так убедительно посулил грамоту за воспитание подрастающего поколения, что не было возможности отказаться.

– У вас очень красиво получается! – сказал Йонаш, хлопая густыми черными ресницами.

Ханна отогнала мысль о ресницах Шольта – она их не разглядела, и не надо. Поздоровалась с заместителем Анджея по оперативной работе – серебристо-черным лисом Валерианом Кшесинским, по слухам, потомственным аристократом – и пробормотала что-то невнятное в ответ на похвалу Йонаша. Она не особо-то умела общаться с детьми – росла без младших братьев, сестер, кузенов и племянников. И – совсем немного – пугалась того, что Йонаш мыслит и разговаривает как взрослый. Копируя отца и прочих посетителей кафетерия.

Стоило только подумать об этом самом отце, как тот явил-

ся, поздоровался с подполковником Кшесинским, который подсел к Ханне и Йонашу, и плюхнулся на свободный табурет. Валериан, выяснивший суть проблемы, начал укорять волчье семейство:

– А почему мне не позвонили? Лютик бы вам и натюрморты, и пейзажи нарисовал.

– Спасибо, но у вас своих забот навалом, – Шольт еле заметно улыбнулся. – Вы у нас – запасной вариант на самый крайний случай. И это не пейзажи.

Ханна засмотрелась на ответную улыбку Кшесинского – лис с лунной сединой был красивым, резко выделяющимся на фоне остальных посетителей, как известный киноактер в окружении массовки. При его появлении Ханне начинало казаться, что в кафетерии снимают телесериал.

– Нет, дядя Валерек, – неожиданно возразил Йонаш. – Не надо Лютика, он в прошлом году портрет в стиле квадратизма нарисовал и мне тройку с минусом поставили.

– Какого квадратизма? – удивился подполковник.

– Кубизма, – поправил Шольт и улыбнулся чуть шире.

– Йоша, надо было предупредить! Я бы провел с ним воспитательную работу!

– Не надо, дядя Валерек. Тетя Снежка и тетя Ханна рисуют.

Ханна возила кисточкой по бумаге, глядя на ресницы Шольта и запоминая его улыбку, и вздрогнула от вопроса Йонаша:

– Ой, тетя Ханна, а зачем столько синего?

Шольт с Валерианом немедленно уставились на рисунок.

– Это будет пруд, – выкрутилась Ханна.

– А-а-а! С прудом вообще крутецки получится!

Пруд наезжал прямо на стволы деревьев. Ханна попыталась сосредоточиться на рисунке, но этому помешал гомон в зале.

– Свет вырубил!

– Да что ж такое!

– Позвони в энергосеть, спроси, надолго ли.

– Мужики! – заорал кто-то от здания МЧС. – Мужики, юго-западная подстанция горит! Вроде бы взрыв был!

Ленивое недовольство развеялось, как пепел на ветру. Улица наполнилась криками, топотом и воем сирен. Шольт схватился за захрипевшую рацию, выслушал пару фраз, расслабился, поставил локти на стол:

– А мы в резерве.

Кшесинский отвел от уха телефон, позавидовал:

– Поперло!

– Хлебнем еще, Сретение на носу, – отмахнулся Шольт.

– У нас генератор есть? – спросил Ёжи.

– Только для бытовых нужд, печи не потянет, – Ханна отложила рисунок, пообещала Йонашу. – Я сегодня закончу.

Они спустились в подвал, не с первой попытки, но запустили генератор, а по возвращении на веранду узнали неприятную новость.

– Свет дадут завтра утром, – сообщила Снежка. – Сказали, что в нашем округе подключат только больницы и правительственные учреждения. Были бы мы на другой стороне – попали бы в список. А на этом кубике ничего важного нет.

– Тогда закрываемся, – скомандовала Ханна. – Снимай кассу, пока батарея держит.

– Подожди! – оторвался от телефона Валериан. – Упакуйте мне десятка три пирожков и блинчиков в контейнеры, сколько найдется. Отдел кормить надо.

К такому же выводу пришли спасатели и тот невзрачный пожилой волк, который в первый день стукнул Шольта газетой. Из кафетерия вынесли три огромных коробки, забрав все припасы подчистую. Снежка сняла кассу, повесила табличку: «Закрывается» и начала помогать уборщице складывать пустые стаканы в пакеты для мусора. Ханна поймала пристальный взгляд Ёжи, кивнула, предлагая изложить проблему.

– Мне нужно с вами поговорить, – пробубнил тот.

Из долгих и путаных объяснений стало ясно: Анджей не ошибся, Ёжи отказали от квартиры после столкновения ведра с болтами с хозяйским автомобилем. Хмурый волк напирал на то, что выгнали его не за неуплату и дебоши, а за несчастный случай.

– Если бы вы сдавали квартиру чуть-чуть дешевле, мы со Снежкой смогли бы снимать ее на двоих. Это было бы очень удобно – мы рядом, всегда поможем, если возникнет

какая-то проблема в кафетерии.

Ханна немного покапризничала – исключительно для виду, идти поперек воли Анджея она не собиралась – и согласилась сдать квартиру по средней цене на районе.

– Я позвоню в агентство, они приедут, привезут бланки, подпишем договор.

– Спасибо, – просиял Ёжи.

– Пока не за что.

– Тетя Ханна, надо пруд дорисовать, пока светло, – Йонаш дернул ее за юбку. – А тетя Снежка мне еще один натюрморт нарисует, и я завтра всё сдам.

– Конечно-конечно, – пообещала Ханна и подумала, что унесет пейзаж хотя бы во двор – под взглядом Шольта ничего путного изобразить не получалось.

Глава 11. Лиса и виноград

Отступление было тактической ошибкой. Следом за ней во двор потащился весь клуб рисовальщиков. Шольт шел рядом со Снежкой, которая бурно жестикулировала, показывала на виноград, оплетающий стену дома до крыши, и взахлеб объясняла:

– Вот это окно, видите? Кухня! Я открыла окно на кухне, протянула руку и сорвала одну гроздь. Вкуснейший! Белый! Без косточек! Но я не могу дотянуться до тех, которые под крышей. А они такие спелые! С оранжевыми боками!

«Басня «Лиса и виноград» в новом прочтении», – глядя на сияющие голубые глаза и розовые щеки, подумала Ханна.

Шольт посмотрел на Снежку – свысока и снисходительно. Уточнил:

– Надо забраться на крышу и нарвать винограда? И ты нарисуешь второй натюрморт?

– Я и так нарисую, – обиделась Снежка. – Это не торговля. Просто виноград очень хороший, жалко, что пропадает.

– Пап, – подал голос Йонаш, – а ты сможешь на крышу залезть?

– Без проблем. Кошку за трубу зацепить и вперед.

– Нарвешь?

– Я на смене, в резерве.

– Освободишься и нарвешь?

– А вы хозяйку спросили? – мазнул взглядом по Ханне Шольт.

– Можно?

Снежка с Йонашем посмотрели на нее одновременно. Ханна пожала плечами, пробормотала: «Делайте, что хотите» и ушла в квартиру.

Ей захотелось временной передышки, короткого одиночества. Слишком много людей и оборотней толклось рядом каждый день. И, хуже соринки в глазу, раздражал Шольт. Мелькнула мысль – позвонить родителям, пожаловаться. Ханна обдумала эту мысль и отложила телефон. Она вдруг поняла, как жалобы будут выглядеть со стороны. Оскорбленная Снежка сияет глазами и щеками, щебечет, ловко управляетя с двумя альфами, один из которых перевозит ей вещи с квартиры на квартиру, а второй доверяет ребенка и собирается резать вкуснейший виноград с оранжевыми боками. А она, Ханна, дуетя, как будто ее обделили вниманием. Не оскорбили, не посулили бутылку медовухи за пейзаж и не предложили никаких услуг.

«Фу такой быть!»

Она задернула шторы и отлежалась в спальне, накрыв лицо свернутым полотенцем, чтобы добиться полной темноты перед глазами.

«Это сенсорные и моральные перегрузки, – думала она. – Я издергана, недавно пережила измену мужа и развод, затеяла новое дело, запомнила почти сотню новых лиц. Мне труд-

но. Я ищу повод, чтобы сорвать раздражение. Шольт физически привлекателен, это плохо. Плохо для убеждения себя в том, что лучше не смотреть в его сторону. Однако у него скверный характер и непонятное семейное положение. Может быть, завтра в кафетерий войдет вернувшаяся из отпуска или командировки волчица, обнимет Йонаша и поцелует Шольта в щеку. Это сразу подействует как холодный душ. Мне всегда претило лезть в чужую семью. Шольт исчезнет из моих мыслей, после того, как я увижу его супругу».

Успокоив себя подобием медитации, Ханна спустилась во двор с двумя банками газировки. Одна себе, другая – Йонашу.

– В холодильнике только две, – объяснила она. – Если хотите, можно сходить в магазин и что-то купить.

Ёжи оживился, Снежка задумалась, Шольт пожал плечами.

– Пап, сходить тебе за минералкой?

– Не надо, занимайся рисунками.

– Давайте я сделаю чаю, – предложила Снежка. – У меня чудесный черный чай с фруктами. Ни у кого нет аллергии на вишню и цитрус?

Шольт с Йонашем дружно замотали головами. Снежка удалилась. Ханна распечатала банку газировки и приступила к завершению пейзажа, повторяя себе, что выдающиеся художественные способности для переэкзаменовки в начальной школе не нужны. Зеленая краска не хотела перекрывать

синюю. Пруд получился глубоким и неблагоустроенным – без лебедей, с падающими в воду деревьями и кустами.

Снежка принесла поднос с чашками и какой-то выпечкой, когда Ханна сражалась с облаками.

– Кусочек стола мне освободите, пожалуйста! Перегрузила, боюсь, чашки сползут и упадут.

– Давай я заберу, – Шольт протянул руку к подносу.

– Осторожно, горячее!

Шольт посмотрел на чашку, свою руку в перчатке, и со знакомой снисходительностью объяснил:

– Это кевлар. Экипировка огнеупорная.

– А зачем? – Снежка проследила за чашкой. – Вы же не пожарный.

– Да хотя бы по тросу спускаться, чтоб ладони не обжигало.

– А-а-а...

Ханна невольно прилипла взглядом к перчатке. Серая – двух оттенков: накладки темнее, соединительная ткань светлее. Рука выглядела неуклюжей, как будто Шольту выдали карикатурное подобие детских варежек. Может быть, по тросу и удобно спускаться, но мелочь из бумажника уже не достанешь. Интересно, каков кевлар на ощупь?

Ханна так и не поняла – задала она вопрос вслух или Шольт догадался? – но ответ пришел сразу. Свободная рука поднялась и коснулась ее щеки. Перчатка была шероховатой, чувствительно проехала по коже, и Ханна невольно пере-

дернулась – от впечатления, что к ней прикоснулся оживший манекен.

Уже допив газировку и закончив пейзаж, она сообразила, что надо было возмутиться – хотя бы для приличия. Волк-альфа, без повода касающийся лица висицы... это можно счесть заигрыванием, предложением секса без обязательств. Вкладывал ли Шольт такой смысл? Вряд ли. Скорее всего, проявил свойственную ему бесцеремонность. Глупо теперь разоряться в пустой след. Ханна потрясла головой, отгоняя ненужные мысли, отдала Йонашу рисунок и ушла к себе.

«Прохладный душ, снотворное, и длительный отдых. Благо, отключение электроэнергии этому способствует».

Перед сном она вспомнила, что у нее осталась десять капсул рецептурного успокоительного, которое ей отдала знакомая по бывшей работе. Ханна перестала его пить после того, как одолела две трети упаковки. Успокоительное снижало реакцию – в противопоказаниях рекомендовали воздержаться от управления автомобилем – и приглушало связь с четвероногой половинкой. Ханна ни разу не обращалась после развода и не слышала голос своей висицы. Это начало беспокоить, и она отказалась от идеи допить капсулы.

«Нужно устроить себе выходной. Выехать за город, превратиться, побегать. Иначе я заработаю нервное расстройство на почве разлада со зверем».

Она осторожно позвала висицу – спросила ее мнение о Йонаше и Шольте. Четвероногая была где-то рядом, но до

ответа не снизошла.

«Ну и ладно, – вздохнула Ханна. – В лесу заговорит, никуда не денется. Освобожу себе день и съезжу. Главное, не тянуть».

Глава 12. Мохито

Утром Ханна проснулась от странных звуков. Наверху – кажется, на крыше – что-то гремело. С улицы и со двора доносились неразборчивые голоса. Ханне спронеся примерещилось, что в кафетерий кинули очередной взрывпакет, и она, едва одевшись, выскочила из подъезда, сжимая в руках телефон.

Открывшаяся картина впечатляла. Шольт с ведром висел на тросе под крышей и рвал виноград. Возле трубы стояли еще два спецназовца с пустыми коробками. С улицы кто-то, надрываясь, давал советы – как не поскользнуться, не упасть и принести побольше винограда в часть. Оказалось, что добросердечная Снежка пообещала воякам долю «вкусного, белого, без косточек и с оранжевыми боками» и теперь на крышу лезли все, кому не лень – народ заскучал по случаю отсутствия электричества и невозможности подзарядить ноутбуки и телефоны. Йонаш метался по двору, подбадривал отца и его сослуживцев невнятным повизгиванием, а увидев Ханну, просял и сообщил:

– Я получил четверку! Учительница сказала: «Вижу, что с натюрмортами тебе кто-то помог, а пейзаж ты постарался и сам нарисовал».

Ханна чуть не провалилась сквозь землю от позора – она когда-то училась в художественной школе и в аттестате в гра-

фе «рисование» красовалась заслуженная пятерка. Да уж... постаралась...

Шольт лихо съехал по тросу, вручил Снежке ведро, и шустро полез вверх, к пустым коробкам и скучающим возле трубы товарищам. Из окна Бориса и Анны выглянул кот и осудил суматоху громким протяжным мяуканьем. Спецназовцы переливчато завыли. Кот сбежал. Ханна последовала его примеру, окликнув Снежку:

– Позвонишь мне, когда свет дадут.

– Куда вы, тетя Ханна? – удивился Йонаш. – А виноград? Папа сейчас еще нарвет, можно будет позавтракать.

– Приятного вам аппетита, – стараясь сдерживать раздражение, ответила она. – Я пойду досыпать.

Во второй половине дня в кафетерий добралась электроэнергия, и жизнь покатила по знакомым рельсам. Ёжи со Снежкой крутились, как белки в колесе – проголодавшиеся вояки заказывали двойные порции. Йонаш, отобравший у отца бумажник, прежде чем отпустить его на службу, путался под ногами у взрослых и рассказывал всем желающим о пейзаже, натюрмортах и вердикте учительницы. Ханна сидела в зале, пытаясь разобраться с накладными – уголок-контурку заставили ящиками с прохладительными напитками – путалась в цифрах и никак не могла сосредоточиться. Йонаш перестал бегать из зала на веранду и уселся к ней под бок, тихо сопя и ничем не мешая. Наконец настал счастливый момент – толпа поредела. Ханна уставилась на дверь, решая,

что делать: отважно броситься в пучину борьбы с документами или выпить кофе? Она подумала, что надо бы покорить Йонаша чем-то горячим, потому что бестолковый отец за этим не проследит. Подумала и замерла. Дверь открылась, и в зал ввалился медведь-гролар.

Туша, стремительно направившаяся к стойке, была облачена в толстовку с капюшоном, натянутым на голову и большую часть лица. Это в жаркий-то августовский день! Все лекции о бдительности и расклеенные в транспорте листовки призывали обращать внимание на странно одетых людей и оборотней. Раньше Ханна относилась к этому неодобрительно – мало ли, кто как одевается, что за вещевая цензура? – а сейчас до нее дошел смысл предупреждения. Медведь скрывался от камер наблюдения и мог спокойно прятать под толстовкой взрывное устройство солидных размеров. Ханна зависла, не решаясь крикнуть Ёжи, чтобы он нажал на тревожную кнопку? Может быть, проще подбежать самой, перегнуться через стойку, протянуть руку?..

– Мохито! – вопль Йонаша заставил вздрогнуть. – Ты приехал! А я четверку по рисованию получил!

Гролар хрюкнул, чуть стянул капюшон, открывая некрасивую, покрытую шрамами и поросшую бурыми волосами физиономию. Йонаш уронил стул, разбежался и вскарабкался на медведя, как на дерево. Тот еще раз хрюкнул и пробашил:

– Четверку? Это хорошо.

Если при размышлениях о кнопке Ханна зависла, то сейчас, при поступлении новой информации, окончательно сломалась. Она смотрела на медведя, на искрящегося радостью Йонаша, на перепуганных Ёжи и Снежку, и ничего не могла понять. Мохито совершенно точно был альфой – резкий запах самца-медведя уже заполнил кафетерий. Йонаш висел у него на шее и радовался, как будто в кафетерий явилась родная мать. Этот самый Мохито решал с ним задачки по математике – Ханна запомнила обрывок какого-то разговора. Кем они друг другу приходятся? Они не могут быть родственниками!

Мохито снял Йонаша с холки, опустил на пол и начал придирчиво выпрашивать у Ёжи, можно ли в этом заведении купить ребенку суп или бульон. Ребенок должен пообедать горячим. Ёжи вернулся к обычному цвету лица – исчезла нахлынувшая прозелень – и связно изложил возможные варианты. Мохито выбрал бульон, две слойки с мясом и половинную порцию печенки для Йонаша, а себе нагреб целый поднос сладких пирожков и потребовал два стакана молока.

– Тетя Ханна, это наш сосед, Мохито. Мы в общежитии в одной квартире живем, – торжественно объявил Йонаш. – Мохито, знакомься, это хозяйка кафетерия, тетя Ханна. Она нарисовала мне пейзаж с прудом.

Медведь Ханной не заинтересовался. Кивнул в сторону ее столика, понес нагруженный едой поднос на веранду, здороваясь с входящими в зал спасателями. Никто из посетите-

лей не удивлялся странному наряду – шорты, шлепки на босую ногу и резко контрастирующая с нижней частью осенняя толстовка. Никто не беспокоился – а Ханна где-то читала, что отпрыски от смешанных браков гризли и поларов опасны, у них неустойчивая психика и ярко выраженная склонность к агрессии. И спасатели, и полицейские, и забежавшие на веранду спецназовцы приветствовали медведя, хлопали по плечам, поздравляли с возвращением.

Йонаш прибежал к стойке за тарелкой сладких пирожков, похвастался:

– Мохито получил сертификат на пять лет и занял первое место на состязаниях. У него теперь два диплома! Мы сейчас пойдем туда, где продают натюрморты, купим рамочку.

– Правильно, – согласилась Ханна. – Рамочка не помешает.

– А какие состязания? – спросила от кофейного автомата Снежка.

– По скоростному разминированию взрывных устройств, – гордо ответил Йонаш. – Мохито – сапер.

Ханна собрала бумаги в неопрятную стопку и решила, что разберется с цифрами вечером. Знакомство с гроларом-сапером надо было немножечко переварить. С веранды доносилось басовитое бурчание:

– Ранец купили? Как это – ничего не купили? Мы же написали список.

– Папа сказал – после зарплаты.

– В Сретение боевую готовность объявят, по магазинам не пойдешь.

– Папа сказал, что у нас все деньги куда-то делись, хотя мы ничего лишнего не покупали.

Мохито удивленно заворчал.

– Мы только один раз в его выходной в ресторане поели, на том кораблике, что на реке качается. И мороженое покупали.

Реакцию Мохито на поход в ресторан заглушил гомон – на веранду вошли полицейские.

– Ой, я совсем забыла! – спохватилась Снежка. – Звонили из магазина спецтехники, сказали, что завтра доставят два телевизора и комплект камер наблюдения.

– Да, я заказывала, – подтвердила Ханна. – Еще завтра придут рабочие, выбьют заложенный проем и восстановят окно. Чтобы мы могли по утрам пирожки продавать. Надо будет им сказать, чтобы они приварили кронштейны для телевизоров. Посетители желают смотреть новости и спортивные трансляции. Пойдем на поводу у общественного мнения. А систему наблюдения смонтируют послезавтра.

Глава 13. Пирожки с яйцом и зеленым луком

Ханна не вспоминала о Шольте два дня – почти не вспоминала, не выискивала взглядом среди других экипированных спецназовцев. Навалились дела: перепланировка, оформление второй кассы, проблемы с монтажом и подключением камер, и – как будто прочего было мало – вызов к следователю, очная ставка с волками, швырнувшими взрывпакет в кафетерий. Дело разваливалось на глазах, подследственные в один голос твердили, что хотели пошутить, привлечь внимание симпатичной одинокой висицы. Ухаживаем, мол, как умеем, не судите строго. Следователь позволил Ханне ознакомиться с показаниями любовницы Витольда. Масса вопросов, одинаковый ответ: «Нет». Не была собственницей – ни дома, ни элитной кофейни. После закрытия кофейни не интересовалась судьбой помещения. Не в курсе, кто теперь владеет домом. И тщательно отмеренное недовольство: «Не беспокойте по пустякам, не мешайте готовиться к свадьбе».

Когда видеокамеры были подключены, окошко заработало, а телевизоры начали показывать футбольные трансляции, Снежжа озадачила Ханну очередным предложением.

– Нам надо выписывать газету, – сказала она. – А лучше две или три.

– Зачем? – удивилась Ханна.

– Полковник Новак всегда читает газету. И подполковник Розальский иногда приносит и читает газету. Они оставляют их на столах, а посетители потом ссорятся, когда делят листы. Некоторые читают объявления, а некоторые решают кроссворды. Расходы на газеты небольшие, а выручка возрастет – они много едят, пока решают кроссворды, это дело долгое.

– А какие объявления? – заинтересовалась Ханна.

– Разные, – пожала плечами Снежка. – На овощебазе сейчас лук и картошку мешками продают. Из садов предложение приехать и яблоки собрать – десять ящиков сдаешь, одиннадцатый забираешь себе.

– Понятно, – Ханна вспомнила глянцевого журналы на столике в своей любимой парикмахерской, и предложила. – Может быть, выпишем еще какой-нибудь журнал?

– Не знаю, – пожала плечами Снежка. – Мне кажется, это лишнее.

Ханна оформила подписку на газеты и на пробу принесла в кафетерий толстый журнал за декабрь прошлого года – с красивыми новогодними картинками. Вояки читали журнал три дня, передавая из рук в руки, а потом вырезали фото шишек и приклеили над столиками, за которыми обедали Анджей и Деметриуш. А над шишкой для Анджея маркером приписали слово «большая». Ханна посмотрела на народное творчество и убедилась, что Снежка права – обойдутся газе-

тами, без журналов.

Уладив горящие дела, Ханна поняла, что ей нужен день передышки. Надвигалась очередная волна забот – неделя Сретения. Ко дню встречи Камула с Хлебодарной и лисы, и волки – да и некоторые люди – готовились заранее. Города, деревни и хутора окутывал медовый дух. Медовые кексы с изюмом, щедро напитанным рябиновым ликером, плотное песочное печенье на меду с курагой, разнообразные медовые пряники – каждая хозяйка встречала Хлебодарную той выпечкой, которая ей удавалась больше всего. Верующие в Хлебодарную начинали поститься, паства Камула, наоборот, ела мясо до самого дня Сретения, отводя на пост ровно сутки. Легенда о разделенной трапезе и проклятье альф не давала четких указаний о посте. Каждый истолковывал ее по-своему. И паства, и жрецы сходились в одном: в день Сретения и Преломления Хлеба нельзя охотиться и проливать кровь. Именно вид крови и растерзанной добычи подтолкнул Хлебодарную к проклятью. А Камул, ищущий мира, не вступился за альф, отдав их судьбу на откуп невестам и женам.

Неделя поста в детстве казалась Ханне самым лучшим праздником. Матушка старалась взять отпуск или отгулы, готовила разнообразную начинку, пекла пироги и пирожки, расхаживая по кухне босиком и напевая псалмы во славу Хлебодарной. Ноздри щекотал сначала запах опары, потом – горячей духовки и теряющего кислинку, запекающегося до

корочки теста. Ко дню Преломления Хлеба родители вдвоем пекли забавное печенье. Плотное песочное тесто прокручивалось на мясорубке, укладываясь на пергамент толстыми полосками-макаронинами. Отец крутил ручку мясорубки, матушка ловко поворачивала пергамент, закручивая макароны в корзинки. Каждое печенье украшала щепотка изюма, кусочек кураги или чернослива. Десяток печений всегда относили к алтарю Хлебодарной. Маленькая Ханна с трепетом ждала театрализованного представления возле храма. Хлебодарная в белых одеждах выносила к столу горячий пирог, а сопровождающие ее лисицы и волчицы расставляли по скатерти тарелки с печеньем, пряниками и кексами. Камул, сопровождаемый стаей волков-альф, подходил к пирогу, пробовал отрезанный ломоть, рассыпался в благодарностях. Охоту отступников только озвучивали – и Камул, и Хлебодарная начинали оглядываться, услышав вой и трубный голос умирающего оленя. Слова проклятья падали громко и веско: «Вы, альфы, не смогли удержаться и вкусили крови в час нашей трапезы. Да исполнится воля моя: пусть хлеб встанет вам поперек горла во веки веков. Каждый ломоть обернется куском прогоревшего угля, крошки – золой». После паузы раздавался голос Камула: «Пожалей тех, кто не согрешил и пришел сюда для охраны своих избранниц». И – веско, на всю площадь – ответ Хлебодарной: «Те, кто любят всем сердцем, чьи судьбы переплетены твоей или моей волей, примут выпечку из рук супруги или нареченной, не

познают горечи и не забудут вкус хлеба».

«Матушка перестала печь макаронные корзиночки, хотя не выкинула старую мясорубку, – подумала Ханна. – Давным-давно уже не делали. Надо бы ее уговорить приготовить вместе, у меня никогда правильно не получалось».

Воспоминания о празднике отхлынули, оставив после себя приятную теплоту. Ханна, колебавшаяся между выездом в лес и посещением парикмахерской, совмещенным с походом по магазинам, решила потратить выходной на домашнее хозяйство и напечь пирожков по семейному рецепту. Опару она поставила с вечера. Утром поднялась по будильнику, в половине шестого утра. Замесила тесто, не жалея яиц и растопленного сливочного масла, поставила подходить на солнышке, отмылась от муки и отправилась на балкон – пить кофе. Город еще дремал, редкие прохожие спешили на работу, автомобили норовили проскочить пустой перекресток на красный свет. В отдалении слышались знакомые голоса. Шольт тянул гласные, Мохито бурчал. Парочка отправилась на пробежку, в сторону Алтарного парка. Шольт бежал в теплых тренировочных штанах, тяжелых высоких кроссовках и тонкой белой майке «алкоголичке», обнажающей крепкие плечи и сильную спину. Мохито не изменил своим привычкам – шорты, кеды, плотная толстовка, натянутый на голову капюшон.

– Бу-бу-бу... в клеточку уже нигде нет... хр-хр... а еще два учебника...

– За-а-а-у-у-у... – Шольт зевнул с громким самодовольным воем, – ...у-у-тра после смены поедем с ним в торговый центр и все купим. Там отдел учебников.

– Брр... хр... рюкзак?

– Он еще старый не порвал, зачем ему новый рюкзак?

Бегуны свернули за угол, и Ханне не удалось расслышать ответ Мохито. Под второй кофе голоса вернулись, переговариваясь возле окошка для продажи вчерашних пирожков и кофе на вынос. Ханна дала волю любопытству, взяла планшет, на который выводились изображения с камер наблюдения, и включила прямую трансляцию. Шольт держал стакан осторожно, за верхний край, кончиками пальцев. Руки без перчаток были красивыми, словно вылепленными умелым скульптором. Да и в остальном природа Шольта не обделила, разве что на нос лишку отсыпала. Тонкая белая ткань льнула к плечам, широкой груди с четкими мускулами. Соски – крупные, слишком крупные для альфы – темнели, просматриваясь через тонкий трикотаж. Шольт уселся за столик, потянулся, позволяя разглядеть выбритые подмышки. И потер ладонью грудь. От этого движения сосок затвердел, добавляя новую деталь рельефа, и Ханну внезапно бросило в жар – от желания прикоснуться, проверить гладкость кожи своими руками, ощутить скрытую в мускулах силу.

«Надо перестать на него смотреть, – поняла она. – Так и до греха недалеко. Можно, конечно – и, наверное, придется – завести любовника для здоровья. Но не хама и быдло с

проклятьем Хлеבודарной. Найду кого-то попримичнее».

Ханна выключила планшет и изгнала ненужное томление тела знакомыми делами: поставила вариться полтора десятка яиц, нарубила два пучка зеленого лука для начинки. Тесто поднималось, дрожжевой запах прогонял лишние мысли, и Ханна впервые признала новую квартиру своим домом. Готовить на кухне было удобно, уличный шум почти не мешал, духовка разогревалась равномерно.

«Дюжину пирожков отвезу вечером родителям. Дюжину отнесу вниз, угощу Снежку, Ёжи, Анджея с Йонашем, если попадутся под руку. Четыре штуки надо Борису с Анной отнести».

Конечно же, к моменту раздачи пирожков в кафетерии собрались все, кого хотелось угостить, и даже больше. Мохито с Шольтом, облаченные в экипировку и обвешанные оружием, пили кофе. Анджей обедал, одновременно просматривая свежую газету. Йонаш цеплялся к взрослым, жалуясь на спущенный футбольный мяч.

– Домашние? – оживился Анджей, увидев тарелку в руках Ханны. – С чем?

– С яйцом и зеленым луком. Пробуйте.

– А мне? – Йонаш с интересом принялся.

– Берите, кто хочет, – объявила Ханна и поставила тарелку на стол. – Я для всех принесла.

К тарелке потянулись руки. Пирожки расхватали моментально. Волки переглядывались, пересмеивались. Если бы не

в нескольких шагах от Сретения, можно было бы подумать, что Ханна женихов приманивает.

– Вкусно! – провозгласил Йонаш. – Очень вкусно! Пап, хочешь, я тебе немножко начинки выковыряю?

– Не хочу, – Шольт скривился и отмахнулся, как будто ему предложили что-то гадкое и неприличное.

Ханна – ни с того ни с сего – почувствовала себя оплеванной и ушла в дом под разноголосую похвалу своим кулинарным способностям. Вечером, в гостях у родителей, она с трудом избежала искушения пожаловаться. Прикусила язык, потом рассказала о Мохито – отец пожал плечами, ответил, что не слышал о таком полицейском от знакомых медведей. Но это, мол, ничего не значит. Медведи скрытны и не любят распространяться о сородичах. Умиротворение, которое Ханна обрела во время подготовки, куда-то потерялось. Родительский дом не одарил знакомым уютом. Матушка отказалась возиться с печеньями-макаронинами – «хлопот много, а вкус такой же, как у обычных». В общем, выходной прошел не без пользы, но и не с желаемым итогом. Ханна не чувствовала себя отдохнувшей, и возвращалась в свою квартиру, подумала, что лучше бы она поехала в лес, перекинулась, побегала и поболтала с висицей.

Глава 14. День Преломления Хлеба

Ко дню Преломления Хлеба она замоталась до крайности. Снежка пекла медовые кексы, которые раскупались коробками и утаскивались во все отделы и общежитие спецназовцев – хвалили, клялись, что даже крошка в горле не застревает. Кафетерий пропах сладостью, веранду раскалило августовское солнце – навалилась жара. Огнеборцы выезжали на пожары по пять-шесть раз в сутки, звук сирен тяготил, и Ханна начала мечтать об осени. О дождях, которые прогонят с веранды тех, кто сидит за столиками по три часа, покупая один-единственный кофе. О прохладе, которая выстудит квартиру, изгонит дух выпечки, позволит пить чай, завернувшись в плед и разглядывая хмурое небо.

В день Преломления Хлеба и очередную годовщину подписания мирного договора полицейские и спецназовцы вышли на дежурство в полной боевой готовности. Два броневика – в один из них погрузились Шольт и Мохито – укачали к главному храму Хлебодарной, на центральную площадь города. Полицейские рассаживались в машины по четверо, отправлялись на патрулирование, вооруженные до зубов. Алтарный парк оцепили, на аллеях поставили рамки, выборочно досматривали богомольцев, вытаскивая из очереди к чашам. Йонаш пришлепал в кафетерий за полчаса до начала торжественной службы, купил слойку с мясом и бу-

льон – «Мохито сварил суп, но он невкусный» – и спросил:

– А вы будете смотреть трансляцию представления?

– Наверное, – ответила Ханна. – Телевизоры работают, от чего бы не посмотреть? Все равно покупателей нет.

– Тогда я у вас посмотрю. Дома скучно.

Позже Ханна многократно порадовалась тому, что Йонаш остался в кафетерии. И что они всей компанией, вместе с Ёжи и Снежкой, сели смотреть трансляцию на веранде. Если бы она не успела купить телевизоры, мальчишка бы ушел домой и встретил беду один на один.

Город притих, из Алтарного парка донесся гулкий колокольный звон, оповещавший о готовности к трапезе. Камеры, установленные на центральной площади, скользили по толпе, задерживались на жрецах и выходящих из главного храма участниках представления. Когда хор затянул: «Славься сноп пшеничный», в кадр попал Шольт. Он стоял на парапете, возвышаясь над заполонившими площадь прихожанами, и не сводил взгляда с какой-то точки. Рука в кевларовой перчатке поднесла к лицу рацию. Шольт что-то проговорил, пошел по парапету, сначала медленно, затем почти побежал. Камера, неотступно следовавшая за ним, запечатлела бег, прыжок в гущу толпы – и, через секунду – взрыв. Звук был негромким, почти не слышимым за песнопением. Ханна ужаснулась, когда увидела кровь, приподнялась, впиваясь взглядом в экран, но изображение уже зарябило кубиками. Снежка и Йонаш завизжали одновременно. Ханна

отмерла, вскочила, закрыла собой экран, не позволяя Йонашу увидеть ненадолго прояснившуюся картинку – мелькнула и пропала упавшая на парапет рука в кевларовой перчатке. Она прижала к себе Йонаша, и, цепenea от страха, начала твердить:

– Не плачь! Всё будет хорошо! Там врачи, папу сейчас отвезут в больницу. Всё будет хорошо, Йонаш!

Мир замер, словно они зависли в каком-то параллельном пространстве: исчезли звуки, потускнели краски, окаменели прохожие и машины. Это продолжалось несколько секунд, не дольше. Йонаш всхлипнул, разбивая опутавший их кокон, и на Ханну обрушился водопад криков. От полицейского управления, здания МЧС и штаба спецотряда к кафетерию побежали оборотни. Первой веранды достигла знакомая эксперт, рыжая лисица Полина. Она отодвинула Ханну, обняла Йонаша, и начала повторять те же слова: «хорошо», «врачи», «отвезут в больницу». Мальчишка попытался посмотреть на экран, но Снежка уже сообразила, выключила телевизоры. Полина погладила Йонаша по голове, непрерываемым тоном заявила:

– Сейчас поедem ко мне домой. Дети и Алекс будут рады тебя видеть. Поживешь в гостевой комнате, как в прошлый раз, а когда врачи разрешат, навестим папу в больницу.

Йонаш закивал, вцепился в Полину обеими руками, как утопающий в спасательный круг.

– Надо только сменщика дожидаться, я же на дежурстве.

Подождем немножко? Пойдем ко мне в кабинет? Или в дежурку? Пойдем, Йоша, – в голосе появились вкрадчивые нотки лисицы, умеющей уговорить капризного ребенка. – Я телефон в кабинете оставила, а Алекс сейчас трезвонить начнет. И первым делом потребует, чтоб я тебя привезла, уж будь уверен.

Ханна – расстроенная, прикоснувшись к чужой беде – чуть не заступила Полине дорогу, собираясь уточнить, на каком основании она уводит ребенка. Куда звонить, что сказать, если родственники?..

Чуть не заступила – и осеклась. Йонаш льнул к Полине, слова «как в прошлый раз» Ханна слышала своими ушами. Наверняка Шольт оставлял какие-то распоряжения, подумал о том, что за сыном кто-то должен присматривать в случае его ранения или... да, смерть при исполнении служебных обязанностей тоже бывает. Судьбы не миновать.

Веранда постепенно заполнилась: прибежали трое спасателей, двое спецназовцев в экипировке, но без оружия. Толпа окружила Йонаша, утешая на разные голоса, и начала перемещаться к полицейскому управлению. В Алтарном парке шумели прихожане, славили встречу богов, хором пели псалмы. Можно было включить телевизор, узнать, что творится на центральной площади, но Ханна понимала – о судьбе Шольта не скажут ничего конкретного. Ни сегодня. Ни завтра. О нем, скорее всего, будут молчать или когда-нибудь упомянут короткой строчкой некролога, если он скончает-

ся в больнице. Что армия, что полиция помалкивала о потерях, не расщедриваясь даже на списки погибших при терактах гражданских лиц.

– Закрываемся.

Снежка вздохнула. Ёжи кивнул и признался:

– Хочется напиться.

– Но-но! Никакого алкоголя среди бела дня! – погрозила пальцем Ханна и поторопила. – Шевелитесь! Когда моление закончится, не все на центральную улицу пойдут. Кто решит к трамваю выбраться, как раз на нас наткнется. Захотят посидеть, отдохнуть – закрыться уже не получится.

Словно в подтверждение ее слов, из-за здания МЧС показалось семейство с плачущим малышом. Снежку с Ёжи как шилом в задницу укололо – вмиг занесли часть стульев, опустили жалюзи, затащили в помещение холодильник с мороженым. Ханна заметалась, разрываясь между двумя желаниями: рискнуть и попробовать просочиться в полицейское управление, чтобы послушать служебные новости, или спрятаться в квартиру, чтобы пережить накатывающий ужас в одиночестве.

Глава 15. Разговоры после взрыва

Раздумья прервал телефонный звонок. Отец беспокоился, спросил, не случилось ли чего в Алтарном парке – а то в новостях могут и умолчать – и посоветовал закрыться:

– Всех денег не заработаешь. А если кто-то из террористов через рамку не рискнул сунуться, вполне может и в твой кафетерий свернуть. Отправить пару полицейских на небесные поля в честь праздника.

– Мы уже закрылись, – ответила Ханна. И, не сдержавшись, добавила: – Я знаю того спецназовца, который прыгнул в толпу. Он у нас кофе пьет. Я его сыну пейзаж в школу рисовала.

– Волк? – уточнил отец.

– Он? Да, волк.

– Если голову не оторвало – выкарабкается. У чистокровных волков регенерация лучше, чем у полукровок, лис и медведей.

– Ему руку оторвало! Совсем! Я видела!

– Людям руки и ноги пришивают, если конечность сразу в пакет со льдом убрать, а ты про оборотня беспокоишься. Кости сложат, артерии с венами сошьют, а сухожилия и ткани уже волк нарастит. У нас на работе несчастных случаев было – не счесть. Seriously говорю: главное, чтоб голова на месте была, всё прочее прирастет.

– У вас медведь без руки остался, – вспомнила Ханна.

– Ему металлом раскаленным сожгло. Напрочь. Пришивать нечего было. И еще не забывай – к нам «Скорая» по полчаса ехала, а там, вокруг храмовой площади, в праздничные дни всегда пара машин стоит. Чем быстрее в больницу доставят, тем больше шансов.

– Хочется верить, – вздохнула Ханна. – Мелкого все равно жалко. Он трансляцию видел, у нас как раз сидел.

– Дети быстро забывают плохое.

– Да, наверное... – промямлила Ханна, смутившаяся под внимательным взглядом Снежки. Изливать душу при подчиненной не хотелось, уходить и рассказывать о непонятном семейном положении Шольта, и том, что Йонаша увела эксперт-лисица – тоже. Разговор скомкался, закончился дежурными пожеланиями хорошего дня.

Они спрятались во двор. Снежка заварила чай. Ёжи поставил на стол крохотный приемник, нашел волну местного радио. Тягучую медленную песню сменила короткая врезка новостей. Ведущий сообщил, что после взрыва на площади перед главным храмом госпитализировано двадцать восемь оборотней. Тринадцать – с легкими ранениями, дюжина со средней степени тяжести, трое доставлены в больницу в критическом состоянии. Двое гражданских лиц и один полицейский. Террорист-смертник скончался на месте от многочисленных ранений.

– Полина сказала Йонашу «поживешь у нас, как в про-

шлый раз», – Ханна не выдержала, заговорила о наболевшем. – Непонятно, где его мать. Кто она, почему тут не появляется?

– Она умерла, – ответила Снежка.

Ханна поперхнулась чаем. Откашлялась, осведомилась:

– Точно? Откуда ты знаешь?

– Интересно стало, я полицейских потихоньку расспросила, – голубой взгляд потемнел, потяжелел. Снежка перестала напоминать воплощение невинности: – Они мне охотно рассказали – история давняя, никого из знакомых не удивишь, а тут свежие уши. Шольт познакомился с матерью Йонаша во время облавы: накрыли притон наркоманов, доставили в полицию хозяев и посетителей. Она была вислицей, говорят, что красивой и пронырливой. Ей удалось уговорить Шольта за нее заступиться, дать показания, что задержана случайная прохожая. Он согласился и прилип к ней, как будто клеем намазали. Она довольно плотно сидела на «пыли». Потом пыталась завязать – когда была беременной. Шольт ее и в клиники сдавал, и стерег... говорят, что чуть не убил, когда она после родов сбежала и неделю пропадала в каком-то притоне. Они так год прожили. Шольта увольнять собрались – он то на всех кидался, то жену по притонам искал, на службу почти забил. Йонаша родители жены нянчили. Они его потом у Шольта забрать хотели, уже после того, как жена от передоза умерла. Шольт почему-то сына не отдал. Суды больше года тянулись. Йонаша оставили Шольту. Родители жены

уехали.

– Ничего себе история!.. – покачала головой Ханна.

– Подполковник Розальский сказал, что Шольт раньше был романтиком, но жизнь из него даже доброту выбила. Ой! Только вы не вздумайте при Шольте как-то намекнуть, что знаете. Шольт от этого бесится. И не упоминайте, что Йонаш – кварт. У него в свидетельстве о рождении написано «волк».

– Квартам часто по трем четвертям происхождение пишут, – сказала Ханна, переваривающая ошеломительные новости. – М-м-м... а про Мохито тебе что-нибудь рассказывали? Загадочный какой-то тип. Вечно в капюшоне.

– Он весь в шрамах, – доложила Снежка. – Осколками обсидиана посекло. Дополнительная бомба сработала, и он подорвался. Ухо – как расплющенный вареник, на виске шрам... врачи глаз спасали, не до красоты было.

– Откуда ты столько обо всех знаешь? – удивилась Ханна.

– Прислушиваюсь. И вы бы знали, если бы прислушивались и иногда вопросы задавали. Йонаш много болтает. Про Мохито он рассказал.

Ханне почудился упрек – «никого, кроме себя, не замечаете». Она почувствовала, как вспыхнула, начала нарастать злость. Сделала несколько глубоких вдохов. Успокоилась. Перевела разговор на нейтральную тему и, отказавшись от второй чашки чая, попрощалась.

В новостях по телевизору не показывали ничего нового. Всё те же кадры – только оторванная рука уже размыта куби-

ками – и «Скорые», в которые грузят носилки с оборотнями. Всё то же число пострадавших, плюс трое, обратившихся в больницу с легкими травмами.

Попытки читать или слушать музыку с треском проваливались. Мысли упрямо возвращались к Шольту. К пересказанным Снежкой словам Анджея: «Раньше был романтиком, но жизнь из него даже доброту выбила». Интересно, что толкнуло Шольта на первое нарушение долга, на лжесвидетельство? Влюбился с первого взгляда? Пожалел не совсем сторчавшуюся висицу? Наверное, мать Йонаша действительно была красавицей, раз сумела вскружить голову полицейскому при исполнении служебных обязанностей.

Описанная Снежкой семейная жизнь Шольта казалась Ханне адом. Она с подросткового возраста знала, что зависимость от наркотических веществ у висов и висиц развивается едва ли не с первой понюшки или глотка. Избегала любых предложений попробовать, рвала знакомство с теми, кто подсаживался на «пыль». Пусть хоть сто раз говорят, что для волков она в умеренных дозах безвредна! Ханна однажды видела, как у благополучного одноклассника сорвало крышу, и предпочитала держаться в стороне от бомб с аконитовым детонатором. Жить с наркоманкой? Надеяться, что она избавится от зависимости, родив ребенка? Да уж, Шольт был беспросветным романтиком. Или попался в ловушку истинной связи.

Размышления преследовали Ханну даже во сне – она

вновь и вновь оказывалась на площади перед храмом в день богослужения, видела Шольта, идущего по парапету, шаг, переходящий в бег, прыжок. Во сне не было взрыва и криков. Ханна знала, что Шольт нашел свою избранницу, и, отчаянно работая локтями, пыталась пробиться через давку. Посмотреть. Взглянуть в лицо. Понять, чем привлекла.

Глава 16. Опекунство

Утром Ханна взяла на вооружение совет Снежки «прислушиваться и задавать вопросы». Она подкараулила подполковника Розальского, подошедшего к окошку за кофе и вчерашними пирожками – высматривала по камерам – и изобразила случайную встречу.

– Как дела у пострадавших при взрыве? Вы же, наверное, лучше других знаете?

– Всех прооперировали, – устало ответил Анджей. – Гражданские в порядке, Шольт в реанимации. В отделении реконструктивной хирургии. Сегодня будет консилиум, решат, обращать в волка или держать в искусственной коме в двуногом теле.

– А что лучше? – преодолела приступ неловкости Ханна. – Извините, что я к вам пристаю, но мне узнать не у кого. Сама я ничего в этом не понимаю.

– И так плохо, и так плохо, – синяки под глазами Анджея свидетельствовали о бессонной ночи. – Обращают под препаратами, искусственно замедляя процесс. Чтобы шитое не рвалось, а сращивалось. Обезболивающее не действует, процедуру запоминаешь на всю жизнь. Я потом полгода превращаться боялся. А если оставят, как сейчас, в коме год держать могут. Срастается все медленно, а чем дольше в коме, тем вероятнее, что Шольт при пробуждении обратится, и все

сшитые вены и сухожилия себе порвет. Такое бывало. Волк верх берет, замедлители не помогают.

– Да смилуется над ним Камул!.. – Следующий вопрос вырвался сам собой: – А вы тоже на бомбе подорвались?

– Нет. Попал в засаду. Сначала подстрелили, потом накормили аконитом, а потом проявили изобретательность, вспороли живот и аконитом нафаршировали. Бросили в наручники и ушли. Мое счастье, что нашли вовремя, на час бы позже – и носи цветы на могилу.

– Крепкого вам здоровья! – искренне пожелала Ханна. Решилась, спросила: – Йонаш... С ним всё в порядке? Если я смогу чем-то помочь...

– О! – Анджей чутьчку просветлел лицом. – О тебе-то я и не подумал. Мне Полина только что позвонила, сказала, что опекунские документы недействительны, переоформлять надо. Нужно еще кого-то найти. Та волчица, которая подписывала, перевелась в столицу. Я Валереку звякнул, думал, его жена поможет, но она в командировке. У тебя доход выше минимального?

– Да.

– Квартира своя? А, точно, весь дом твой. Судимостей нет, зависимостей нет. Подойдешь. Значит, так, в одиннадцать Полина за тобой заедет, сгоняете в отдел опекунства, туда Деметриуш позвонит, предупредит, чтобы все оформили без волокиты.

– А потом что?

– Ничего, – пожал плечами Анджей. – Йонаш будет жить то у Полины, то дома, с Мохито, то у Кшесинских – если Полина с Мохито будут заняты. Деметриуш его тоже на пару дней хочет забрать, внуков позовет погостить, они как раз одного возраста. Делать ничего не надо, Ханна. Нужна добропорядочная лисица или волчица. То, что ты живешь рядом с общагой – большой плюс. Для документов. Покажешь паспорт, тебя пробьют по базе, поставишь подпись, и свободна.

– Но я хочу помочь!

– С Полиной этот вопрос решай, я встревать не собираюсь.

Анджей развернулся и пошел к горотделу, вынимая из кармана затрезвонивший телефон. Ханна устыдилась – видно же, что волку не до ее хотелок – и начала обдумывать план действий.

С Полиной она заговорила уже после оформления договора о добровольной временной опеке.

– Я хочу чем-нибудь помочь. Анджей говорил, что Йонаш будет то с тобой, то с Мохито. Я живу рядом. Если нужно, могу выделить ему гостевую комнату, присмотреть, когда он делает уроки.

– Я скажу Мохито, – лиса не щетинилась, но и не спешила принимать помощь. – Но не уверена, что нам стоит сворачивать с накатанной колеи. Шольт уже попадал в больницу, мы нормально справлялись. Йонаш дружит с моими детьми, доверяет моему мужу. Мохито страшно нудный, проверяет

уроки, делает математику, следит, чтобы Йонаш ел суп. Это привычно. Йонаш нас слушается, потому что так приказал Шольт. Он слушается Розальского, Кшесинского и Новака. Не уверена, что он будет слушаться тебя. Ты для него – одна из многих. Йонаш общителен, но это общение ребенка на взрослом карнавале. Он знает, что нельзя доверять маскам.

– Я, вроде бы, не чужая, – оскорбилась Ханна.

– Чужая, – жестко ответила Полина. – Рисунок и пирожки ничего не изменили. Ты – одна из многих. Мы – друзья его отца.

Ханна проглотила обиду и возражения, рвущиеся с языка. Полина была права, как ни горько это признавать. Дружной компании понадобилась особа, которая не вызовет вопросов у органов опеки. Ханна подошла по всем параметрам, включая место жительства. Расписалась и должна отойти в сторону. Надо это принять и пережить.

Да и... если быть честной, они с Шольтом не питали друг к другу приязни. Тот факт, что Ханну записали временной добровольной опекуницей, Шольт переживает – если выйдет из больницы на своих ногах или лапах. Примет объяснения Анджея и Полины, и озаботится поиском другой опекуницы – попросит жену Кшесинского или дочь Новака. А реальное, не бумажное вторжение в свою жизнь, скорее всего, воспримет как смертельную обиду. И начнет изводить тонной придирок. Спасибо, нет.

За неделю – последнюю неделю лета – Ханна трижды ви-

дела Мохито. Один раз в форме, без капюшона и скрывающего лицо шлема. Давнее ранение оставило неизгладимые следы – изуродованное ухо, толстые жгуты шрамов на челюсти и шее, извилистые проплешины в волосах. Медведь по-прежнему внушал страх, и Ханна не осмелилась спросить у него ни о здоровье Шольта, ни о самочувствии Йонаша. Не зная совсем-совсем ничего, может быть, и спросила бы. Но Снежка успевала и обслуживать голодных посетителей, и собирать сплетни, поэтому без ежедневной дозы информации Ханна не оставалась.

Шольт пережил обращение под медицинским контролем, менял тело почти сутки, чуть не загнулся от шока, но все-таки вцепился в жизнь, не оставил Йонаша круглым сиротой. Сейчас волка с пришитой лапой погрузили в искусственный сон, а в начале осени планировали разбудить и допустить к нему первых посетителей. Реабилитация после реплантации обещала быть долгой, но не в больнице, а дома, с регулярным посещением врачей. Желаящие навестить Шольта начали заранее записываться в очередь, на что Анджей и Деметриуш Новак хором заявили, что в больницу таскаться незачем: раз Шольт не подох, то дальше уже не подохнет, а кто соскучился, тот в период реабилитации на него насмотрится.

Глава 17. Сентябрь

Второго сентября Ханна увидела с балкона машину Полины, проследила сквозь ветви липы, как Йонаш выбирается с заднего сиденья и попадает в объятия Мохито. Парочка сначала ушла на территорию части, в общежитие, потом отправилась в школу: Йонаш в наглаженной форме и с новеньким рюкзаком, Мохито в брюках и неизменной толстовке с капюшоном.

Снежка поднапряглась и собрала ворох сплетен, касавшихся чужого прошлого. Мохито подорвался в столице, на разминировании поезда метро. После лечения сменил место службы, город выбрал из-за подходящего климата. Здешние лисы и волки приняли его в штыки, одарили валом неприязни, открыто заявляли, что подорвавшийся сапер в отряде – это не к добру. С Мохито никто не желал соседствовать и сидеть рядом в столовой, пока в общежитие не явился второй изгой с полуторагодовалым сыном. У Шольта к тому времени репутация была изрядно испорчена, в отряд его взяли благодаря снисходительности Деметриуша Новака – поговаривали, что тот таким образом расплатился с Розальским за старый должок. Мохито не испугался соседства с ребенком, который может расплакаться и раскапризничаться. Шольт был рад найти добрую душу, не поминавшую ему брак с наркоманкой и лжесвидетельство. Два изгоя сдружились. Дер-

жались особняком, по очереди водили Йонаша сначала в ясли, потом в садик. Распределили хозяйственные обязанности. Со временем влились в коллектив, но, все-таки, держались немного особняком. И не желали разъезжаться, хотя Деметриуш предлагал Шольту служебную квартиру. Закон не позволял оформить Мохито временным опекуном на случай ранения Шольта – альфам чужих детей не доверяли. На помощь пришла Полина – её средний сын и Йонаш вместе ходили в детский сад. Второй опекуницей формально записали какую-то волчицу-полицейскую, а теперь Ханна под руку подвернулась. Так же формально. Потому что без нее справлялись, и дальше проживут.

Прикосновение к чужой жизни смущало и, одновременно, раззадоривало интерес. Ханна не сталкивалась с Мохито, зато спрашивала у Розальского о здоровье Шольта и иногда болтала с Полиной, когда та обедала в кафетерии или пила кофе. Рыжая лисица была симпатичной, энергичной и немного резковатой – отпечаток постоянного общения с альфами. Ханна передавала приветы Йонашу и впихивала Полине пакеты с выпечкой: понимала, что рыжей надо кормить и четверых детей и мужа – непонятно, как она вообще с домашним хозяйством справляется.

Йонаш пришел в кафетерий с рюкзаком и пакетом, в котором гремели стеклянные банки. Отряхнулся – заморосили осенние дожди – заказал пирожки и бульон, спросил:

– Тетя Снежка, тетя Ханна, а кто-нибудь мне контурную

карту раскрасить может? Не успеваю, мы с Мохито сейчас к папе в больницу поедem, я поздно вернусь. Еще сочинение надо написать и матешу.

– Давай, раскрашу, – согласилась Ханна. – Когда забереешь? Отнести на КПП?

– Не надо на КПП, там или помнут, или потеряют. Оставьте тут. Утром в окошке возьму, если можно.

– Конечно.

Повисло молчание – Ханна думала, надо ли предупредить Йонаша о том, что завтра на работу выйдут новые сотрудники. Снежке с Ёжи наконец-то нашлась смена, одобренная Анджеем. Решила не предупреждать. Спросила:

– Как папа?

– Воет все время, – вздохнул Йонаш. – Домой просится. Ему там скучно. А врачи пока не разрешают. Ему живот обсидиановыми осколками сильно распоролo, плохо заживает. Мы ему детское питание возим, кормим с ложечки, потому что он больничное не жрет. Вот.

В доказательство слов в пакете брякнули банки. Йонаш нырнул в рюкзак, вытащил контурную карту, вручил Ханне:

– Страницы один и два. Там написано. Цветные карандаши принести?

– У меня есть, – соврала Ханна, решившая сходить за карандашами в канцелярский магазин – отдать потом Йонашу, пусть у него будут запасные. – К завтрашнему утру всё будет готово.

– Спасибо, вы меня очень выручили.

В дверь заглянул Мохито – в форме, с гарнитурой сотовой связи, подчеркивающей изуродованное ухо. Кивнул Ханне, позвал Йонаша:

– Пойдем быстрее, я под запрещающим знаком припарковался.

Мелкого как ветром сдуло, только банки зазвенели. На смену торопящейся парочке явился Анджей. Посмотрел на Ханну, на контурную карту. Усмехнулся:

– Припрягли?

– Мне не трудно. Время есть, я же не за стойкой пирожки продаю.

Анджей сделал заказ, задумчиво посмотрел на контурную карту, проговорил:

– Странно все-таки Хлебодарная милостями осыпает. Ни Шольту, ни Ядвиге ребенок был не нужен, а зачали в первый же месяц. А ты с мужем не один год прожила, и ни снопа, ни зернышка.

Ханна почувствовала, как запыхлала щеки, процедила:

– Вам-то какая печаль от моей бездетности? Пирожки горло царапать начали?

– Извини, – Анджей коснулся её запястья. – Я не в обиду. Просто... неисповедимы замыслы Хлебодарной. Да и Камул вечно мутит, ничем не лучше.

Извинения были приняты, но осадок остался. Ханна в очередной раз убедилась в собственной уязвимости: каждый,

кому в голову взбредет, мог отметить её бесплодие, выбить из равновесия вопросом: «Ты до сих пор не родила?» и через минуту забыть о сказанном. Отсутствие детей Ханну не тяготило – ни в браке, ни сейчас, после развода. Срочно искать лиса или волка, чтобы родить «для себя», раз с Витольдом не получилось? Нет уж. «Для себя» заводят домашних животных, и то, предварительно взвесив ответственность. И все-таки... неприятно. Как будто упрекнули болезнью или увечьем. Мысли совершили скачок, и Ханна подумала о Мохито. Бездетность на лбу не выжжена, на улице пальцами не тычут, не перешептываются. Гролару, наверное, хуже. Однако живет, дружит с Шольтом, возится с Йонашем. А к косым взглядам, скорее всего, уже привык.

Утром, спустившись проконтролировать новых работников, Ханна столкнулась с Мохито, возвращавшимся с пробежки. Знакомые шорты, кеды, капюшон. После приветственного «бр-бр, хр-хр» гролар внезапно обрел дар речи, и попросил разогреть и упаковать в термопакет завтрак для него и Йонаша.

– Пейте кофе, я сейчас вам вынесу, – пообещала Ханна. – Контурную карту заберете?

– Да, – кивнул медведь. – Спасибо, что нашли время.

Ханна подумала, что надо оповестить Мохито о своих добрых намерениях – лицом к лицу, не полагаясь на передачу разговоров. Оповестить и больше не навязываться. Делать то, что попросят. Она вынесла упакованный завтрак, прого-

ворила давно подобранные слова о гостевой комнате и контроле над уроками. Получила ответ: «Спасибо, я вас услышал», и, с некоторым облегчением, удалилась в свою квартиру. Как ни хорохорься, а Мохито внушает страх. Вытаскивает наружу заложенный инстинктом ужас перед непомерно сильным противником. Давит размером и запахом. Понятно, почему волки-спецназовцы сплотились против угрозы. Непонятно, почему Шольт с ним сдружился. В пику коллективу? Из придури?

Глава 18. Изложение

Гостевую комнату пришлось открыть и пропылесосить через три дня. Полина сидела дома с сопливыми детьми – младший принес вирус из садика. Йонаш ходил в школу и делал уроки под надзором Мохито. А экскаватор в песчаном карьере далеко за городом выкопал склад мин времен Договора Сретения. Боеприпасы, хранившиеся в весьма и весьма неблагоприятных условиях, могли сдетонировать в любой момент. Мохито, как и других саперов из различных ведомств, передали в распоряжение временного штаба по чрезвычайной ситуации, и отправили в пески. Йонаш отбрыкался от переезда к Новакам или Кшесинским – «оттуда до школы далеко ехать, на час раньше вставать надо!» – и клятвенно пообещал обедать в кафетерии, чистить зубы и вовремя ложиться спать. В общежитии мальчишке ничего не угрожало – незнакомец с дурными намерениями через КПП пройти не мог. Мохито беспокоили не бытовые проблемы, а судьба уроков. Йонашу надо было выбрать и прочитать книгу из выданного учительницей списка, и написать по ней изложение.

– Он отвлекается, – пояснил медведь, быстро поедая блинчики со сгущенкой и просматривая сообщения в телефоне. – Лучше всего заставить его читать вслух. Тогда он точно осилит всю книгу, не пропуская куски.

– Прочитаем вместе, – кивнула Ханна. – А потом напишем

изложение. Пусть только скажет, какая книга. Купим.

– В библиотеке дадут. Книги из школьной программы всегда в библиотеке есть.

В итоге Ханне поручили проверить грамматику и пунктуацию в изложении, а также раскрасить все накопившиеся контурные карты. В девять вечера она должна была переводить Йонаша через дорогу и сдавать часовому на КПП. Мохито обещал вернуться в субботу вечером – «раньше не получится» – и отблагодарить Ханну какой-нибудь ответной услугой. От услуги Ханна отказалась сразу и поклялась звонить в случае любых сомнений и недоразумений. От визитов в больницу они были избавлены – Шольта опять погрузили в искусственный сон и собирались будить не раньше понедельника.

Недоразумений не было. Йонаш обследовал квартиру, оставляя отпечатки запаха на мебели и ткани, вид с балкона оценил, как «классный», и сказал, что если влезть на перила, то можно увидеть их с папой окно и полосу препятствий на спортивной площадке. Лазить на перила Ханна категорически запретила, и, на всякий случай, начала запираť балконную дверь. Йонаш ел, что дают – похвалил омлет и домашние котлеты – отлынивал от уроков и много болтал.

– Папа тоже яйца на сковородке всегда перемешивает, чтобы желток прожарился. А Мохито говорит: «Фу, выглядит так, как будто это кто-то уже ел». Он жарит, чтоб «глазки» были. А вы так умеете?

– И так, и так умею. Доставай книжку, начинай читать.

– А вы в карте забыли море раскрасить.

– Сейчас раскрашу. Доставай книжку!

Йонаш со вздохом вытащил из рюкзака тоненькую брошюру в мягкой обложке со значком серии «Школьная библиотека». Ханна взглянула на название – «Вкус хлеба» – и спросила:

– Ты сам выбирал? Или учительница велела по этой книге писать?

Легенду о происхождении висов и снятии проклятья Хлебодарной Ханна знала прекрасно. В школе проходили адаптированный вариант с вырезанными любовными сценами, акцентируя внимание на спасении пророчицы-лисицы из лап камышовых котов и избавлении волка от проклятья.

«Неужели учительница решила поиздеваться над Йонашем, зная, что его отец не ест хлеб?»

– Сам выбрал. Мы с папой ее читали, я и без перечитывания изложение напишу. Можно мне еще одну сосиску в тесте? У вас вкусно получается. Мы так не готовим. У нас даже муки нет. Папа такое не ест, из-за проклятья – как в книге.

– Откуда ты знаешь?

Ханна давала себе слово не расспрашивать мальчишку, потому что это нечестный ход. Но сейчас вопрос вырвался сам собой – от смятения и удивления. Йонаш спокойно сообщил:

– Папа сам мне рассказал. Он избил мою маму. Первый

раз, когда она была беременной, а потом второй раз, когда она кормила. Потому что она употребляла наркотики. После первого раза папа сдобу не мог есть, только лепешки всякие и тесто в пельменях. А после второго – вообще ничего. Хлебодарная так прокликает альфы, которые на беременную жену руку подняли.

Ханна молчала, не зная, надо ли что-то говорить. Йонаш добавил:

– Я уже взрослый и у нас доверительные отношения. Папа сказал: лучше я всё объясню, чем тебе чужие оборотни в уши насвистят.

«Резонно, – подумала Ханна. – Желających насвистеть в таких случаях – хоть отбавляй. История наверняка пересказывалась при детях, и кто-то из одноклассников Йонаша может уколоть внезапной правдой. Решение правильное... но всё равно подпортившее Йонашу детство. Трудно быть не таким, как все. Знать, что отец избивал мать. И при этом любить отца, и – скорее всего – оправдывать».

После внезапного откровения Йонаш съел две сосиски в тесте, пообещал, что начнет писать изложение без перечитывания, сделал математику и был препровожден к КПП. Ханна сбросила Мохито сообщение с отчетом – без упоминания книги – и получила в ответ скупое «спс».

Времени стало не хватать. Для себя Ханна могла приготовить спагетти, перекусить салатом из кафетерия и оставить на столе крошки, потому что ее срочно позвали вниз,

к поставщику. Кормить Йонаша чем попало, да еще не на идеально убранной кухне – нет-нет-нет, этого было делать нельзя. Контурные карты почему-то отъедали изрядный кусок бытия. Карандаши постоянно ломались, Ханна путалась, закрашивала разметку неправильным цветом, стирала, снова закрашивала... и это всё вперемешку с работой, беспрестанно теряющимися накладными, консультациями с бухгалтером и накапливавшейся стиркой.

В субботу вечером Ханна сдала Йонаша с рук на руки Мохито, получила бурчащую благодарность и обещание помощи «в случае чего». В воскресенье, закончив домашние дела, поехала к родителям, и, вернувшись, с удивлением обнаружила, что квартира пропиталась запахом волчонка. Это не раздражало, но чувствовалось, как след от соринки в глазу. А в круговороте дней запах казался незаметным.

«Надо будет разложить коробочки с отдушкой и хорошенько проветрить. Потом, когда всё закончится».

В понедельник Ханна не видела ни Йонаша, ни Мохито, да и слава Хлебодарной, своих забот хватало: в кафетерий явился санитарный инспектор, за ним – следователь, сообщивший, что передает дело в суд, и посоветовавший ждать повестки. Ханне вручили ксерокопию ее показаний – «освежите перед судом, чтоб не путались» – и предрекли, что осквернителям кафетерия, скорее всего, дадут условный срок. Вкупе со штрафом.

Взрыв дымовой шашки, крашеное пшено и ленты теперь

казались чем-то мелким и совершенно неважным. Ханна не могла понять, почему она переживала и расстраивалась: никто не ранен, не погиб... чепуха.

Глава 19. Волк в лубке

Долгожданные осенние дожди затянулись. Люди и оборотни быстро заскучали по солнцу, начали ругать раннюю темноту. Дождь сбивал с деревьев еще зеленые листья, золото осени где-то потерялось – прямо как неуловимый клад клана Светлых Крестов. Утро вторника хоть немного, но порадовало: дождя не было, и Ханна, позволившая себе поспать лишний час, рискнула выбраться на балкон. Мокрая липа грелась под лучами солнца, асфальт подсыхал, очерчивая границы глубоких луж. По улице сновали вояки и прохожие, за углом заливалась сирена пожарной машины – обычная, привычная жизнь.

Волка в пластиковом корсете и с лубком на передней лапе Ханна увидела сквозь нижние, поредевшие ветви липы. Тотский зверь брел по тротуару шатаясь, приваливаясь к стене, чтобы отдохнуть. Кофе встал поперек горла, от возмущения, смешанного с недоумением: «Хлебодарная, да кто же заставил бедолагу выйти на улицу? Ему лежать надо! Где врачи, благотворительные фонды, социальные службы? Что это за безобразие?»

Ханна проглотила кофе и вдруг поняла, что волк ей смутно знаком. Темный, длинные лапы, вытянутая узкая морда...

– Не может быть! – выдохнула она, поставила чашку на столик и побежала на улицу, радуясь тому, что пила кофе в

новеньком домашнем костюме – не будет обсуждений шелкового халата. По пути она постучала в дверь Ёжи и Снежки.

Голос, спросивший: «Кто там? Что?» догнал ее в подъезде. Ханна, не оборачиваясь, крикнула: «Помоги!» и открыла калитку. За это время волк успел доковылять до перекрестка, дождался зеленого света и попытался перейти дорогу. И ладно бы на трех лапах! Так у него еще и задняя перебинтована!

Грязь возле бордюра оказалась скользкой. Волк плюхнулся в лужу, повалился на бок, пытаясь уберечь закованную в пластик переднюю лапу. Ханна, уже подбегая, узнала знакомый запах – точно, Шольт! – и, не сдержавшись, закричала:

– Лежи, не шевелись! Сейчас мы тебя поднимем. Куда тебя понесло, чучело?

Шольт шумно дышал, стискивал зубы, ворошил, стараясь подняться. Ёжи встал за спиной у Ханны, махнул машинам: «Объезжайте!», сказал:

– Сейчас Снежка плед из кафе принесет. Переложим его на плед и отнесем, куда шел.

– А куда он шел?

– К нам в кафетерий, наверное, – пожал плечами Ёжи. – Вряд ли на работу или к алтарю.

«Папе там скучно», – вспомнила Ханна, и тихо прошипела: – Какой же он идиот!

Нести мокрого и грязного волка на плед в кафетерий – то еще развлечение. Пледы Ханна купила, чтобы выдавать

посетителям в холода, закутаться. И спецназовцы, и полицейские, и даже огнеборцы от пледов отказывались, да еще и отпускали двусмысленные шутки. Ханна думала – зря потратилась. А вот, пригодилось.

Они занесли Шольта в зал. Сдвинули две широкие лавки, уложили на них пледы в упаковках, а сверху взгромоздили мокрую ношу. Ханна попыталась обтереть пластиковый лубок на лапе бумажным полотенцем и отпрянула – Шольт дернулся, громко застонал.

– Не трогаю, не трогаю! Ёжи, может, «Скорую» вызвать?

Шольт взвыл – коротко, с ноткой протеста. Минута покоя закончилась. Дверь распахнулась, и в кафетерий повалил поток посетителей. Все без исключения шли поздороваться с Шольтом. Ну и покупали что-нибудь. Грех было жаловаться, мощная вышла реклама.

О «Скорой» никто не заикался. Шольта называли «молодцом» и «огурцом», хвалили, поздравляли. Ханна не спускала с волка глаз: пелена боли, сделавшая взгляд мутным, исчезла. Шольт обрел живость, вертел головой по сторонам, стучал мокрым хвостом по пледу, приветствуя сослуживцев.

Суэта и толкотня странным образом успокаивали – рядом были люди и оборотни, способные распознать, когда Шольту срочно понадобится врач, не боящиеся взять на себя ответственность. До визита в кафетерий снизошел даже глава городских огнеборцев, прежде никогда не переступавший порога. Поздоровался с Шольтом, пообещал обеспечить Йо-

нашу натюрморты и пейзажи – если возникнет такая надобность – и отбыл со стаканом кофе, пожелав всем хорошего дня и здоровья.

Шольт обсох, чуточку распушился и перестал напоминать заморыша. Светлые брови выразительно шевелились, длинный нос морщился, когда кто-нибудь подносил к ложу свежую выпечку. Ханну окончательно отпустило, противная внутренняя дрожь исчезла.

В зал ворвались Йонаш с Мохито.

– Пап, ну зачем ты сам шел? Мохито бы тебя отнес! Фу, где ты так перепачкался? В лужу упал, что ли?

Шольт отвернулся, ухитрясь косить глазом и отслеживать всех посетителей. Мохито разразился потоком бурчания. Нравоучение прервал телефон. Медведь выслушал собеседника, рыкнул: «Сейчас буду» и распорядился:

– Йоша, если я к трем не вернусь, сделаешь уроки у тети Ханны. Выезд сложный, не знаю, когда освобожусь. Позвоню ребятам, они папу вечером домой отнесут, если меня еще не будет.

– Ладно, – согласился Йонаш. – Я сейчас на физру сбегаю, чтобы прогул не поставили, и вернусь. Тетя Ханна, можно я тут рюкзак оставляю? Мне только форма нужна, не хочу учебники тащить.

– Конечно, – разрешила Ханна. – Поставь вон туда, за стойку.

Йонаш выполнил указание и выскользнул в дверь вслед за

Мохито. Тут же вернулся и стукнул себя по лбу:

– Совсем забыл! Тетя Ханна, можете мне помочь?

– Да.

Она ожидала очередной раскраски контурных карт или поиска материалов для доклада по истории или географии. Йонаш нырнул под стойку, вытащил рюкзак, порылся, достал маленькую банку и пластиковую ложку.

– Вот. Папу надо яблочным пюре накормить. Вы сможете?

Ханна посмотрела на ложку, банку, насторожившего уши волка и с внутренним содроганием повторила:

– Да. Иди на физкультуру, не беспокойся.

Стоило Йонашу выйти за порог, как Шольт оскалился, всем своим видом демонстрируя неприязненное отношение и к Ханне, и к яблочному пюре. Снежка с Ёжи взяли по чашке кофе и уселись наблюдать за кормлением. Сменщики не отставали – навалились на стойку, смотрели во все глаза. Ханна вскрыла банку, подобралась к Шольту и зачерпнула пюре. Волк рыкнул и отвернул морду.

– Ложечку за Йонаша! – громко объявила Ханна.

Шольт посмотрел на нее с укоризной, понюхал яблочное пюре и даже осторожно лизнул. После этих действий он счел свой долг выполненным и прикинулсядохлым, растянувшись на пледах. Ханна удвоила напор и попыталась запихнуть пюре волку в пасть. Шольт вскинулся, с громким хрустом разгрыз пластиковую ложку и выплюнул обломки на пол. Ханна отшатнулась – испугалась резкого движения и

лязганья зубов – и села на задницу, чуть не выронив банку. Шольт зарычал – нотка угрозы заклокотала в горле – и внешне затих. Перемена настроения объяснилась просто. Деметриуш подошел, как всегда, неслышно, и врезал Шольту по носу свернутой газетой. Благослови Хлебодарная одного конкретного полковника спецназа и все печатные издания сразу!

– Ты что творишь, поганец? – не повышая голоса, спросил Деметриуш у Шольта. – Предчувствуешь увольнение, в цирк идти работать собрался? Так я тебе это живо устрою.

Блестящие карие глаза подернулись поволокой смирения. Шольт потянулся к банке, слизал часть потекшего через край пюре, заодно отполировал пальцы Ханне и посмотрел на начальника: «Видишь? Я правильный, я хороший! Не ругайся!»

– С железной ложки его корми, – посоветовал Деметриуш. – Начнет выкаблучиваться, зубы сломает, получит хороший урок.

Ханна потеряла руку, отгоняя щекотное и влажное прикосновение волчьего языка, взяла у повара ложку и повторно приступила к кормлению. Шольт съел содержимое банки за три минуты, без стонов, рычания и выкрутасов. Этому поспособствовал тот факт, что Деметриуш уселся обедать за столиком в зале.

Исполнив обещание, Ханна отправилась домой, переодеться – Шольт исхитрился и заляпал ее липким пюре. Она

немного прибрала: наскоро навела порядок на кухне, протерла письменный стол, поселившийся в гостевой комнате, открыла форточки, чтобы квартира проветривалась, и спустилась вниз. Йонаш уже вернулся с физкультуры и докладывал персоналу и посетителям, откуда взялся папа.

– Его сегодня в восемь утра временно выписали. Зав отделением сказал, что у него нервов не хватает. Папа вчера вечером заскучал, пошел гулять по больнице, заблудился и спал в кладовке. Врачи говорят, что пусть он спит в какой-нибудь другой кладовке, подальше от их глаз. Мы его утром привезли домой, я пошел в школу, а Мохито на службу. Мы обещали, что в обед вернемся, и Мохито папу в кафетерий отнесет, но он, наверное, без нас соскучился.

Шольт взирал на всех с удивительным самодовольством – видимо, гордился своими умениями маскировки и нахождению временных убежищ.

– Он поел? – повернулся к Ханне Йонаш.

– Да.

– Хорошо. Теперь его в четыре надо будет покормить мясным паштетом и еще одним яблочным пюре.

Ханна кивнула, ничего не обещая, и отвлеклась на оклик повара. Люди и оборотни шли обедать, пить кофе, болтать с Шольтом и Йонашем. Временами поток иссякал, временами в кафетерии было не протолкнуться. После трех, не дождав-шись появления Мохито, Ханна погнала Йонаша наверх, делать уроки.

– Давайте я вам помогу Шольта отнести, – предложил Ёжи.

– А?.. – Ханна хотела сказать: «А зачем его нести?» и осеклась. Действительно, уводить Йонаша и оставлять Шольта в кафетерии как-то глупо. К тому же волк устал – видно, что он с трудом реагирует на обращенные к нему слова и засыпает.

– Ладно, – решила она. – Положим его на диван в той комнате, где Йонаш занимается. Снежка, захвати, пожалуйста, пару пледов. Надо чем-то диван застелить, чтобы обивка не пачкалась.

По пути они сделали остановку под виноградом, дождались, пока волк справит нужду, и занесли его в квартиру, не уронив, и ни разу не ударив об стену. Оказавшись на диване, Шольт поворочался и заснул – мгновенно, крепко, словно кто-то повернул невидимый выключатель.

– В начале пятого разбудим и покормим, – пообещала Ханна. – Ты ел?

Йонаш кивнул.

– Тогда мой руки и делай уроки.

Глава 20. Гость в дом

В кафетерии витала смесь чужих запахов, которую Ханна старалась смывать сразу по возвращению домой. Она только-только успела привыкнуть к одиночеству, к отсутствию меток Витольда, как произошло очередное изменение – запах волчонка въелся во все углы. Но сейчас эта перемена померкла, как тусклый свет ночника под лучами полуденного солнца. Ханна чувствовала присутствие Шольта. Волка. Альфы. Запах пропитывал гостевую комнату, диван, занавески, подталкивал к обращению – висица разозлилась до вздыбленной шерсти и готовности дать трепку вторгшемуся без приглашения нахалу.

Ханне удалось усмирить свою четвероногую ипостась – висица поняла, что запах альфы содержит изрядную примесь лекарств. Она немного успокоилась и начала наблюдать за волком – настороженно и с долей любопытства. Ханна некоторое время постояла в комнате, а затем отправилась на кухню – это позволило занять руки и перебить вторжение кухонными ароматами.

На одной сковороде зашипели ломтики баклажанов, погружившиеся в раскаленное масло, на второй, под крышкой, нагревалась морковка, а нарезанный полукольцами лук ожидал своей очереди, изгоняя запах альфы едкой вонью. Ханна пару раз выглядывала из кухни – Шольт спал, Йонаш писал в

тетради – потом увлеклась, погрузилась в процесс готовки и почти забыла о гостях. Она насторожилась, когда услышала скрип двери в спальню. Йонаш! Балкон! Перила! Ханна чуть не перевернула бутылку с маслом – задела, поймала на лету, поставила в мойку – и выскочила в коридор. Открывшаяся картина, мягко говоря, удивила. Йонаш продолжал делать домашнее задание, а на пороге ее спальни стоял Шольт, который внимательно изучал интерьер, и – слава Хлебодарной! – не брошенную кое-как, а аккуратно застеленную покрывалом кровать.

– Тебе что-то надо? – растерянно спросила Ханна. – Выйти? Я сейчас Ёжи позову, мы тебя... вас вынесем.

Шольт зевнул – громко, с присвистом – и поковылял обратно к дивану.

– Пап, тебе поесть надо, – оторвался от тетради Йонаш. – Тетя Ханна, а чем это так вкусно пахнет?

– Овощным рагу с баклажанами, – ответила она, провожая взглядом хромающего волка.

Тот обтерся об диван, оставляя шерсть на боковой спинке, примерился, забрался на плед, оттолкнувшись задними лапами от пола. Свернулся клубком, насколько позволял корсет, спрятал нос под лубок и замер.

– Пап, жалко, что тебе рагу нельзя. Тетя Ханна классно готовит.

Волк не шевельнулся.

– Сейчас я паштет открою, – Йонаш встал из-за стола, по-

тянулся. – Тетя Ханна, вы мне поможете, если папа капризничать будет? Мы с Мохито его вдвоем кормим.

– Вдвоем?

– Ага, Мохито папу за уши держит, чтобы он не отворачивался.

– При полковнике Деметриуше твой папа ест быстро и хорошо. Лучше мы полковника позовем, чем за уши держать, – громко сказала Ханна.

Она бы и посмотрела на Шольта с намеком, но тот продолжал лежать, зажмурившись, и прятать нос под лубком. Угроза пропала зря. В дверь постучали. Это явился Мохито, уже в гражданском, желавший забрать домой своих соседей. Ханна быстро набила большой контейнер горячим рагу, завернула в газету, поставила в пакет и велела Йонашу есть, когда остынет. Разрешила Мохито забрать плед – «нет-нет, возвращать не надо, у меня еще два в запасе» – и проводила гостей до калитки: открыть, придержать дверь, принести Йонашу забытый учебник ботаники.

Вернувшись в квартиру, Ханна распахнула все окна и балконную дверь. Запахи волчьего семейства и медведя вытягивало на улицу, нервное напряжение отпускало и сменялось внезапной грустью. Ханна вдруг немножко позавидовала Мохито, который сейчас провалится с головой в ворох забот, будет разрываться между супом, заданием по математике и кормежкой капризного Шольта. В странной волчье-медвежьей стае никто не чувствовал себя одиноким. Когда-то

Ханне казалось, что они с Витольдом сумели подружиться, и, если угаснет влечение, их связь станет еще крепче. А вышло совсем наоборот. Восемь лет приятельствовали ради секса, а теперь один обрел новую пылкую страсть, а вторая осталась у разбитого корыта. Чем так обманываться, лучше жить старой. Наверное.

Утром Шольта принесли в кафетерий двое спецназовцев. Плед был выстиран, Шольт выкупан – или тщательно протерт влажным полотенцем. Шерсть не блестела, но и не сбивалась в неопрятные комочки. Волк явно набрался сил и повеселел.

«На яблочном пюре отъелся», – подумала Ханна, глядя на очередное паломничество к ложу.

В обед Йонаш вывалил охапку новостей.

– Тетя Ханна, нам надо завести дневник по природоведению. Записывать температуру воздуха, каждый день фотографировать одно и то же дерево, чтобы фиксировать, как желтеет и опадает листва. И еще нужно раскрасить три страницы в тетради по ботанике.

– Ботанику-то я раскрашу. А вот дневник... боюсь, я забывать буду.

– Температуру можно из газеты списывать, там прогнозы на неделю печатают. А дерево по утрам фотографировать. Вы же по утрам кофе на балконе пьете.

– Откуда ты знаешь? – удивилась Ханна.

– Дядя Георг с дядей Казимиром по утрам кофе на крыше

пьют и вами любят, – без всякого стеснения ответил Йонаш. – В бинокль. Дядя Веслав тоже иногда на вас посмотреть ходит.

То-то Ханне временами казалось, что на ней халат вот-вот затлеет!

– Я виноград фотографировать буду, – ответила она.

– У винограда листья почти засохли, лучше липу, – возразил Йонаш. – А одну раскраску по ботанике надо было сдать сегодня. Давайте вы сейчас раскрасите, и я училке отнесу, она до шести, во вторую смену уроки ведет.

Ханна неосторожно согласилась заняться раскраской и через десять минут оказалась в собственной гостиной в обществе Йонаша и Шольта. Шольта занесли на диван двое сотрудников МЧС, а Йонаш с рюкзаком пришел сам, чтобы написать домашнее задание по литературе. Неприятность случилась, когда Ханна с Йонашем фотографировали липу. Стоило выйти на балкон, как волк приковылял в спальню, забрался на кровать и растянулся во всю длину лап. Ханна возмутилась – «спать же потом невозможно будет!» – и попыталась прогнать Шольта свернутой газетой. Метод полковника Деметриуша не сработал – волчьи зубы прокомпостировали бумажную трубку, клочки разлетелись по всей спальне. Йонаш удивился:

– Почему вы папу газетой бьете? У него лапы чистые, он ничего не испачкает.

Ханна сухо ответила:

– Не люблю, когда в мою кровать лезут без приглашения.

Шольт зарычал, растерзал газету и убрался в гостевую комнату. Ханна оставила балкон открытым. Кипя негодованием, сорвала с кровати покрывало и запихнула в стиральную машину. Уроки делали в напряженном молчании. Шольт довольно быстро заснул, и Йонаш, покосившись на него, проговорил шепотом:

– Тетя Ханна, мы вам уже надоели? Если хотите, я буду раскраски в кафетерии оставлять, а Мохито скажу, чтобы он папу в МЧС относил. Там у них на первом этаже музей открыли, папа может в холле возле двери музея лежать, на посетителей смотреть.

После вопроса «Уже надоели?» захотелось честно ответить: «Да». Смутило продолжение – она не запрещала Шольту дневать в кафетерии, зачем тащить больного волка в музей МЧС? Как будто им там экспонатов не хватает.

– Сидите в кафетерии, сколько хотите, – так же шепотом ответила Ханна. – Мне это не мешает.

Она попыталась мысленно сформулировать продолжение: «Ты можешь делать уроки в этой комнате, но прошу избавить меня от визитов папы, который ухитряется линять на всю мягкую мебель и ковровые покрытия, а теперь еще и в кровать полез». Слова подбирались с трудом, не хватало убедительности. Ханна задумчиво погрызла карандаш и вздрогнула от короткого, переполненного болью воя.

Глава 21. Выставка детского творчества

Шольту снился кошмар. Он дергал лапами, запрокидывал голову, демонстрируя беззащитное горло, больше не выл, но стонал – так жалобно, с ноткой безысходности, что у Ханны ёкнуло сердце.

– Врачи сказали – это пройдет, – Йонаш бросился к волку, обнял за шею. Разбудил, посмотрел в затуманенные глаза и начал быстро-быстро говорить: – Пап, все нормально, ты дома, я с тобой. Мохито скоро придет. Ты живой, ты был в больнице и уже вернулся.

– Ах-ах-ах... – Шольт дышал со стонами, осматривался, явно не узнавая обстановку.

– Вы у меня в гостях, Йонаш делает уроки, – внесла ясность Ханна.

Она не знала, набирать ли номер Мохито. Если бы медведь был свободен, давно бы увел свою стаю из кафетерия. Отвлекать его от служебных дел?

– Ох... – Шольт помотал головой, встряхнулся.

– Ты в порядке? – Йонаш гладил волка по прижатым ушам, нежно касаясь шерсти.

Шольт подумал и кивнул: «в порядке». Ханна убрала руку от телефона. Скандальить, упоминая кровать, расхотелось.

Волк был не в себе, и, возможно, бродил по незнакомой территории, повинувшись инстинкту – утверждал главенство, не задумываясь, что он в гостях. Камул с ним, можно и матрас новый купить, в конце-то концов.

– Ты будешь сегодня раскраску относить? Я чертополох закончила. И корни, и листья, и цветки, и корзинки. Могу и остальные задания раскрасить, но если ты тетрадь унесешь, то...

– А давайте скрепки разогнем, я листок отнесу, чтобы она отметку поставила, а вы пока другими страницами займетесь. Мне позвонить, чтобы папу домой унесли, или можно его пока тут оставить? Я быстро сбегая, за двадцать минут обернусь.

Шольт поднял светлые брови и переводил взгляд с Йонаша на Ханну, ожидая решения своей судьбы.

– Ты же сюда придешь. Тогда и решим, куда папу переносить. Зачем его сто раз туда-сюда таскать? – сказала Ханна. – Может быть, вы потом еще часок в кафетерии посидите, если Мохито не освободится.

– Он на вызове, – ответил Йонаш. – Не знаю, когда вернется. Все говорят – странная осень. Обычно после Преломления Хлеба затишье, а в этом сентябре как прорвало. Минируют то тут, то там. Вчера «пикап» со взрывчаткой возле рынка обнаружили.

– Да смилуется Хлебодарная... – пробормотала Ханна, расстроенная тем, что жизнь заставляет ребенка повторять

такие слова взрослых. – Иди осторожно, с чужими не разговаривай... а, что я тебя учу, тебе это наверняка сто раз повторяли. И от взрыва это не спасет.

– Я туда и назад, – пообещал Йонаш. – Потом куплю что-нибудь в кафетерии и мы с папой домой. Рагу мы с Мохито почти съели. Надо купить печенку или мясо. А картошку я сварю.

– Нет уж, картошку сварю я, – воспротивилась Ханна. – Дома разогреешь. Иди. Я картошку поставлю, и раскрашивать буду.

– Папу надо покормить.

– Банки у тебя? – вздохнула Ханна.

– Да. В маленьком пакете с цветами. Там две банки и две ложки.

Дверь гулко захлопнулась. Слышно было, как Йонаш скатился по лестнице. Шольт смотрел на Ханну с интересом – ждал кормежку, способную обеспечить развлечение.

– Я в курсе, что тебе скучно, – проговорила Ханна. – Зато мне в последние дни зашибись, как весело. И винить некого, сама помощь предлагала. Давай договоримся. Я сейчас поставлю вариться картошку, а потом ты быстро съешь свое пюре и паштет. Без выкрутасов. Без грызни ложек и боя газетами.

Шольт задумался. Ханна ушла на кухню, быстро помыла картошку, поставила вариться «в мундирах», срезав «крышечки». Щедро насыпала соли, прибавила огонь, верну-

лась и приготовилась к цирковому представлению. Шольт ее разочаровал. Никаких капризов, вежливая благожелательность и даже предупредительность: длинная морда все время совалась в банку, язык гулял по ложке и пальцам Ханны, вызывая неудержимую щекотку. После кормления Ханна вытерла Шольта салфеткой – пюре оставило на носу липкую полосу – погладила по жесткой шерсти и сказала:

– Можешь, когда захочешь.

Во взгляде волка прочиталось: «А то!». Ханна рассеянно почесала зверя за ухом, рассмотрела пластиковый корсет, укрывавший бока и живот, и всполошилась:

– Он сломался? Там трещина! Куска не хватает! О!.. Ты его грызешь? Зачем? Ты голодный?

Шольт одарил ее волной презрения.

– Снять хочешь? Врачи снимут, когда время придет.

Шольт фыркнул.

– Придурок, – покачала головой Ханна. – Ладно, лежи. Мне еще василек и подсолнух раскрасить надо. Если тебе потребуется выйти, сообщи как-нибудь. Порычи, что ли. Я Ёжи позову, мы тебя к винограду отнесем.

Карандаш скользил по бумаге. Шольт сопел, вертелся на диване, пристраивая большую лапу. За окном смеркалось, и Ханна старательно отгоняла тревогу за Йонаша – зимой будет темнеть еще раньше, нельзя же ограничивать мальчишку в передвижении только световым днем. Карандаш заезжал за границы василька. Ну и ладно. Пусть учительница думает,

что Йонаш сам постарался.

Бряк-бряк-бряк.

Шольт начал чесаться, задевая задней лапой пластиковый корсет.

«Заскучал», – поняла Ханна. Спросила: – Телевизор включить?

Бряканье прекратилось, Шольт принялся вылизывать хвост – с громким чмоканьем, демонстрируя победу звериных инстинктов над разумом.

«Скотина».

Далекий топот возвестил о возвращении Йонаша. Волк насторожил уши, заулыбался, позабыв о гигиенических процедурах.

– Поставили отметку?

– Ага. Я сейчас лист назад прикреплю. Сразу. Чтобы не потерялся.

От Йонаша пахло осенней прохладой. Он сбросил кроссовки в прихожей, и, не снимая куртку, подбежал к отцу – обнял за шею, погладил по носу. Шольт чихнул и облизал сыну лицо, щекоча и добиваясь смеха.

– А это что?

В двойную страницу с раскрашенным чертополохом был вложен лист, испещренный машинописными буквами. «Заявление».

– Не возражаю против участия моего сына (дочери) в автобусной поездке на выставку детского творчества под руко-

водством классного руководителя. Информация для родителей и опекунов...

– Это не надо, – отмахнулся Йонаш. – Я заявление взял, потому что меня с мельницей туда направили, а завтра откажусь.

– Почему? Подожди, какая еще мельница?

– Потому что папу кормить надо, – с укором объяснил Йонаш. – Куда я сейчас поеду? На Мохито надежды нет, он все время на вызовах.

Ханна просмотрела бумагу и приступила к допросу. Оказалось, что в последнюю неделю лета Алекс – муж Полины – устроил своим детям и Йонашу кружок творчества на дому. Они смастерили действующий фонтан, водяную мельницу, компас и пяток летающих моделей из бумаги. Мельница досталась Йонашу, который сдал ее на школьную выставку «Плоды лета». Дело рук Алекса заняло почетное первое место, и Йонаш был делегирован на Южную выставку школьных достижений, проводящуюся в городе на побережье.

– Думаю, что надо ехать, – изучив «Информацию для родителей», заявила Ханна. – Я сейчас Полине позвоню, посоветуюсь. Это веская монета в копилку достижений. Даже если ты не займешь призовое место, то получишь грамоту за участие. Учитывая твои вечные переэкзаменовки...

– Я папу не брошу!

– Я за ним присмотрю, – стараясь не повышать голос в ответ на детский крик, проговорила Ханна. – Он все равно

у нас в кафетерии по полдня отирается. Буду кормить, внутренний двор в его полном распоряжении. Могу оставить переночевать. Диван все равно уже воняет, хоть выкидывай.

Шольт слушал внимательно, хмуря брови. Ханна сообразила, что можно узнать мнение отца, не строя догадок, и спросила:

– Как думаешь, надо ехать?

Шольт указал мордой на заявление. Она пристроила лист на диван так, чтобы волк мог его прочитать, и взялась за сборку тетради с васильками и чертополохом. Когда она загнула скрепки, Шольт коротко твякнул. Встретился взглядом с Ханной, кивнул.

– Вот, папа тоже говорит: «да».

Конечно же, Йонашу хотелось поехать – это было видно по засиявшим глазам, неловкому возражению:

– Деньги сдавать надо. Я не знаю, как у нас с деньгами.

– Я заплачу, потом разберемся.

Шольт зарычал. Ханна повторила:

– Потом разберемся. Это в долг.

Волк нахмурился. В дверь постучали – за разговорами Ханна не услышала, как Мохито поднялся по лестнице. Обсуждение переехало на конструктивные рельсы.

– Знаю, классная руководительница мне звонила, – пробурчал Мохито. – Напомнила, что должны подписать обе опекунши.

– Позвоните Полине. Или я позвоню. Давайте решим, что

делать. Я считаю, такой шанс упускать нельзя. Когда еще следующая выставка будет, и сможем ли мы построить фонтан или мельницу – сложный вопрос.

– Я тоже «за», – буркнул Мохито. – Полине звонил. Она одобряет. Деньги на поездку сдадим. Какие еще у нас проблемы?

– Если тетя Ханна присмотрит за папой, то никаких, – сказал Йонаш.

– Это же на один день?

– На два. Мы уезжаем послезавтра рано утром и возвращаемся на следующий день вечером. Будет экскурсия в Ботанический сад и морская прогулка на теплоходе.

– Где день, там и два, – обреченно согласилась Ханна. – Отдохнешь за всех нас, привезешь фотографии. Только веди себя хорошо, чтобы учительница потом нам не жаловалась.

– Как об стенку горох, – пропыхтел Мохито. – Так. Я на два часа отпросился. Давайте, перенесу кого куда надо, покормлю, и обратно на службу.

– Я сварила картошку, – вспомнила Ханна.

– Спасибо.

– Мохито, надо тете Ханне выписать пропуск. А то вдруг папе что-то понадобится, а она в общежитие пройти не сможет.

– Хорошая идея, – одобрил медведь.

Глава 22. Сытый альфа – послушный альфа

Через пятнадцать минут Ханна стояла возле КПП с кастрюлей вареной картошки в руках, и отвечала на вопросы дежурного лейтенанта. «Не была, не привлекалась, не состояла, не участвовала». Пропуск выписали на две недели – как опекунке Йонаша. После оформления они прошли на территорию части – процессию возглавлял Мохито с Шольтом на руках. Йонаш нес заявление и тетрадь с чертополохом, и показывал раскрашенные цветы всем встречным и поперечным. Спецназовцы – в форме и в гражданском – охотно любовались рисунками и задавали дурацкие вопросы. Пока дошли до четырехэтажного здания, у Ханы щеки запылали от пристального внимания окружающих. Кастрюля вызывала неподдельный интерес, и каждый желал узнать, не пирожки ли это.

– Мы на третьем этаже, – сообщил Мохито. – Лифта нет. Вверх вот по этой лестнице.

Дом был старой постройки, когда еще не начали экономить на высоте потолков и ширине коридоров.

– Тут обычные квартиры, – объяснил Мохито. – Просто в каждой по несколько жильцов. У нас трехкомнатная. Четырехкомнатных здесь нет, двушки и трешки. Деметриуш

предлагал Шольту отдельную квартиру в новострое, но мы не захотели. Там мелкий будет весь день без присмотра.

– У нас есть шведская стенка! – вклинился Йонаш. – И турник. А вы делаете зарядку, тетя Ханна?

– Стараюсь, но не всегда получается.

Врать ребенку не хотелось, но не признаваться же, что лучший вид спорта – это лишний час поспать.

Попав в квартиру, Ханна осмотрелась, стараясь не выказывать излишнего любопытства. Чисто. Гостиная – странная смесь спортзала, школьного места и игрового уголка: упомянутая Йонашем «шведская стенка», гантели, парта и стеллаж с учебниками, телевизор и игровая приставка.

– Наша с папой спальня там, – махнул рукой в сторону закрытой двери Йонаш. – Мохито – тут. А на кухню вот сюда, по коридору.

Наконец-то Ханне удалось избавиться от кастрюли – она водрузила ее на стол, и заверила Мохито, что возвращать посуду срочно не нужно. Ни кастрюлю, ни контейнер из-под овощей. Когда-нибудь, в спокойные дни.

Шольта сгрузили на коврик в гостиной, но он немедленно приковылял на кухню, уселся возле плиты и вытаращился на Ханну блестящими карими глазами. Захотелось поежиться, но Ханна отогнала нахлынувшую неловкость, и сказала:

– Вы мне обещали помочь. В случае чего.

– Ну? – Мохито насупился, явно ожидая какого-то подвоха.

Ханна быстро и связно изложила претензии к неким дядям Георгу, Веславу и Казимиру, и попросила Мохито провести с ними воспитательную беседу. Убедить вышеозначенных господ, что кофе на крыше желательнее пить без бинокля. А если с биноклем, то смотреть в другую сторону, а не на ее балкон. Иначе дневник природоведения будет безнадежно испорчен и у Йонаша в школе возникнет очередная проблема.

Мохито хохотал так, что Ханна чуть не оглохла. Шольт скалился, повизгивал и громко стучал хвостом по полу – то ли одобрял забавы вышеупомянутых господ, то ли предвкушал потеху. Дождавшись, пока бурное веселье утихнет, Ханна откланялась.

– Я завтра выходной, – провожая ее к двери, пробурчал Мохито. – Отдохнете, мы не будем вас беспокоить. Только Полина с заявлением заглянет, подпишете. А послезавтра я уже отвезу Йошу к автобусу и оставлю Шольта на ваше попечение.

– Договорились, – кивнула Ханна. – Я завтра съезжу к родителям и на прогулку в лес, а послезавтра с утра буду в полном вашем распоряжении.

– Липу не забудьте сфотографировать, – напутствовал ее Йонаш.

– Постараюсь.

Выходной опять прошел не так, как хотелось бы. Ханна забрала машину из родительского гаража – пусть будет под

рукой, а то стоит, ржавеет, неровен час превратится в ведро с болтами. Выслушала поток беспокойства, замаскированный нотациями: «тебе нужно больше отдыхать», «когда ты в последний раз обращалась?». Она не рассказала родителям ни об опекунстве, ни о Шольте, ковыляющем на трех лапах. Побоялась, что они подумают – нашла, мол, себе альфу. Покалеченного, с довеском, избивавшего беременную супругу, отмеченного проклятьем Хлебодарной. Тогда небо с овчинку покажется, от нравоучений будет не продохнуть.

Она уехала в обед, решив прокатиться до знакомой полянки неподалеку от загородного дома, ныне принадлежавшего бывшему мужу. Уютное местечко в паре километров от трассы, засыпанная гравием проселочная дорога, площадка для парковки и редкий лес с клиньями полей. Они часто приезжали сюда с Витольдом – превратиться, размять лапы, погонять лягушек на берегу оросительного канала, вдали от соседских глаз. Ханна помнила, что место известно им двоим, но не ожидала встретить на площадке знакомую машину. Сюрприз был неприятным, пришлось разворачиваться и уезжать, а еще за кустами мелькнул белый силуэт – наверное, избранница Витольда порадовалась, наблюдая поспешное бегство бывшей законной супруги.

Искать другое место и превращаться расхотелось. Ханна вернулась в город, прогулялась по магазинам, выпила чашку чая на набережной, созерцая реку. Закат был некрасивым, облака закрыли солнце сизой пеленой – даже природа при-

ложила все усилия и испортила свободный вечер.

Утром Ханна поднялась по будильнику, сфотографировала липу, часок побездельничала – готовить и наводить порядок для Шольта не хотелось – и спустилась в кафетерий. Объект заботы уже возлежал на лавке, зорко наблюдая за завтраками сослуживцев. Мохито нашелся тут же, за столиком, с молочным коктейлем и тарелкой сладких пирожков.

– Я пакет с банками повару оставил, – показал на стойку он. – Вы это... не напрягайтесь. Если он совсем есть не захочет – не заставляйте. Поголодает денек, ничего с ним не сделается. А Йонашу мы не скажем.

– Почему он от еды отказывается? – спросила Ханна. – Он же выздоравливает. Аппетит должен быть о-го-го какой.

– Детское питание невкусное, – простодушно объяснил Мохито. – Несоленое, несладкое. А я ничего диетическое готовить не умею. Суп вчера сварил, суп он тоже не ест.

– Ясно, – Ханна взглянула на понурившегося Шольта и вспомнила, что Йонаш тоже отказывался от супов Мохито.

Когда спецназовцы ушли из кафетерия, она тихо спросила:

– Омлет тебе можно?

Волк закивал и облизнулся.

– Добавить сыр?

Шольт завилял хвостом и облизнул Ханне ухо.

– Фу, брысь! Лежи тихо, я дома приготовлю, чуть-чуть остужу и сюда принесу.

Омлет из пяти яиц Шольт стрескал за три минуты, вылил миску, сыто рыгнул и попытался снова облобызать Ханну.

– Фу, брысь, отстань, а то из банок кормить начну! Порычи, если выйти надо будет, мы тебя во двор отнесем. Ёжи со Снежкой нет, они на ведре спозаранку куда-то умотали, придется полицию или МЧС напрягать.

Шольт сполз на пол и продемонстрировал, что он может ходить сам.

– Ладно, – согласилась Ханна. – Порычишь, дверь тебе откроют. А в квартиру уже занесем, лестницу ты не одолеешь.

В одиннадцать утра явился пожарный инспектор, которого не устроило состояние сигнализации. Пришлось вызывать сотрудников установочной фирмы, ругаться, следить за дополнительными работами. К обеду Ханна вспомнила о Шольте – тот лежал тихо, не привлекая к себе внимания – и спросила:

– Жидкую кашу будешь? Я могу курицу и крупу с овощами в мультиварке разварить, а потом взбить в блендере. Получится то ли каша, то ли густой суп.

Шольт долго облизывался, картинно вывесил язык и испачкал пол слюнями.

– Я сейчас поставлю, а через часок пойдем обедать, – пообещала Ханна. – Манку?

Волк артистично изобразил тошноту.

– Ах, да... Рис?

На рис Шольт согласился.

Ханна быстро накрошила в мультиварку морковку и куриную грудку, насыпала немного риса, посолила и залила водой. Жарить лук было откровенно неохота. Диета – значит диета. Обойдется Шольт.

Ко времени обеда выяснилось, что хуторская мудрость отлично работает в городе. Бабушка Ханны любила повторять: «Сытый альфа – послушный альфа». Шольт был послушным даже в ожидании еды: искательно заглядывал в глаза, когда выпадала возможность, лобызал Ханне то шею, то ухо, щека и пропитывая своим запахом. Злиться на дружелюбного волка не получалось – он так забавно ухмылялся и громко стучал хвостом по полу, что Ханна перестала орать и отбиваться. Да и запах уже не так сильно раздражал.

Тарелку с остывшей едой она поставила на пол в кухне, сказала:

– Только ешь медленно, не торопись. Там еще полпорции добавки. А вечером что-нибудь сообразим.

Шольт воспользовался тем, что Ханна сидела на корточках, положил переднюю лапу ей на плечо, навалился, облюндовал волосы.

– Фу, брысь, пакость! Отстань, слышишь – телефон.

Звонил новый повар. Сообщил быстро, одновременно принимая заказ:

– К вам пришли. Спуститесь в кафетерий, пожалуйста.

– Кто там?

– Какой-то журналист.

– Сейчас, – ответила удивленная Ханна.

Шольт насторожил уши – подслушал, заинтересовался.

– Ешь, – велела Ханна. – Схожу, узнаю, что там такое. Вернусь – расскажу.

Глава 23. Нарушение неприкосновенности жилища

Журналист оказался странным. Представился неразборчиво, начал расспрашивать Ханну о доме. «Знаете ли вы историю особняка? Искали ли какие-нибудь документы в городских архивах?»

– Нет, не искала. Зачем мне это? – пожалала плечами Ханна. – Дом не памятник архитектуры, я не собираюсь делать масштабную перепланировку.

– Здесь была первая кондитерская, открывшаяся в городе.

В слова журналиста вплелся далекий вой. Ханна волчьей перекличку понимала, сигнал: «Враг!» опознала сразу. Она вскочила, роняя стул – судя по всему, выл Шольт в ее квартире – но пройти к задней двери не успела. Первыми отреагировали трое спецназовцев, бросившие пирожки, и помчавшиеся во внутренний двор, едва не стоптав повариху. За ними побежали полицейские. Ханна попала к дверям своей квартиры самой последней, заглянула из-за спины Анджея и увидела, что Шольт прижимает к полу распластанное тело – то ли человека, то ли оборотня в двуногой форме. Судя по обуви, даму – Ханна разглядела изящный замшевый ботинок. По кухне было рассыпано крашеное пшено, возле стола валялись поминальные ленты, вывалившиеся из разо-

рванного пакета.

– Сто тридцать девятая, – сказал Анджей. – Нарушение неприкосновенности жилища. Пиши заявление.

– Что? – переспросила Ханна, пытаясь рассмотреть, невеста или не невеста Витольда валяется на полу.

– Что – «что»? Статья сто тридцать девятая. Незаконное проникновение в жилище, совершенное против воли проживающего в нем лица. Наказывается штрафом либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до трех месяцев. Заявление пиши.

– Она своими ключами открыла, – опускаясь на пол, проговорила Ханна. – Я же, дура, ни замки не меняла, ни код на калитке.

– Поменяешь, – вздохнул Анджей. – Борис сразу поменял. Надо будет тебе дубликат ключей отдать.

– А если бы тут был Йонаш? – Ханну пробила дрожь – мелкая, леденящая, отнявшая чувствительность пальцев и заставившая стучать зубами.

– Не тронула бы она Йошу, – поморщился Анджей. – Она не идиотка, чтобы ребенка тронуть. Она тебе нагадить хотела – видишь, что с собой притащила. Пойдем вниз. Найдем ручку, бумагу. Поговоришь с дознавателем.

Это совершенно точно была любовница Витольда – теперь, когда рычащий Шольт отодвинулся, а на запястьях защелкнулись наручники, сомнений не осталось. Ханна не

могла оторваться от пшена и лент. Сидела на полу в прихожей, стучала зубами, залипала и залипала взглядом, а потом увидела перевернутую тарелку, лужу супа и спохватилась:

– Шольт не поел! Я ему положила суп-пюре, а он... вот. Там еще полпорции, в кастрюле. Можно будет забрать?

Анджей погладил ее по плечу и мягко сказал:

– Сейчас всё сделаем. Ты выпьешь успокоительное... эй, кто-нибудь, нашего врача позовите, у барышни шок. Возьмем другую тарелку, возьмем суп и покормим твоего Шольта в кафе. Пойдем?

– Да, – согласилась Ханна. – Нет. А Шольт?

Мир странно закружился, пшено и ленты плыли перед глазами.

– И Шольт пойдет. Куда же без него?

– А вдруг сейчас что-нибудь взорвется? – спохватилась Ханна. – В прошлый раз...

– Ничего не взорвется, – твердо сказал какой-то незнакомый оборотень и сунул ей в руку стаканчик с остро пахнущей жидкостью. – Выпейте. Мы проследим, чтобы больше ничего не случилось. Пейте, пейте. Сейчас пойдем вниз, вам уже сделали крепкий сладкий чай.

– Мне плохо, – призналась Ханна, откашливаясь от противного лекарства. – И страшно.

– Обычная реакция гражданского лица на вторжение в дом.

Кто-то накинул Ханне на плечи знакомый плед, пахнущий

ВОЛКОМ.

– Шольт?

– Несут, несут твоего Шольта, – проворчал Анджей. – И кастрюлю несут.

Ханна чуть успокоилась внизу, в кафетерии. Шольт отказался от еды, забрался под плед, привалился к боку, царапая корсетом и согревая одновременно. Сквозь окно было видно журналиста – тоже в наручниках – и трех полицейских.

– Журналист?..

– Сговор хрен докажешь, – Анджей уселся рядом со стаканчиком кофе в руках. – Успокойся. Все целы, даже убытков нет. Йоша потом страдать будет, что такой классный цирк пропустил. Ёжи со Снежкой тоже локти искусают – потеха мимо просвистела. Только Шольт молодец. Вляпался в самую гущу событий. Зашел пожрать и задержал преступника. Навыки не пропьешь. Да, офицер?

Шольт фыркнул и поставил уши домиком, высовывая длинную морду из-под пледа. В кафетерий вошел полковник Деметриуш и весело предложил:

– А давайте этой белобрысой триста восемнадцатую впаьем?

– Нет, – помотал головой Анджей. – Шольт был без жетона.

– Можно попроще, для гражданских лиц? – отхлебнула чай Ханна. – Я вас не понимаю.

Шольт мелко захихикал. Деметриуш сходил к стойке, взял

газету, свернул трубочкой и хлопнул его по носу.

– Попроще так попроще, – согласился Анджей. – Триста восемнадцатая статья Уголовного кодекса предусматривает ответственность за применение насилия в отношении представителя власти. Но это обвинение отведет любой адвокат. Шольт был не в форме и без опознавательного жетона. Если нападение на сотрудника полиции происходит во время его отдыха и не связано с его профессиональной деятельностью, то деяние не может квалифицироваться, как «насильственные действия в отношении полицейского». Понятно?

– Понятно, – Ханна залпом выпила полстакана теплого чая и повернулась к открывающейся двери. – О! Это ты, Витольд.

– Камулом и Хлебодарной заклинаю: не пиши заявление, – не поздоровавшись, выпалил бывший муж. – Клянусь, мы уедем. У меня в столице уже квартира куплена, филиал фирмы открыт. Ты нас больше не увидишь. Не порть ей жизнь, не подавай заявление. Чем захочешь отплачу. Назови цену.

– Не напирай, – Ханна допила остатки чая. – Ты как бульдозер.

– Я тебя умоляю, – Витольд понизил голос и предложил. – Хочешь, на колени встану?

Шольт громко рыгнул. Ханна расхохоталась и попросила: – Вит, давай обойдемся без мелодрамы. Ты объясни, чего она на меня так взъелась? Если есть причина, я постараюсь

понять. Если она ненормальная – пусть ее полиция на освидетельствование отправляет. Психов лечить надо.

– Хорошо, – кивнул Витольд. – Я попробую объяснить.

– Может быть, сразу под протокол? – предложил Анджей.

– Давайте так послушаем, – попросила Ханна. – А протокол вы потом как-нибудь сами, без меня.

– Ты знаешь, я деловой человек, – начал Витольд. – Деньги на ветер выбрасывать не люблю.

Ханна припомнила, как адвокаты с боем вытаскивали на свет божий утаенную недвижимость, и молча согласилась.

– Этот дом когда-то принадлежал семье Магды. Ее дед открывал тут первую кондитерскую в городе. И прогорел. Потом, постепенно, распродал квартиры. Оставил своему сыну, отцу Магды, только одну. И та в результате ушла из семьи – отец Магды развелся с первой женой, продал квартиру и на эти деньги купил две крохотные «панельки», обеспечивая жильё ребенку. Кварту. Его первая жена была висицей.

– А можно ближе к делу? – кашлянул Анджей.

– Я и так близко! – ошетинился Витольд. – Магда всегда хотела выкупить этот дом. Вернуть семейную собственность. Жить в одной из квартир, держать кофейню, в которой будут собираться культурные люди и оборотни: художники, писатели и поэты. Когда мы познакомились, дом был выставлен на продажу. Я узнал об этом от Магды, рассказавшей мне семейную историю и поделившейся своими мечтами. Да, она намекала, что ей был бы приятен такой подарок. Но я не «па-

пик», из которого можно выжать особнячок, махнув белым хвостом. Дом я купил – цена оказалась приемлемой – а Магде об этом не сообщил. Сказал, что сделка не состоялась. Со- врал – знаю покупателя, могу договориться о съеме кварти- ры и первого этажа под кофейню. Когда бизнес начал прого- рать, я поставил Магде условие: или она берется за ум и ве- дет дело, чтобы получать доход, или я перестаю давать день- ги на аренду и дополнительные расходы, потому что хозяин поднял плату. Она попыталась... но тут случился развод.

– И выплыл тот факт, что дом принадлежал тебе? – спро- сила Ханна.

– Нет, – Витольд ответил без запинки, не краснея. – Я ска- зал, что дом с самого начала принадлежал тебе. Что его ку- пила ты и поэтому сначала брала с меня невысокую плату за аренду.

– То есть?.. – Ханна с трудом укладывала в уме кубики чужой лжи. – То есть, она думала, что моими стараниями у нее прогорел бизнес?

– И это... – у Витольда забегали глаза. – И то, что ты ви- сица – она не любит первую семью отца, считает, что они от- жали квартиру. Ну и... я немножко подложил язык, поста- вил тебя в пример. Сказал, что ты правильно ведешь дело и получаешь прибыль. Посоветовал ей учиться.

– Ты говнюк, – вынесла вердикт Ханна. – У тебя это и раньше прорывалось по мелочи. Но чтоб так по-крупному... прямо камень с души снял, я теперь безмерно рада, что мы

развелись.

Лица полицейских были непроницаемы. Шольт смотрел на Витольда и гадко ухмылялся.

– Я не буду подавать заявление.

– Я тебе отплачу! – вскочил Витольд. – Знаю, деньгами не возьмешь, но у меня есть льготный контракт на рекламу. Реклама бизнесу лишней не бывает.

– Ничего не надо. Сделай так, чтобы я больше никогда не видела ни тебя, ни Магду. И приветы не передавайте ни в каком виде.

– Клянусь! – прижал руки к груди Витольд. – Нас ждет столица. Мы уедем отсюда навсегда.

Глава 24. Пирожок – друг оборотня

Позже, попивая чай, Деметриуш и Анджей наперегонки гадали – или восстанавливали картину прошлого – под одобрительное твяканье Шольта.

– Дом купил, потому что решил – хороший крючок. Можно было бы блондинку подогреть, если она остывать начнет.

– А если бы адвокаты сделку не раскопали, получился бы отличный свадебный подарок. Ах-ах, милая, исполнил твою мечту!

– Ну да. А когда не вышло – вот она, гадина, которая разрушила и опошшила пирожками с печенкой кофейню твоего сердца.

– Интересно, ему нормально было рассказывать, что он квартиру для перепиха у своей законной жены снимает?

– Это уже позже выплыло. Вначале-то протирал про друга или партнера по бизнесу.

Анджей отвлекся на звонок, послушал. Поднял бровь, сообщил Ханне:

– Оно и к лучшему, что ты заявление не писала. Блондинка беременная. Экспресс-тесты сделали, у нее гормональный шторм: сначала даже подумали – наркоманка. А нет... Дело бы на три года затянулось. Адвокатам это лафа – беременную за такую мелочь не посадишь. Зато теперь блондинка узнает правду. Дознаватель ей случайно расскажет все детали. Я по-

забочусь. Думаю, Витольду еще долго будет небо с овчинку казаться. Блондинка сообразительная, она сначала у него на шее посидит, пока ребенок маленький, а потом хорошенько разует. На два таких особняка хватит и три кофейни.

– Хлебодарная ей в помощь, – отмахнулась Ханна. – Главное, чтобы ко мне с просьбой продать дом не приходила.

Вдоволь почесав языки, полицейские собрались на выход, напомнив Ханне, что она должна вкусно покормить Шольта.

– Он заслужил. Молодец!

Ханна посмотрела на довольную волчью морду и сгоряча пообещала, что будет баловать Шольта обедами и ужинами целую неделю. Потом спохватилась, но было уже поздно – Деметриуш от двери поблагодарил ее за помощь в реабилитации пострадавшего при теракте сотрудника и посулил грамоту. Ханна подумала, что такими темпами у нее вся гостиная грамотами украсится, и попросила:

– Только пришлите кого-нибудь его наверх отнести. Мне в квартире убрать надо, прежде чем готовить. Там и ленты, и пшено, и суп на полу.

– Хочешь, уборщицу из управления напругу? – предложил Анджей.

– Не надо, – отказалась Ханна. – Я сама.

Шольта отнесли наверх сотрудники МЧС. Бардак в квартире был знатный: на полу, кроме ожидаемого мусора, валялась разбитая пиала, ложки и вилки, раскисшие бумажные салфетки. Ханна сгребла месиво в мусорные мешки и спро-

сила:

– Картошку с печенкой? Пюре, протертая печенка? Пойдет такой ужин или невкусно?

Шольт заахал, словно не мог понять – «как это – невкусно?» – фырча, обслюнявил Ханне ухо, и, после просьбы, ушел на «свой» диван в гостиную, чтобы не путаться под ногами. Вечер прошел в уборке – Ханна трижды пропылесосила кухню, чтобы убедиться в отсутствии крашеного пшена – неспешной готовке и телефонных разговорах. Родители были возмущены. И вторжением белобрысой Магды, и поступками Витольда – «кто бы мог подумать, что он такой лгун!» Матушка начала задавать вопросы, услышав, что Магду задержал находившийся в квартире Ханны офицер – «кто такой, почему обедает у тебя в доме, а мы ничего не знаем?» Пришлось выкручиваться, рассказывая об участии в программе реабилитации пострадавших сотрудников спецназа. Обещанная грамота от полковника Деметриуша родителей впечатлила, и они передали Шольту благодарности и пожелания скорейшего выздоровления. Получатель, объевшийся пюре с протертой печенкой, с трудом сдерживал икоту и вежливо кивал – подслушивал весь разговор от слова до слова.

К ночи явились Ёжи со Снежкой. Помогли вынести Шольта во двор прогуляться, долго охали-ахали, выпытывали подробности происшествия, порицали и Магду, и Витольда. После очередного обсуждения на Ханну напала непреодоли-

мая зевота – навалилась усталость после трудного дня.

– Шольт у вас ночевать будет? – спросил Ёжи.

Ханна задумалась. Вообще-то, у Шольта есть своя квартира, и доковыляет он без труда – всего-то надо перейти через дорогу. Но помогут ли ему подняться на третий этаж? Мохито говорил, что лифта нет. Идти вместе, просить кого-то об одолжении? А завтра беспокоиться, спустится ли по лестнице покалеченный волк?

– Можно и у меня, диван все равно уже выкидывать, – пожалала плечами Ханна. – Или пойдешь домой?

Вопрос был обращен к Шольту. Волк удовлетворенно икнул и побрел к подъезду, всем своим видом демонстрируя, что готов переночевать здесь.

– Так проще будет.

– Да, – согласился Ёжи.

Никаких хлопот Шольт не доставил – в ванную за Ханной не лез, улегся на свой диван и довольно быстро заснул. Правда, утром почему-то обнаружился в кровати, под боком. Скандала не вышло только потому, что Ханна сама была хороша – обнимала волка, как плюшевую игрушку, даже хвост коленом придавила.

После фотографирования липы и завтрака омлетом пошли в кафетерий. Шольт приноровился спускаться по лестнице, пару раз оступился, но не упал. В кафетерии началась череда сюрпризов. Сначала Ханне вручили повестку в суд – на заседание по делу о брошенном взрывпакете. Сле-

дом, практически без перерыва, к веранде подъехал микроавтобус с надписями «Наружная реклама», «Оформление витрин, декорирование входов, ростовые фигуры». Молодые люди в спецодежде споро выгрузили из фургончика пластмассового официанта в белом халате и поварском колпаке, державшего в руках черный поднос.

– Что это?

Оказалось – обещанный подарок Витольда. Ростовая фигура, две выноски и нарезанные слоганы, которые сотрудники рекламного агентства намеревались наклеить на окна и стены.

– Пирожок – друг оборотня? – удивилась Ханна. – А почему именно пирожок? Не пончик, не заварное пирожное?

– С пончиками у оборотней любовь с первого взгляда, – важно пояснил сотрудник агентства. – А пирожки – настоящие друзья.

Ханну поразило то, что рекламное недоразумение дружно одобрили все: и Анджей, и полковник Деметриуш, и Ёжи со Снежкой, и даже глава городских огнеборцев.

– Красиво стало! – сообщила Снежка, глядя на ярко-алые буквы и гигантское блюдо с пирожками. – Раньше чего-то не хватало, а теперь в самый раз.

Мнение Снежки разделили не все. Но не так, как хотелось бы Ханне. Огнеборцы сочли, что официанту не хватает противогаса, спецназовцы принесли потрепанный бронежилет, а на поднос кто-то поставил автомобильный огнетушитель.

Анджей, пришедший пообедать, выслушал жалобы, снисходительно похлопал Ханну по запястью и заверил:

– Зато у тебя теперь проблем с пожарной инспекцией не будет.

К пятичасовому чаю, когда Шольт переваривал вторую порцию супа-пюре из цветной капусты с говядиной, в кафетерий прибыл довольный Йоша. Мельница Алекса заняла третье место, проиграв самолету и мини-роботу, учителя и директор школы были в восторге, а Мохито, общавшийся с Йонашем смс-ками, уже пообещал купить красивую рамочку для почетной грамоты. Официант в противогазе Йонашу очень понравился.

– Пап, смотри, у него поднос большой, а огнетушитель маленький! Можно я те муляжи гранат принесу и положу, чтобы красиво было?

Шольт кивнул. Йонаш бросил рюкзак и умчался за гранатами. Ханна обреченно прикрыла глаза. Не хотелось даже думать, что скажут родители, если увидят эту рекламу. И – упаси Хлебодарная! – если матушка узнает, что муляжи гранат принес ребенок. Тогда вообще головы не сносишь.

Мохито приехал к закрытию кафетерия. Принес рамочку, похвалил Йонаша. Удивленно принял приглашение на ужин во дворе.

– Пюре приготовила много, – объяснила Ханна. – Шольту печенку протерла. Он, похоже, печенку любит – вчера ел, и сегодня согласился. Вам – ломтями, если будете. Изысков не

обещаю. Могу банку консервированных помидоров открыть.

– Я огурцы принесу, у нас огурцы есть! – радостно прокричал Йонаш и в очередной раз умчался через дорогу.

За ужином Мохито неожиданно предложил:

– А давайте завтра в лес махнем? Превратимся, побегаем вволю. Я с этой работой уже звереть начал, скоро только рычать буду, слова застревают.

– Я могу отпроситься, – запрыгал Йоша. – Меня отпустят, после такой грамоты еще неделю отпрашиваться можно. Тетя Ханна, вы с нами?

Ханна вспомнила неудачную поездку к знакомой полянке, белобрысую пакостницу, рекламу... и сказала:

– Да.

Сейчас откажешься, сама точно не поедешь, отложишь до выходных. А потом что-нибудь стряется, а потом холодно-дождь-снег... никаких отговорок. Есть компания – надо ехать.

Глава 25. Прогулка

Сомнения разобрали перед сном, когда она меняла постельное белье, пропахшее волком-Шольтом. Мохито. Медведь, пугающий и Ханну, и висицу – не лучшая компания для лесных прогулок.

«Там будет Йонаш. И Шольт, – успокоила себя она. – Если волчонок не боится гролара, висица как-нибудь одно гуляние перетерпит».

Постельное белье отправилось в корзину, но это мало помогло делу – запах волка поселился в квартире, прятался в углах, за мебелью, витал над кухонной утварью. Это не вызвало прежнего раздражения, и Ханна подумала, что настоящие проблемы начнутся, когда Шольт встанет на ноги – именно на ноги, а не на лапы. Надеяться, что «тут вспомнит, здесь не очень» – нельзя. Сразу что-то не вспомнит, зато потом, при зацепке, водопадом хлынет. Пора ограничить общение. Обеды, ужины – да. Можно приносить еду в кафетерий. А в дом, и уж тем более в кровать – не пускать. Иначе потом начнутся обсуждения на крыше с биноклем – всякие дяди Казимиры будут охотно слушать рассказы, что к ней легко пробраться в постель. Нет, нет и нет! Никаких вольностей.

Висица подала голос. Фыркнула.

«Смешно?» – спросила Ханна.

Висица еще раз фыркнула и замолкла.

Утром Ханна испугалась официанта в противогазе. Спустилась вниз, чтобы взять пирожков в окошке на завтрак – лень было готовить – увидела шлем-маску и фильтрующую коробку и едва не лишилась аппетита. Ни гранаты, ни огнетушитель за ночь никто не украл, только горсть стреляных гильз на подносе добавилась. Ханна купила пакет сладких «друзей оборотня», наотрез отказавшись от печенки, и пошла домой, размышляя о тщетности бытия.

Выехали двумя машинами, чуточку задержавшись против запланированного – Ханна забыла сфотографировать липу, пришлось возвращаться. Мохито погрузил Шольта и Йонаша в здоровенный внедорожник, буркнул, что покажет дорогу. Ханна следовала за ним, слушая радио. Съехали с трассы, миновали охранную зону газопровода, покружили по грунтовке между озер и остановились на опушке дубового леса. Деревья, омытые солнцем, роняли листья, словно капли расплавленного золота. Оголяющиеся ветви чернели на фоне ярко-синего неба, приправленного редкими барашками облаков.

Йонаш выскочил на лиственный ковер, сдирая легкую ветровку. Забросил ее на переднее сиденье, начал раздеваться. Ханна отступила за свою машину, открыла багажник, чтобы сложить вещи. Она не следила ни за Мохито, ни за Шольтом – лес манил, хвостатая половинка рвалась на свободу, повизгивая от предвкушения.

Висица умолкла, когда почувствовала палые листья и желуди под лапами. Кувыркнулась, впитывая шкурой лесной запах, и тут же вскочила, готовая к обороне. Мохито вышел из-за внедорожника, пугая легкостью движений, смертоносностью огромной туши, укрытой бурой шерстью. Висица зарычала и тут же осеклась. Шкодливый волчонок выкатился медведю под лапу, не пугаясь кинжальных когтей. Куснул, был пойман зубами за шкуру, повис, виляя хвостом и тревожа лес веселым визгом. Медведь, сопя, понес волчонка к озеру. Трещали ветки боярышника, падали переспелые алые ягоды, возмущенно свиристели перепуганные птицы. Висица сделала пару шагов и встретилась взглядом с волком в лубке. Шольт знакомо ухмылялся – как в кафетерии, во время рассказа Витольда.

Первая мысль – «прыгнуть, как следует оттрепать за то, что испоганил диван» – рассеялась после волны лекарственного запаха. В двуногой форме Ханна этого уже не замечала, а висица сразу почуяла и отказалась от ссоры.

Шольт выждал. Подошел ближе, сунулся длинным носом, обнюхивая морду висицы, ероша шерсть на ушах. Та недовольно рыкнула: «Нахал!»

Волк отступил, склонил голову, поздоровался, заурчал, выражая восхищение красотой. Висица распушила хвост, потопталась по листве и подобрела.

Они бродили вокруг машин, пока волк не позвал горловым переливом: «Пойдем. Вода. Рыба. Охота».

Охота? Висица заинтересовалась, согласилась и не прогадала. Мохито уже улегся на мостки, уходящие в камыши, замер в ожидании добычи. Волчонок сидел на склоне, таранился на озерную гладь. Рыбу ждали недолго: гролар стремительно поднялся, доски жалобно затрещали, лапа опустилась в воду и вытащила огромного карпа, насаженного на когти. Висица позавидовала до восхищенного скулежа – сама она такой номер повторить не могла. Карп отправился на листу, Мохито – обратно на мостки. Йонаш затеял войну с пойманной добычей – карп прыгал, пытаясь вернуться в воду. А волк толкнул висицу носом в бок, предложил: «Прогуляемся?»

Они ушли прочь от озера, по грунтовой колее, раскатанной лесовозами. Оставили клочья шерсти в зарослях ежевики, перешли поле, углубились в очередной кусок леса. Висица брела не торопясь, наслаждаясь прогулкой. Подстраивалась под Шольта, соглашалась смотреть на лес его взглядом. Они нашли кучу разнообразных грибов: маленьких красных, круглых белых и пять семеек желто-коричневых. Волк круглый белый гриб съел, а висица отказалась наотрез, несмотря на уговоры.

«Сырые! Фу!» – сказала волку она.

Тот усмехнулся и облизнулся.

На одной из полянок проживала колония полевок, и звери устроили себе охоту получше рыбалки – висица загоняла перепуганных мышей волку в пасть, а тот слегка придуши-

вал добычу, а потом милостиво отпускал на свободу. На обратном пути им встретилось дерево черного боярышника с переспелыми, но сладкими плодами. Ели осторожно, опасаясь расцарапать носы колючками, все-таки расцарапались и долго вылизывали друг друга, останавливая кровь.

Вернувшись к озеру, висица вдоволь набегалась с волчонком, потом копалась в листве, перебирая желуди – эти свежие, а эти не очень. Время промелькнуло незаметно, бурчание медведя: «Собираемся?» сначала вызвало сопротивление. А потом Ханна глянула на часы и удивилась – дело-то к вечеру!

Домой доехали быстро – въезд в город был свободен, пробки только на дороге из города. Как и всегда после таких прогулок, сильно раздражали выхлопные газы, запах бензина. Ханна недовольно чихала, висица ворчала, желая вернуться в лес. Прощались возле ворот. Мохито попытался подарить Ханне карпа. Без обиды – а, может быть, и с облегчением – принял отказ. Йонаш помахал, не выходя из машины. Шольта Ханна не увидела, только бок на заднем сиденье. Скорее всего, уставший волк крепко спал.

Ночью Ханну посетили легкие и приятные сны – впервые за много времени. Шуршащая под лапами листва сменилась белым полотном снега. Волк, бежавший с ней бок о бок, был здоров. Они мчались наперегонки, соревнуясь, кто быстрее загонит зайца. Волк выигрывал, но это не злило – висица радовалась, что тот не хромает и крепко стоит на лапах.

Наутро выяснилось, что Ханна забыла про повестку в суд. Хорошо, что из канцелярии позвонили. День был потрачен зря. Заседание длилось шесть часов, обвиняемые откровенно врали, что кинули взрывпакет, своеобразно ухаживая за незамужней вислицей. Доказать, что это именно они купили и прибили поминальные ленты, не удалось. В итоге оба наемника получили по шесть месяцев исправительных работ и внушительный штраф. Ханну это не порадовало, но и не огорчило. Ей было все равно – история осталась в прошлом. Как будто в другой жизни.

Домой она вернулась, мечтая о кофе. Купила в кафетерии, не успела пригубить, увидела чем-то расстроенного Йонаша, и, конечно же, спросила:

– Что случилось? Контурную карту не приняли? Или раскраску по ботанике?

– Папу оставили в больнице, – уныло ответил тот.

– Ему хуже?

– Что-то с лапой. Наверное, повредил на прогулке. Его будут обращать, потому что двуногое тело проще контролировать. Врач сказал: «Волк свое дело сделал».

– Это же хорошо?.. – неуверенно проговорила Ханна. И тут же вспомнила о замедленной смене тела, о словах Анджея: «Обезболивающее не действует, я потом полгода обращаться боялся».

Царапнуло: «А если это из-за мышей? Шольт их так азартно ловил, оступался... не помню, хромал ли сильнее, когда

шли назад, к машинам». В этом память подводила – подсовывала расцарапанный нос, который висюца старательно полировала языком, теплое волчье фырканье, ответную ласку-услугу. Даже румянцем щеки припекло. Хорошо, что Йонаш ничего не заметил.

Ханна и выглядывала с балкона, и в кафетерии весь следующий день крутилась. Шольта не было. Болтливая и нюхливая Снежка, которую можно было бы заставить добыть информацию, опять куда-то смылась с Ёжи, на грохочущем ведре. Сама Ханна расспрашивать Анджея и Деметриуша стеснялась – не хотелось, чтобы те заподозрили ее в любовном интересе. Ни Йонаш, ни Мохито в кафетерий не заходили. И на улице не показывались.

Глава 26. Возвращение Шольта

Пропажа нашлась через день. Ханна фотографировала почти облетевшую липу, когда через КПП на улицу выбежал Мохито в шортах и толстовке. А за ним, явно не на пробежку, медленно вышел Шольт. Слова разлетелись по пустой улице:

– Беги, а я доползу, кофе возьму.

Ханна отступила в комнату, нашла планшет, включила трансляцию с камер наблюдения. Шольт уже добрался до окошка. Заказал два кофе – без сахара и с двойным – и порцию сладких пирожков для Мохито. Пластиковый корсет изменил форму: у волка он закрывал лапу и бок, у Шольта была закована только рука. Жестко закреплена в локте, подвешена на перевязь. Ханна отметила скованность движений, темные круги под глазами. Превращение под препаратами оставило печать: Шольт снова выглядел старше своих лет, но не из-за скрытой клокочущей ярости, а из-за усталости и пережитой боли. Ханна всмотрелась в его лицо – царапины на носу уже не было – задержалась взглядом на пальцах пришитой руки, торчавших из-под лубка, и выключила планшет. Шольт жив, относительно здоров. Может купить себе еду и подняться по лестнице. Больше не о чем беспокоиться.

Около десяти утра Ханна поняла, что не хочет спускаться в кафетерий, потому что Шольт наверняка высиживает за

столиком на веранде или в помещении, и купается в лучах внимания окружающих. Покопавшись в себе, Ханна выяснила, что чувства, которые она испытывает, сильно похожи на обиженную ревность во время развода с Витольдом. Беспомощную ревность, когда «твое» уже ускользнуло из рук навсегда, а привычка требует это немедленно вернуть. Неужели она так привязалась к Шольту-волку? Хлебодарная, вразуми, это надо срочно искоренять!

Ханна обошла дом, остановилась возле веранды, задумчиво разглядывая появившуюся на официанте каску – все прочие наносные детали, к сожалению, не пропали. И услышала разговор, сдобренный смехом. В голосе Шольта звучали горделивые нотки:

– Совсем большой, я и не понял, когда он так вырос. Вроде только вчера визг и пеленки, и вдруг просыпаюсь, а он: «Папа, я картошку пожарил. Садись, поешь». Я просто обалдел!

– Вкусная картошка?

Похоже, Анджей улыбался.

– Масла много было, но я слил. И посолил. Вкусно, да.

– Это еще не предел, – хмыкнул Деметриуш. – Доживешь до заявления: «Папа, ты скоро станешь дедушкой», вот тогда и поговорим.

Ханна отмерла, вошла на веранду – под взгляды счастливых отцов. Шольт развалился на стуле, излучая довольство. Коротко поздоровался, сдобрив приветствие кивком. Анджей с Деметриушем спросили ее, как прошел суд, вы-

слушали короткий ответ. Деметриуш повернулся к Шольту, спохватился:

– Ах, да. Я тебя обманул. У Анджея в архиве вакансия закрыта. Поговорю в МЧС, может быть, они тебя на пару месяцев в канцелярию возьмут.

– Меня все, кому не лень, обманывают, – вздохнул тот.

– Кто еще? – удивился Деметриуш. – Это моя прерогатива.

– Она! – Шольт не постеснялся, указал на Ханну здоровой рукой. – Обещала неделю кормить, грамоту у вас выманила, а сама только на следующий день дала пюре с печенкой, и все.

– Грамоту я еще не подписал, – нахмурился Деметриуш. – Ханна! Как же так? Слово надо держать. Офицер, рискуя жизнью...

Анджей громко кашлянул.

– Извиняюсь, перепутал. Наш сотрудник самоотверженно задержал преступника, невзирая на плачевное состояние своего здоровья, а вы ему две тарелки пюре зажали? В самом-то деле, нельзя так поступать.

– Это я извиняюсь, – с притворной кротостью проговорила Ханна. – Забыла. Непременно исправлюсь.

– Тогда я с чистым сердцем удаляюсь, – благодушно сообщил Деметриуш. – Шольт, веди себя прилично, а то получишь потом от меня с процентами. Ты остаешься?

– Нет, – Анджеей тоже встал. – Я в департамент, с отчетом.

– Я в ту сторону.

– Подбросишь?

– Подброшу.

Ханна проследила, как они уходят к стоянке, повернулась и спросила:

– Пюре, рис?

– Гречку, если можно, – вежливо попросил Шольт.

По молчаливому согласию трапезы происходили во внутреннем дворе. В первый раз Шольт съел две трети гарнира и бефстроганов, а оставшееся на тарелке скормил вернувшемуся из школы Йонашу. После этого Ханна начала готовить чуть больше – чтобы хватало и ребенку, и его отцу, который обрел нормальный аппетит выздоравливающего волка.

Они почти не разговаривали: уточнение меню, благодарность, редкое предложение помощи с грязной посудой или передача контейнера с излишком еды для Мохито. Шольт кутался в плед, подаренный волку, бродил в нем через улицу и КПП, вызывая у Ханны сложные чувства – обычно альфы таким образом демонстрировали миру подарки своей избранницы. Судя по всему, Шольт подобную двусмысленность не брал в голову, просто таскал на плечах первую попавшуюся тряпку, в которую удобно помещался лубок. Ни прикосновений, ни словесных заигрываний – ничего подобного.

Размеренное течение жизни взорвал вечер пятницы. Первый звонок прозвучал в обед, когда Йонаш сказал:

– Пап, сегодня собрание, ты помнишь?

– Да ну его, – поморщился Шольт. – Соври, что я на больничном, плохо себя чувствую, не могу. Потом скажут, сколько денег сдавать, и сдадим.

– Нет, – Йонаш посуровел. – Меня хвалить будут. Ты пойдешь. И оденься прилично. В костюме или парадную форму.

Шольт попытался отбрыкаться, но к разговору подключились Деметриуш и Мохито. Два удара газетой и медвежья нотация вынудили бестолкового отца пообещать, что к шести вечера он будет прилично одет и готов к визиту в школу. Йонаш вручил Ханне контурную карту по географии и умотал в продленку, заниматься в кружке «Умелые руки». Забытый рюкзак остался лежать возле стойки – Ханна нашла его, когда волчье семейство и сотоварищи исчезли из кафетерия. Вечер обещал быть беспечным: по случаю собрания ужин отменился, и Ханна могла отправляться хоть на прогулку, хоть в клуб знакомств.

Без пятнадцати минут шесть, когда схлынул поток посетителей и уличных машин, возле официанта с подносом остановилась пара оборотней. Ханна присмотрелась и вздрогнула. Это были ее родители, которых она настойчиво отговаривала от визита в кафетерий – лучше, мол, когда-нибудь потом. Когда дело окончательно наладится.

Родители рассматривали официанта с неподдельным изумлением. Ханна споткнулась на порожке, зацепившись каблуком, чуть не выбила стекло на двери, и выскочила на веранду с вопросом:

– Почему вы не позвонили?

– Ты хоть бы поздоровалась, – укорила матушка. – Как будто не рада нас видеть.

– Рада, – соврала Ханна. – Очень рада. Просто не понимаю, почему вы не предупредили.

– Ехали мимо, решили зайти.

Отец коснулся стреляных гильз, переворошил, тронул муляж гранаты. Матушка покачала головой и перевела взгляд на плакат «Пирожок – друг оборотня». Ханне захотелось провалиться сквозь землю. И тут произошел, если так можно выразиться, контрольный выстрел.

– Позвольте вас побеспокоить, – Шольт подпер родителей сзади. – Я пройду?

– Да, конечно, – родители расступились в разные стороны.

Ханна была вынуждена признать, что Шольт в белой рубашке с галстуком, даже при накинутом на плечи кителе, выглядит эффектно. Включившаяся подсветка-гирлянда одарила бликами медали, раскрасила лубок.

– Извините, пожалуйста, сын, случайно, рюкзак не у вас оставил?

– Возле стойки, – подтвердила Ханна. – Минуточку, я сейчас вынесу.

– Пап! Нашел?

Йонаш тоже был парадным. Темно-синий костюмчик, ослепительно-белая рубашка, узкий школьный галстук.

– Нашел.

Пока Ханна ходила за рюкзаком, родители каким-то образом догадались, что перед ними офицер, задержавший Магду – меньше надо было трепаться о программе реабилитации. Знакомство было церемонным и теплым одновременно: родители поблагодарили Шольта, расспросили об обстоятельствах ранения, поохали, похвалили Йонаша и пообещали ему пакет домашнего печенья. Того самого, из мясорубки, которое матушка не пожелала готовить вместе с Ханной. Шольт не остался в долгу, наговорил туманно-добрых слов, потом забрал рюкзак и отбыл на собрание вместе с Йонашем.

Ханна смотрела им вслед – Шольт шел легко, цокая подковками на парадных туфлях, дразня движениями крепких узких бедер, а Йонаш топал рядом, держась за его запястье. Родители что-то говорили, но фразы благополучно пролетели мимо ушей. Позже, во время чаепития в квартире, Ханна уяснила, что Шольт родителям понравился. В принципе, интересно было бы рассказать о покойной матери Йонаша и проклятии Хлебодарной, и послушать, оправдают они Шольта или нет. Но интерес был теоретическим, портить наладившийся вечер Ханна не собиралась, поэтому беседа свернула на обсуждение предстоящего юбилея двоюродного дяди и проблем с наследством, возникших у троюродной тети. В итоге Ханну все-таки заставили идти на юбилей – вот почему родители не предупредили о визите, понимали, что она ускользнет.

Глава 27. Поход в кино

– Поедем к нам? – предложила матушка. – Возьмешь с собой вещи, переночуешь, а потом все вместе отправимся в ресторан. Нужно отдыхать, менять обстановку. Ты ездила на природу, превращалась?

– Да, – честно ответила Ханна. – Ездила. На целый день, с компанией. Отлично погуляли.

Она убедила родителей, что приедет в ресторан, не опаздывая и не изобретая предлогов, чтобы игнорировать торжество.

– Не хочу везти платье на вешалке, подол обязательно помнется, придется снова утюжить. Если на мне помнется – тут уже ничего не поделаешь. Судьба. И еще я хотела полежать в ванне. Смотри, какая ароматизированная соль нашлась в запасах. Понюхай!

Матушка понюхала соль, покачала головой, пробормотала: «Баловство» и еще раз напомнила адрес ресторана и время прибытия. Ханна вызвала такси, проследила, как родители усаживаются в машину, и отправилась набирать ванну. Насыпать соль она забыла – размышляла о том, что Шольту идет парадная форма. Почему-то подумалось, как оторопели бы все дальние и близкие родственники, если бы она без предупреждения явилась на юбилей с таким кавалером. Ох, и шептались бы за спиной!..

Ханна едва не заснула в теплой воде – размечталась, разморило. Очнувшись, она потянулась к флаконам и тюбикам, занялась уходовыми процедурами, мысленно выбирая платье, в котором пойдет на юбилей. Не хотелось ничего откровенно-вечернего, но и костюм, сдобренный блузкой с рюшами, тоже не подходил. Искупавшись и укутавшись в мягкий махровый халат, Ханна еще раз перебрала развешанные на плечиках платья и остановилась на темно-вишневом – длинном, глухом спереди, с небольшим вырезом на спине и разрезом на юбке сзади.

«Платье, такси. Обратное тоже на такси. Черные туфли на шпильке подойдут. Отплясывать я там не буду».

Программу сборов в ресторан Ханна выполнила честно и пунктуально. Около двух часов дня, когда она красила ресницы, от пожарной части раздался вой сирен. Первое время Ханна вздрагивала, а потом привыкла – выезды у пожарных случались по нескольку раз в день, и это далеко не всегда были трагедии. И к горящим мусорным бакам выезжали, и тоже с сиренами – не в пробках же стоять.

В половине третьего, одевшись и надушившись, она вызвала такси. Сотовый телефон зазвонил, когда Ханна заперла дверь квартиры. Удивление – «неужели уже водитель, так быстро?» – рассеялось, когда она увидела высветившуюся на дисплее надпись «мама».

«Не может не проконтролировать. Еду я уже, еду!»

Обратный откат – от легкого раздражения к удивлению –

случился через минуту.

– Праздник отменяется, – сообщила матушка. – Ресторан сгорел.

– Как – сгорел?

– Как всё горит? Пламенем. Говорят, началось с кухни, сейчас уже всё здание пылает. Никто не пострадал, персонал успел эвакуироваться. Деньги дяде вернут, но торжество переносится на следующие выходные. А, может быть, вообще отменяется.

Ошеломленная Ханна спустилась к калитке, отказалась от поездки – водитель сообщил ей, что проезжал мимо того самого ресторана, ох и пылает! – и, цокая шпильками, направилась в кафетерий, чтобы выпить кофе и привести мысли в порядок. Всякое в ее жизни бывало, но в такой ситуации она оказалась в первый раз.

Йонаш вбежал на веранду, когда она поставила стаканчик с кофе на столик.

– О, тетя Ханна! – обрадовался он. – Вы мультфильмы любите? У нас билет в кино пропадает. Мохито час назад на вызов выдернули.

– Мультфильм? – переспросила Ханна.

Йонаш тут же вывалил ворох разнообразных сведений – мультфильм как фильм, полнометражный, про кругосветное путешествие кота Филимона, билеты были куплены заранее, и они собирались, но Мохито пришлось уехать, а дядя Казимир, встреченный по пути, идти в кино отказался, сказал,

что не любит мультфильмы.

– Вы пойдете?

– А папа?

– Папа тоже пойдет, – Йонаш посмотрел на нее с явным недоумением. – Папу не вызвали, он на больничном, у него рука в лубке.

– Я помню, – чувствуя себя дурой, проговорила Ханна. – Я имела в виду, не будет ли папа возражать, что я...

– Он мне сказал кого-нибудь позвать. Билет пропадает!

В итоге Ханна и волчье семейство – на этот раз одинаково джинсовое – отправилось в кинотеатр, до которого было пятнадцать минут ходу, на машине дольше по улицам кружить будешь.

– Йонаш вас ни от чего не отвлек? – спросил Шольт, когда они шли мимо пожарной части. – Если вы куда-то собирались, а он был чересчур настойчив...

– Я собиралась. На юбилей двоюродного дяди, – честно ответила Ханна. – Но ресторан сгорел.

– Какой?

– «Барсучье логово».

– Скорее всего, подожгли, – сказал Шольт, вынимая из кармана телефон. – Там бильярдная в пристройке, мы туда с облавами как на работу. Вечно у них ночные разборки. А ну-ка...

Он позвонил какому-то Максиму, долго слушал рассказ, потом сообщил Ханне:

– Точно, подожгли. Повезло, что вы за стол не сели, давка была бы приличная, да и дыма наглотались бы, пока выбежали.

Йонаш, умчавшийся вперед и вернувшийся, спросил:

– Где дым?

– Далеко, – отмахнулся Шольт.

Они дошли до кинотеатра – солидного здания с колоннами – потолкались в очереди и заняли свои места на балконе. Йонаш сел между Ханной и Шольтом, и это позволило сосредоточиться на экране. По пути в кинотеатр посещали разные и неожиданные мысли – Ханна думала, что Шольт заметно выше нее, даже когда она на каблуках, а она не самого маленького роста, и в джинсовой куртке он не такой красивый, как в парадной форме, но тоже хорош.

Мультфильм увлек. Ханна переживала за кота, которому пришлось отправиться в путешествие из-за спора с барсуком, переговаривалась с Йонашем и хлопала в ладоши, когда Филимон спасся после кораблекрушения. Выйдя из кинотеатра, они с Йонашем начали обсуждать мультфильм.

– Классно он по пустыне на велосипеде ехал!

– Да! И на оленьей упряжке по снегу. А паровоз какой красивый был!

– Очень! – согласился Йонаш и повернулся к Шольту. – Пап, а тебе паровоз понравился?

– Не видел, заснул, – ответил тот.

– Там же шумно было! – удивилась Ханна.

– Мне ничего не мешает, когда спать хочется, – ответил Шольт. – Мороженое будем?

Йонаш так громко завизжал: «Да!», что на них обернулись прохожие.

В кафе-мороженом волчье семейство отлично знали. Только у Ханны спросили, какие ей наполнители добавить в пломбир, Йонашу сразу выдали три разноцветных шарика, посыпанных тертым шоколадом и орехами, Шольту – белые с мятным сиропом и клубникой. Ханна выбрала пломбир с изюмом и грушевым сиропом, и попыталась оплатить свою порцию, но Шольт так на нее посмотрел, что она беспрекословно спрятала кошелек в сумочку.

После мороженого и чая они прогулялись по вечерним улицам, сделали крюк, не спеша к дому и части. Ханна дважды отдергивала ладонь – забывалась, хотела взять Шольта за локоть здоровой руки – после чего крепко ухватилась за ремешок сумочки, чтобы не допускать навязчивых вольностей.

Сюрприз случился возле Алтарного Парка. Шольт подождал Йонаша, они пошептались, и через пять минут Ханна стала обладательницей букета из мелких темно-вишневых хризантем – в тон к платью. Рядом с парком всегда стояли цветочницы, но Ханна не ожидала, что сияющий Йонаш вручит ей букет и скажет:

– Это вам от нас! Для хорошего настроения.

Настроение, и без этого бывшее хорошим, стало просто

замечательным. Ханна поблагодарила Йонаша, потом Шольта – тот отвернулся – и, улыбаясь и прижимая к себе букет, дошла до калитки. Там они попрощались – волчье семейство отправилось к КПП, а Ханна домой, чтобы поставить букет в вазу.

Глава 28. Каша с грибами

В воскресенье Ханна выпила утренний кофе в компании букета, а потом ответила на звонок матушки. Та пересказала ей вчерашние разговоры родственников – перезванивались весь вечер, обсуждали небывалое событие – и сплетни о пожаре. Кто-то сообщил дяде о существовании бильярдной и поздравил с тем, что возгорание случилось до того, как они сели за стол – как будто слова Шольта подслушали и процитировали. Следом поступило предложение испечь печенье – «раз уж не погуляли, давай поработаем?». Ханна согласилась и поехала к родителям, погладив букет перед выходом.

Она с удовольствием повозилась с тестом и мясорубкой, вынимала противни из духовки, откладывала самые красивые печенья в отдельную миску, для Йонаша. Разговоры за готовкой коснулись вчерашнего вечера – Ханна сообщила, что не скучала, была в кино с волчьим семейством.

– Ты увлеклась Шольтом? – поинтересовалась матушка. – Зря.

– Почему ты так решила? И почему «зря»?

– Волчонок, – ответила матушка. – Ты не сможешь всё время гладить его по шерстке. Одно дело ходить в кино, другое – жить семьей. А если появится общий ребенок, волчонок будет ревновать отца.

Ханна, ошестинившаяся, готовая напомнить матушке, что

та симпатизировала Шольту и сама предложила печенье Йоше, сникла и расхотела спорить. В сказанных словах была правда: не так давно, когда Шольт угодил в больницу, Полина назвала ее чужой. Контурные карты и фотографирование липы немного изменили ситуацию, но не настолько, чтобы она могла назвать себя родней. Не сравнить с Мохито.

Осознание факта потянуло за собой цепочку не самых приятных мыслей. Ханна отодвинула их в дальний угол и решила не возвращаться в квартиру над кафетерием. Взять паузу, переночевать у родителей, обдумать ситуацию чуть позже, на свежую голову.

Она отлично выспалась в своей комнате, без снов, зато с появившимся решением сходить к алтарю Хлебодарной. Отнести скрутки, попросить о знаке, который поможет не наделать глупостей, подтолкнет на нужный путь.

«Так и сделаю. Алтарный Парк рядом, а я ни разу не удосужилась зажечь скрутку. И Камулу надо будет положить стружку мяса – чтобы защищал своих альф».

Домой Ханна отправилась с пакетом печенья, тремя контейнерами еды и свежими булочками. Йонаш получил свои гостинцы в обед, поблагодарил и сообщил очередную новость:

– Папа утром был у врача. В пятницу ему снимут лубок, и он будет зарабатывать руку. Врач сказал, что волк плохо ел, поэтому процесс восстановления затянулся. А теперь папа ест хорошо, и дело пошло на лад.

– Я ему еще один день кормежки должна, – вспомнила Ханна.

– Папа помнит, но вас простил, – Йонаш повторил чужие слова, не позволяя понять, была ли в них вложена издевка. – Сказал, что ему и так нормально обломилось, не надо пережимать.

– Я передам вам еду вечером, – пообещала Ханна. – Похолодало, во дворе не посидишь. Я что-нибудь приготовлю и положу булочек для тебя и Мохито.

– Я с Мохито печеньем поделюсь, – пообещал Йонаш, и ушел на кружок, забыв у стойки пакет со сменной обувью.

Дома Ханна порылась в кухонных шкафчиках, нашла пакетик сушеных белых грибов и решила сварить гречку. Она дважды меняла воду, заливала сушку кипятком, чтобы та хорошо разбухла, потом посмотрела на количество и задумалась. Для себя бы она приготовила кашу с грибами, но выздоравливающему волку и огромному медведю этого явно было недостаточно. Ханна произвела еще одну ревизию припасов и кроме лука нажарила сковородку гуляша и тоже добавила в гречку. Аромат лесных грибов почти пропал, зато сытность каши заметно повысилась. Вымыв посуду, Ханна запрограммировала мультиварку, чтобы готовая каша автоматически подогревалась, переделалась и направилась в Алтарный Парк.

Камула она одарила первым – купила две скрутки со стружкой мяса и скрутку со стружкой рыбы, положила в бронзовую чашу на тлеющие угли, и чихнула от едкого дыма.

Бог войны и охоты, взиравший на паству с фрески, то улыбался, то хмурился – струйки дыма, поднимающиеся к вытяжному отверстию в крыше, меняли выражение лица. Ханне показалось, что Камул ей подмигнул, но это могло быть оптической иллюзией из-за дыма и набежавших слёз.

Скрутки для Хлебодарной она выбирала долго и придирчиво. Взяла дорогущую, заговоренную, из сухих пионов и злаковых колосков – их жгли, прося, чтобы богиня помогла найти своего истинного. Пионы – как символ страсти, злаки – как залог хлебосольного дома и приплода.

– Подтолкни или отвори, – прошептала Ханна, поджигая скрутку. – Я запуталась. Два месяца назад я собиралась дать ему оплеуху, а сейчас рука тянется, чтобы прикоснуться. А он молчит. А еще ребенок... Помоги. Подскажи, что делать.

Она добавила в чашу еще две скрутки – с боярышником, рябиной и клевером – подношение с просьбой о здоровье, удаче и защите от злых духов.

«Не успеешь оглянуться, как уже и Камулов Покров». – Мысль пришла внезапно, навеянная видом можжевельных ягод в чаше. – «Может быть, дожидаться ноября, дать себе волю, решиться на прикосновение, понять, есть ли отклик и вдоволь потешить тело? Шольт к тому времени выздоровеет. Хм... заманчиво, но опасно».

Висица фыркнула и велела: «Иди на улицу, он замерз». «Кто?»

Ответа не было, висица упрямо толкала ее к выходу, и

Ханна, наскоро пробормотав хвалу снопу и амбарам, вышла на улицу.

Шольт стоял возле часовни Камула – закутанный в знакомый плед, разглядывающий можжевеловый веноч над входом. Он всем своим видом демонстрировал, что оказался тут случайно, и Ханна сделала шаг назад – к чаше и сладковатому дыму сухих пионов. Шольт немедленно зашел вслед за ней, встал за спиной, дыша в макушку. Молчание, нарушаемое потрескиванием скруток и тихими разговорами прихожан, тянулось и тянулось, пока Ханна не прошептала:

– Я сварила гречку. С мясом и грибами.

– Спасибо, – выдохнул Шольт, наклонившись к ее уху.

– Можете забрать всю, – обмирая от прокатившейся по телу волны дрожи, предложила Ханна. – Отдадите потом мультитарку. Подогреете то, что сразу не съедите. Я расскажу, как пользоваться. Это не сложно.

– У нас была мультитарка, – вполголоса сообщил Шольт. – Но Мохито варил щи из крапивы, что-то перепутал и мы потом всё выкинули. И щи, и мультитарку.

– Ого! – удивилась Ханна. – Это надо уметь.

– И еще два дня проветривали, – наябедничал Шольт, и потянул ее к выходу – прочь от пионов, поближе к гречке.

Мультитарку с кашей они поставили в коробку, а коробку в хозяйственную сумку. Сумку взял Шольт, а Ханна несла булочки и банку зимнего салата из кабачков с капустой, которую ей подарила матушка. И открывала и закрывала двери

и калитку, потому что Шольт сам бы не справился.

Йонаш обрадовался и гречке, и Ханне, накрыл на стол – поставил четыре тарелки, выложил овощную закатку в салатницу – и отправился будить Мохито. Шольт сидел на табуретке, привалившись к холодильнику, молчал и поглядывал на Ханну. Висица фыркала и попискивала, временами зрение становилось черно-белым, картинка плыла, и Ханне казалось, что возле холодильника сидит волк, постукивающий хвостом. Она чуть не протянула руку – погладить, почесать за ухом – но в кухню вошли Йонаш и зевающий Мохито, и волк пропал.

Ужинали долго, болтая обо всем подряд. Ханна спросила, перейдет ли спецназ на усиленный режим дежурств к Камулову Покрову, и получила ответ: «Да, как обычно».

– В Покров почти не пакостничают, – пробурчал Мохито, подкладывая себе добавку салата. – Осенью все заняты: грешат, торгуют, запасаются продуктами на зиму, набивают погреба.

– Пап, ты же еще будешь на больничном, – загибая пальцы, посчитал Йонаш. – Отлично! Сходим на ярмарку.

– Сходим, – согласился Шольт, доедавший вторую порцию гречки. – Купим квашеной капусты, поставим на балконе.

– Тетя Ханна, а вы с нами пойдете?

– Не знаю, – ответила она. – Неизвестно, какая ситуация будет – вдруг дела навалются.

После ужина и чаепития Шольт проводил Ханну домой – перевел через дорогу в неподобающем месте и придержал калитку, пока она проскользнула во двор. Фонари не горели, улица была пуста. Они встретились взглядами, и Ханне показалось – вот, сейчас... сейчас Шольт чуть наклонится и ее поцелует.

Предчувствие оказалось обманчивым. Шольт пробормотал: «Доброй ночи» и неслышно закрыл калитку.

Глава 29. Роза и прогулка

Рабочая неделя прошла в разъездах и очередях: Ханна с бухгалтером дважды побывали в налоговой инспекции, трижды в банке, и один раз, уже без бухгалтера, она получила дополнительное разрешение в санитарно-эпидемиологической станции – без этого им грозил ощутимый штраф. В пятницу, по совету бухгалтера Ханна подала заявку в фонд женщин-предпринимательниц с красивым названием: «Слабый пол – сильный бизнес» – в случае одобрения можно было получить мелкие налоговые льготы и юридическую поддержку. Ей пришлось заполнить три анкеты и съездить за несколькими справками. Бумажная волокита и очереди настолько вымотали нервы, что Ханна бросила машину на обочине возле калитки, дошла до кафетерия, и устало спросила Снежку:

– Как тут у вас дела? Скандалов не было?

– Нет, – помотала головой та. – Всё тихо, хорошую выручку сделали. Шольту сняли лангету, у нас с часу до пяти было не протолкнуться – все ему руку пожимали, пока он не сказал, что она вот-вот снова отвалится.

– О!

Ханна на неделе сталкивалась и с Йошей, и с Мохито, дважды видела Шольта – он ей вежливо кивал и предложил вернуть мультиварку, но она попросила отложить это до вы-

ходных. Отчетность, денежные дела и попытки влиться в ряды сильного бизнеса лишили ее томления и предчувствий, а также беспокойства о чужом рационе – уж как-нибудь купит волчье семейство себе печенку с картошкой в кафетерии, а Мохито суп сварит и ватрушек поест.

Упомянутый Шольт тут же появился в кафетерии – все в том же пледе на плечах. Заказал себе кофе, уселся рядом с Ханной.

– Поздравляю, – проговорила она. – Теперь вам будет легче.

– Да, – согласился Шольт. – С одной рукой неудобно.

– Мультиварка не мешает? Если можно, я заберу ее завтра. Сейчас хочу полежать в ванне и лечь спать. Ужасно устала за эту неделю.

– Мы завтра собираемся в лес, – сообщил Шольт. – Я хочу сразу попробовать превратиться. Не откладывая.

– О!..

Ханна опять вспомнила слова Анджея, хотела спросить, не надо ли перед превращением еще раз проконсультироваться со специалистами, но Шольт прервал невысказанные опасения вопросом:

– Вы с нами?

– Наверное... Да, я с вами.

– Выезд около одиннадцати утра. Йоша должен сделать часть уроков. Вас устраивает?

– Да.

– Если что-то изменится, мы сообщим.

С этими словами Шольт поднялся и ушел, забрав с собой стаканчик с кофе.

Снежка попыталась поговорить с ней об ассортименте выпечки – творожные ватрушки начали пользоваться популярностью, а с яблочным повидлом все до единой распродавались через окошко со скидкой – но Ханна отмахнулась и сказала, что подумает об этом позже.

– Не могу. Голова не варит. Пойду, отлежусь в ванне. Все вопросы будем решать с понедельника.

Она еле-еле заставила себя идти, расправив плечи, чтобы наблюдатели с КПП и с крыш не придумывали себе лишнего. Усталость была неправильной, как будто она перебрала успокоительного, поругалась с вислицей, а потом каталась на машине по городу, с трудом избегая аварий. Даже руки тряслись. Что такое?

«Надо машину в гараж загнать. Но... надо открывать и закрывать ворота. А завтра снова открывать и закрывать – мы же поедem в лес. Бросить ее тут, на обочине? Можно чуть-чуть переставить, заехать на газон».

Взгляд зацепился за предмет под «дворником». Что это? Не записка, не квитанция... Ханна ускорила шаг, услышала попискивание вислицы, и заулыбалась, теряя часть усталости. Кто-то подсунул под «дворник» одинокую розу. Темно-оранжевую, под цвет ее шерсти.

Ханна вытащила розу и унесла к себе, забыв о непра-

вильно припаркованной машине. Хризантемы она выбросила вчера вечером, пожалев, что они так быстро завяли.

«Это он», – сказала висица.

«А вдруг это дядя Казимир раскаялся?» – спросила Ханна.

Они дружно расхохотались.

«Завтра с ним побегаешь».

«А ты?»

«Я еще подумаю, – ответила Ханна. – Если просто согрешить, то тогда уже по традициям. Впереди Покров. Дам себе волю».

Утром Ханна выпила кофе в компании розы и достала из шкафчика пакет ароматизированных палочек для волков – прежде чем купить лакомство, она убедилась, что в составе нет злаковых. На всякий случай.

В десять часов сорок пять минут прилетела смс от Мохито.

«Выдвигаемся?»

«Да», – написала в ответ Ханна.

Они встретились на улице и двинулись по знакомому маршруту. Мохито предлагал ехать в одной машине – «зачем бензин зря жечь?» – но Ханна отказалась, опасаясь, что не сможет сбежать в случае конфликта. Будучи мобильной, она чувствовала себя увереннее. Махнула хвостом, хлопнула дверью и уехала. Не надо ждать или уходить пешком.

Дубы почти облетели, желудей прибавилось. Ханна под-

няла багажник, прячась за незамысловатой преградой – раздеваться на глазах двух альф и ребенка было неловко. Она, как и в первый раз, не смотрела в сторону внедорожника. Сами разберутся, сами превратятся.

Висица встала на лапы и вздрогнула от крика. Шольт заорал и тут же смолк, словно заткнул рот ладонью – доносилось только глухое мычание, полное боли и страха. Висица осторожно подошла к чужой машине, когда стон превратился в волчий скулеж. Медведь и волчонок неуклюже топтались вокруг превратившегося Шольта. Волк дрожал, стучал зубами и прижимался к колесу. Ханна отстранилась, не вмешиваясь, понимая – висица все сделает сама. Та не подвела – подошла, прижалась к волку, унимая дрожь телом. Вылизала длинный нос, отполировала волчьи усы, морщась от щекотки. Засвистела в ухо: «Хорошо. Все хорошо. Сейчас пойдем гулять. Там рыба и мыши». Волк успокоился. Не сразу, но перестал дрожать, заворошился, отодвинулся, неуклюже встал на лапы. Медведь облегченно выдохнул, подхватил волчонка и понес к мосткам.

День прошел в праздности и ленивой прогулке по приглянувшимся местам. Мыши куда-то переехали, поэтому волк с висицей пошли вокруг озера, вляпались в болото, долго отмывали лапы на отмели и вытирали о пожухлую, прихваченную утренним морозцем траву. Висица отговорила волка есть грибы: решительно загородила семейку телом, укусила за ухо, когда тот попытался ухватить опенок. Позже вытащи-

ла пакет с палочками из открытого багажника и предложила всем желающим. Медведь не остался в долгу, попытался угостить вислицу сырой рыбой и, в очередной раз, получил отказ.

Безмятежность развеялась, когда дело дошло до обратного превращения. Ханна быстро перекинулась, начала одеваться, прислушиваясь к звукам от внедорожника. Тишину разорвал волчий вой, сменившийся криком. Шольт всхлипывал, давился слезами, и Ханна, почти не соображая, что делает, бросилась к нему на помощь – подбежала, села рядом, обняла дрожащие плечи, привлекла к себе, позволила уткнуться носом в шею, приглушая рыдания. Чужая беспомощность и страх ощущались руками, хотелось забрать часть боли, успокоить, пообещать, что теперь все будет хорошо. Слова застряли в горле. Шольт перестал всхлипывать, выстонал:

– Боюсь. Боюсь. Кажется, что это опять на сутки. Что я буду лежать и орать, срывая голос, а они будут стоять и смотреть.

– Нет, нет, – забормотала Ханна. – Это в прошлом. Теперь – быстро. Не думай об этом. Постарайся забыть.

Она гладила плечи – горячие, твердые – ерошила отросшие волосы на затылке. Шольт прижимался к ней все сильнее, терся носом о шею, подставлялся под ласку. Это соблазняло, подталкивало проверить изгиб поясницы, коснуться бедер, проверяя, подойдет ли ширина ее телу. Искушение

исчезло после покашливания Мохито. Ханна провела ладонью по спине Шольта, с сожалением прерывая двусмысленную ситуацию. Поднялась и ушла к своей машине.

Глава 30. Следы на снегу

Домой возвращались под темными, серо-желтыми тучами.

– Неужели пойдет снег? – пробормотала Ханна, пытаясь сосредоточиться на дороге. – Рано еще, до Покрова две недели.

«Зачем тебе Покров? – зафырчала висица. – Пусть будет снег, у тебя в квартире тепло. Позови его».

– Нет, – твердо сказала Ханна. – Звать не буду. Пусть приходит сам.

«Он боится, – сказала висица. – Волк на него ругается».

– За что?

Висица замолчала, оставив Ханну теряться в догадках.

Она загнала машину во двор, помахала машине Мохито, скрывшейся на территории части. Поднялась к себе, приняла душ и уселась в кресле с чашкой горячего чая.

Роза пламенела. Мысли путались. Тело охватило томление. Хотелось только одного: вернуть Шольта, притянуть его поближе, влипнуть, слиться, проверить, горячи ли губы. Опьянят ли поцелуи – так, что Ханна забудет себя и позволит творить все, что заблагорассудится?

Она сидела, прислушиваясь, ожидая, что на лестнице раздадутся осторожные шаги, в дверь коротко стукнут, и сила притяжения заставит ее вскочить и щелкнуть замком. Шли

минуты, она угрелась, подтянула под себя ноги и задремала. В полусне услышала ворчание висицы: «Он устал. Превращение забрало все силы». Ханна кивнула и провалилась в сновидение, где длинноносый волк бродил по ее квартире, приносившись к салатам на кухонном столе, трогал игрушки на новогодней елке. Царила тишина, Ханна знала, что в маленькой спальне похрапывает объевшийся Йоша, а за окном идет снег. Можно было спать спокойно – волк стоял на страже, охранял дом и от людей, и от оборотней, и от злых духов.

Среди ночи Ханна перебралась в кровать, вытянулась под одеялом и снова заснула – с ощущением близкого праздника и грядущего счастья.

Утром она отдернула занавески и ахнула: город был укрыт белым покрывалом октябрьского снега – слишком раннего для Ключевых Вод, и после Покрова-то снег не всегда выпадает. Машин почти не было, улицы казались вымершими, и даже возле КПП не наблюдалось ни волков, ни шелухи от семечек – некого рассматривать, некого обсуждать.

«Иди, – велела висица. – Он там. Он ждет».

Ханна заупрямилась. Долго завтракала, долго выбирала вещи, полировала ботинки без каблука, чтобы не поскользнуться на влажном снегу. Исчерпав все поводы для промедления, она спустилась в кафетерий. Шольта не было. Ёжи и Снежка скучали, сидя за столиком.

– Ой, как хорошо, что вы зашли! – обрадовалась Снежка. – Нас спрашивали, будет ли печенье на смальце. Полков-

ник Новак сказал, что заберет пару коробок в часть. И подполковник Розальский купит коробку к Покрову, чтобы поздравить сотрудников. Если мы расфасуем в бумажные пакеты, то будет идеально. Сделаем? Закажем смалец и пакеты?

– Не знаю, – оглянувшись на дверь, пожала плечами Ханна. – Надо бы. Медовые кексы пекли... а ты справишься?

– Конечно! – чуть обиженно ответила Снежка. – Печь проще простого, расфасовать не проблема.

Ханна вновь оглянулась на дверь – на улице мелькнул чей-то темный силуэт – и быстро проговорила:

– Составь список. Купим что надо.

– К завтрашнему дню напишу, – пообещала Снежка. – Будете кофе? Пирог на завтрак?

– Нет, – помотала головой Ханна, отступая к выходу. – Я прогуляюсь. Соскучилась по снегу.

Она выскочила на улицу. Огляделась, чувствуя на себе чей-то взгляд. Перебежала дорогу, пошла по аллее Алтарного Парка, добавляя свои следы в натоптанные цепочки. Вид часовни и воспоминание о дыхании Шольта заставили ускорить шаг. Ханна смотрела на расходящиеся от часовен дорожки – истоптанные и нетронутые – и понимала, что нужно сделать выбор. Бесповоротный. Навсегда. Это пугало, и она помчалась по снежной целине, взрыхляя белый покров носками ботинок. Взгляд – реальный или придуманный – жег спину, и она попыталась затеряться на людной улице. Зашла в первый попавшийся магазинчик, поняла, что оказалась в

лавке, торгующей брачными браслетами для оборотней, и поспешно вернулась на улицу.

Продовольственный магазин. Витрина с сухофруктами, витрина с овощами, низки белых грибов.

Свадебный салон: платья с вышивкой и без вышивки, белые, палевые, кремовые, светло-кофейные.

Кофейня, магазинчик канцтоваров, в котором она покупала карандаши для Йоши.

Аптека.

Ханна остановилась как вкопанная.

«Что?» – спросила висица.

«Противозачаточное».

«Зачем? Ты не хочешь своего ребенка?»

«А если он?..»

Ханна замялась, пытаясь думать просто и ясно, чтобы донести до висицы свои сомнения, и вдруг поняла: а если Шольт не захочет признавать отцовство, ничего страшного. Можно переехать, чтобы не сталкиваться на улице. Можно нанять управляющего в кафетерий и больше никогда не переступить порог.

Открытие позволило расправить плечи, как будто с нее сняли тяжелый груз. Она прошла вперед и свернула в переулок, покидая оживленный проспект. Висица заурчала, приветствуя волка. Ханна остановилась и замерла – Шольт догнал ее, прижался к спине, заставив почувствовать жар даже через преграду из верхней одежды.

– Я тебя нашел, – прошептал он. – Ты убегала. Я шел по следу.

– Убегала, – согласилась Ханна, покоряясь судьбе. – Я боюсь.

– Не бойся, – Шольт прижался еще сильнее. – Если не понравлюсь – разойдемся без обид. Попробуй меня. Я свободен. Мохито присмотрит за Йошей. Я попросил.

– Ты потом...

Шольт не дал ей договорить. Подтолкнул в сторону, прижал к стене и начал целовать. Это не просто опьянило – Ханна словно в бездну провалилась. Любые запреты и доводы проигрывали, таяли под губами Шольта. Язык влажно обследовал подбородок, губы, касался век, суля пиршество изголодавшемуся телу.

Ханна немного отстранилась. Потрогала длинноватый нос, проехала по скуле, вызывая у Шольта жадный стон. Мир сосредоточился на кончиках пальцев. Шольт дразнил намеком на утреннюю щетину, трещинкой на губе, шелковым изгибом брови.

– Выбери меня. Хотя бы на этот Покров.

Шольт просил, не требовал. Ждал ее ответа. Ханна почувствовала свою власть. И, уже решившись, продолжила игру, увиливая от поцелуев и уводя покорного волка все дальше – не в лес, но в собственную спальню.

Глава 31. Первая ссора

Как они добрались до квартиры, Ханна не помнила. Она захлопнула дверь и растаяла – сначала поцелуи и осторожные прикосновения, а потом уже натиск и сводящее с ума волчье рычание, вызывающее у тела бурный отклик. Кровать жалобно заскрипела, приняла двойной вес, готовясь к суровым испытаниям.

Помнится, с Витольдом они приноровились друг к другу не сразу. Пришлось и брошюры читать, и позы подбирать и менять, чтобы гарантированно достигнуть удовольствия. С Шольтом не было никаких проблем: он не заботился о позах, только придерживал Ханну, чтобы она с кровати не упала или лбом об спинку не ударилась. И все было прекрасно – со стонами и криками восторга и блаженной истомой.

К вечеру они чуточку растратили накопившийся пыл. Шольт отвлекся на телефон, написал пару сообщений в ответ на сообщения Мохито. Проник в кухню, осмотрелся, спросил:

– Кафетерий еще работает? Схожу, что-нибудь куплю на ужин.

– Глупости! – воспротивилась Ханна. – Я приготовлю.

Первым делом она пожарила «волчью яичницу». В холодильнике нашлись два помидора, доспевавших в ящике для овощей – были бурыми, долго краснели – нарезанное куби-

ками сало и крупная вареная картофелина. Сало зашкворчало на сковороде. Ханна быстро нарезала вареную картофелину, отправила в стопившийся жир и обжарила кружочки до золотистой корочки. Следом пришло время помидоров – ломти накрыли картошку и сало, дали сок и хорошенько протомились под крышкой. Яиц в упаковке было шесть, и Ханна их немедленно разбила на сковородку. Немного соли и перца завершило кулинарное действие – зелени в холодильнике не нашлось, а чеснок Ханна решительно вычеркнула из рациона.

Пока Шольт доедал яичницу – она ухватила себе один ломтик картофеля – в морозилке обнаружилась упаковка куриной печенки и пакет овощной смеси с рисом. Облизывающийся Шольт сунулся помочь, и готовка превратилась в эпизод эротического фильма. В итоге Ханна решила, что кухню и спальню надо четко разделять – на кровати удобнее, и нет опасности рассыпать все контейнеры со специями разом.

Ночью они просыпались дважды – в первый раз Шольт доел овощную смесь и печенку, а под утро пришло время занятий любовью. Прикосновения снова стали осторожными, поцелуи – нежными, а стоны усталыми.

В половине восьмого Шольт засобирался.

– Пойду, отправлю Йошу в школу. А то потом опять учительница начнет названивать, что он половину учебников забыл.

– Я выпью кофе и спущусь в кафетерий, – ответила Хан-

на, подставляя щеку для поцелуя. – Снежка должна написать список продуктов, надо заказать доставку.

Она полентяйничала в обществе чуть потускневшей розы и попискивающей висицы. Хвостатая половинка была довольна – считала, что заполучила волка навсегда. Ханну пока одолевала задумчивость – и не из-за того, что Шольт не озвучивал конкретных планов, рано еще. Она чувствовала, что между ними возникает нить связи. Крепнущая, превращающаяся в канат, способный тянуть вторую половинку на буксире, а в случае опасности вытащить с того света. Это немного пугало: а вдруг Шольт утащит ее куда-то не туда, заведет в тупик или столкнет в пропасть?

Все предания говорили, что истинная связь – дар богов, приносящий только благо. Действительно ли это истинная связь? Или голову вскружило обилие удовольствия? То, что ей в руки свалился запретный плод?

Ничего не решив, она привела себя в порядок, оделась, подкрасилась и спустилась в кафетерий. Ёжи и Снежка, отработывавшие последний день – пересменка была во вторник – уставились на нее с немим вопросом.

«Подсматривали, видели вчера, как мы в квартиру шли, – догадалась Ханна. – Не хуже Казимира с биноклем!»

Она ни словом не обмолвилась о личной жизни – твердо решила держать дистанцию и помалкивать, даже если ей будут задавать прямые вопросы. Утвердив список, она заказала товар, который должны были доставить к концу недели,

перездоровалась с кучей знакомых и выскользнула из кафетерия, когда туда вошел полковник Новак. Взгляд волка ей не понравился – настойчивая попытка проникнуть в душу с тем, чтобы вызнать ее намерения.

«Альфа, – пожаловалась висице она. – Давит. Как будто наизнанку хотел вывернуть!»

«Он беспокоится о волке, – ответила та. – Ты боишься, что Шольт заведет тебя в тупик. А он – что ты обидишь волка. Это работает в обе стороны. А полковник тебя плохо знает».

Ханна фыркнула, огляделась по сторонам – потеплело, снег почти растаял, превратившись в серую грязь с неопрятными белыми кружевами – и увидела топчущегося под калиткой Шольта. В руках у него был пакет, из которого торчали повядшие перья зеленого лука.

– Что это? – спросила Ханна.

– Разное, – уклончиво ответил Шольт. – Можно сделать салат.

Судя по всему, он выгреб из своего холодильника то, что попало под руку: три яйца, четыре картофелины, банку рыбных консервов и лук.

– Салат сделаю, – пообещала Ханна, оценив содержимое пакета. – Но, если ты не против, сначала сходим в магазин. Купим продуктов, чтобы я приготовила побольше.

Предложение Шольта обрадовало. Они оставили пакет на кухне Ханны, долго целовались в прихожей, потом пошли в универсам, где набили полную тележку продуктов – и для са-

латов, и для гуляша, и для супа, и для каши. Выяснилось, что отвращения к супам у Шольта нет, он недолюбливает только готовку Мохито. Белый рисовый суп – Ханна забыла купить томат и вычеркнула харчо – пошел на ура. Шольт съел две порции, вылизал тарелку и спросил, можно ли будет взять немного для Йоши.

– Пусть заходит и ест сколько пожелает, – предложила Ханна. – Если тебе принципиально нужно носить суп через дорогу, то, конечно, носи.

Таскаться с банкой Шольт не захотел, поэтому в обед, когда Ханна нарезала полную миску рыбного салата – картошка, лук, десяток вареных яиц, две банки скумбрии в собственном соку, майонез и тертый сыр – Йоша занял облюбованную табуретку на кухне, выложил им кучу школьных новостей, а, наевшись, уселся смотреть телевизор.

– Пусть потом уроки садится делать, – сказала Шольту Ханна, принимаясь за готовку гуляша. – Надо только пыль со стола стереть.

Вечером в квартиру к Ханне явился Мохито. С удовольствием съел подогретый суп, заполировал салатом и увел Йошу делать математику и спать, получив в нагрузку контейнер риса и гуляша. Шольт, пошептавшийся с Мохито, дождался, пока захлопнется дверь, и снова полез целоваться.

Как началось, так и повелось – страстные ночи сменялись днями, наполненными работой и готовкой, визитами Йоши, съедавшего обед и делавшего уроки то у Ханны, то у себя

дома под присмотром Шольта. Наступил туманный ноябрь, ветер гонял по улицам можжевельный дым, волки праздновали Камулов Покров, славя своего бога.

Шольт не говорил нежных слов, но в доме каждый день появлялись приятные мелочи: то цветы, то покровный оберег, то коробка конфет. Висица ликовала – повизгивала, приветствуя волка. Ханна была довольна, но чувствовала, что ей чего-то не хватает. Копилось мелкое раздражение: Шольт вообще не мыл чашки из-под чая, только изредка ополаскивал, если наливал молоко Йонашу. Выдавливал зубную пасту с середины тюбика, хотя ему каждое утро делали замечание. Взрыв произошел, когда Ханна нашла выброшенный в корзину для белья бритвенный станок. Шольт выслушал ее крики, и, вместо оправданий и обещаний исправиться, спросил:

– Мне уходить?

Ханна посмотрела на заляпанное зеркало в ванной, и, не обращая внимания на протест висицы, сказала:

– Да.

Она ощущала нить связи, не сомневалась, что Шольт вернется. И собиралась снова впустить его в дом, как следует промариновав за неопрятность.

Глава 32. Камулов Покров

Коса нашла на камень практически сразу. Шольт не считал себя виноватым и, похоже, ждал если не извинений, то особого приглашения. Судя по всему, он не обсуждал случившееся с коллегами и приятелями – Ханна не слышала шепотков, не замечала косых взглядов. Только полковник Деметриуш почему-то улыбался, а один раз легонько хлопнул ее по затылку газетой – наверное, перепутал с кем-то из спецназовцев.

Висица то ныла, то ругалась. Ханна перед выходом в кафетерий тщательно красилась, красиво одевалась и кокетничала с вояками и полицейскими, если Шольт отирался поблизости. Вечерами, чтобы отогнать подкрадывающуюся пустоту и чувство одиночества, она пекла – то пирожки с яйцом и луком, то кексы, то печенье. Пакеты с выпечкой она отдавала Йонашу. Волчонок благодарил, утаскивал добычу в логово, и, к счастью, не спрашивал, почему она перестала готовить обеды – Ханна бы не смогла подобрать правильные слова для объяснения. За это время Шольта, находившегося на больничном, успели принять в музей МЧС на должность временного экскурсовода, а через три дня с треском выгнать – за вспыльчивость и конфликтность.

Деметриуш привел Шольта в кафетерий после скандала. Усадил за столик на веранде, о чем-то долго шептался, по-

том отправил прочь, а сам остался с чашкой кофе и плоской печенья на смальце. Минут через десять явились Розальский с Кшесинским – озабоченные и переругивающиеся на ходу: шел последний день Покрова, прихожане готовились к ночной службе, завершавшейся церемонией Срыва, а полицейские – к усиленному патрулированию улиц.

Увидев, как Деметриуш что-то рассказывает Розальскому, Ханна занервничала. Слов было не разобрать, но ей начало казаться, что полицейское начальство обсуждает ее персону и ссору с Шольтом.

«Не может быть. У них полно других дел».

Захотелось сбежать – на всякий случай – но она не успела. Розальский обернулся, нашел ее взглядом, позвал:

– Подойди на минуточку.

Ханна подошла с нехорошим предчувствием. Присела на любезно выдвинутый стул, сцепила пальцы.

– Теперь я хочу послушать тебя, – сухо сказал Деметриуш. – Что произошло?

Висица испуганно пискнула. Ханна завела речь о зубной пасте, ощущая, как от Деметриуша повеяло мертвенным холодком неприязни.

– Развлеклась на Покров, – сделал вывод он, не дослушав историю бритвенного станка. – Понял, бывает. Спасибо, что объяснила.

Ханна издала сдавленный звук и замахала руками – нет, мол, не развлеклась.

– А что тогда? – нахмурился Деметриуш. – Учти, я Шольту за отца, хоть и начальник в погонах, и слежу, чтобы он не вляпался в пустопорожные неприятности. У него проблем по службе хватает, то на отравленный нож напорется, то на бомбу ляжет. Ребенок каждый день внимания требует, ему «подожди» не скажешь. И тут ты со своими выкрутасами. Неделю дразнишь, хвостом виляешь, ни да, ни нет. В чем дело? Не люб? В кровати не потянул? Доходом, положением в обществе не вышел? Сын-довесок мешает? Скажи мне, если его в лоб отшить постеснялась. Не юли, я пойму.

Повторное упоминание зубной пасты заставило Деметриуша громко хлопнуть газетой по столу:

– Сил моих больше нет это слушать.

Ханна ждала продолжения, каких-то итоговых слов, но Деметриуш просто ушел из кафетерия. Это было хуже обвинений в распутстве, словно Ханну застукали за издевательством над ребенком путем отъема конфеты. Розальский с Кшесинским молчали. Ханна перевела на них взгляд и наконец-то сформулировала:

– И он не собирается извиняться.

– Я пойду, – встал Розальский. – Надо сводку у дежурного взять. Ты идешь?

– Нет, – замотал головой Кшесинский. – Сейчас Адель подъедет. Она Йонаша заберет.

– Ах, да! – хлопнул себя по лбу Розальский. – Влас мне говорил, что вы что-то на оленей вешаете и надо сдернуть.

– Не мы, а Лютик, – поправил его Кшесинский. – И не что-то, а кисею. У нас театрализованный Срыв Покрова. Каждый оборотень на счету – надо дергать веревки и запускать фейерверки.

– Ельник не подожгите, – хмыкнул Розальский и ушел в горотдел.

Кшесинский огляделся по сторонам, подвинул к себе плоску с недоеденным печеньем, которую бросил Деметриуш, и жадно захрустел.

– Я его не спросила, – растерянно сказала Ханна. – Только сейчас поняла, что я даже не подумала. И не спросила.

– Кого? – проглотив печенье, поинтересовался Кшесинский.

– Шольта, – Ханна собралась с мыслями и объяснила. – Полковник Новак сказал, что он Шольту за отца. И с Йонашем ему никто не помогал. Он сирота? Я не спросила.

– Спроси, – Кшесинский посмотрел на нее с явным удивлением. – Он сейчас придет, приведет Йошу. Могу превентивно развеять покров тайны. Насколько я знаю, он не сирота. Родители живут в Лисогорском воеводстве, в какой-то глуши под Усть-Белянском. А Новак к Шольту долго присматривался, потом проникся и опекает. Сначала он его к себе в отряд брать не хотел, Анджей его упрашивал.

– Почему?

Ханна вложила в вопрос смысл «почему не хотел брать?», а Кшесинский ответил на вопрос «почему упрашивал?»

– Это он Анджея нашел, когда его «огненные» казнить пытались. Уже дали отбой, поисковую операцию сворачивали, а упертый Шольт полез в затопленный подвал и его нашел. Мы с Анджеем еще в училище подружились. Я теперь Шольту по жизни должен – за друга.

У Ханны немедленно возник десяток вопросов, но их пришлось оставить при себе. Сначала явились Шольт с Йонашем, и, тут же, цокая каблуками, на веранду вошла красавица Адель Кшесинская.

– Я машину бросила под запрещающим знаком, – сообщила мужу она. – Отмажешь меня удостоверением, если прихватят. Всем привет! Йоша! Нам надо будет заехать в магазины за мылом и веревкой!

– Простите? – нахмурился Шольт.

– Веревка для кисеи, не хватило, Лютобор попросил взять сразу четыре мотка. Обязательно алый и зеленый шнур. Чтобы был контраст.

– А мыло зачем? – спросил Кшесинский, расправившийся с последним печеньем.

– Это для какой-то художественной техники. Надо смешивать черную тушь с мылом.

– О, сколько нам открытий чудных... – пробормотал Кшесинский и поднялся. – Йоша, всё взял? Дель, я постараюсь приехать к кисее, но гарантировать не могу.

– Пойдемте, – Адель шагнула к выходу. – Пока меня не оштрафовали. Шольт, отдыхай, верну Йошу послезавтра ве-

чером в целости и сохраннысти.

Ханна дождалась, пока Кшесинские и Йонаш исчезнут из виду, спросила:

– А разве Йонашу завтра в школу не надо?

– Каникулы, – буркнул Шольт.

– А!

Висица попискивала – не испуганно, обрадовано. Ханне казалось, что она слышит ответный скулеж волка. В памяти всплыли слова Кшесинского: «А упертый Шольт полез в подвал...»

«Не попросится он назад», – поняла Ханна и предложила:

– Раз ты свободен, пойдем на ночное бдение? Хочу достоять до утра, посмотреть, как сорвут Покров.

– Пойдем, – согласился Шольт после короткого раздумья. – Только мне сначала надо в магазин.

Ханна чуть не спросила: «За мылом и веревкой?», но вовремя прикусила язык. Вполне возможно, что Шольт обидится на шутку. А ей хочется его расспросить. И не только расспросить – но это уже после Срыва Покрова.

Глава 33. Примирение

Они пошли в магазин за капустой – самому Шольту капуста была не нужна, это Мохито собирался варить щи. В универсаме капусты не было, Ханна потянула Шольта в овощную лавку, где всё было чуть дороже, но свежее. По пути они встретили всех: сначала Кшесинского с Розальским, которые вышли из пельменной, потом Мохито, которому Шольт предъявил капусту, а следом за ним, возле КПП – полковника Новака, смерившего Ханну недоверчивым взглядом.

На ночное бдение пошли около полуночи, встретившись возле калитки. Ханна оделась потеплее, предъявила Шольту пакет с можжевельевыми ягодами и скрутками, сообщила:

– Купила на ярмарке мастеров. Скрутки на счастье. Можжевельник вымочен в рябиновом соке – чтобы точно отгнать нечисть.

Шольт кивнул, повел Ханну в Алтарный Парк, где они влились в толпу, распеваящую гимны. Она уютно устроилась в объятиях Шольта – тот привычно встал за спиной, сцепил руки в замок, словно предотвращал попытку вырваться. Висица урчала, волк ответно посвистывал. Ханна повернулась, приникая к груди Шольта, поднялась на цыпочки и начала осторожно расспрашивать о его родителях.

Выслушав отрывистые ответы, она поняла, что упрямство у Шольта унаследованное, и его никакими воспитательны-

ми мерами не перешибешь. Бесплезно. Родители не ездили к нему в училище, потому что хотели, чтобы он поступил на инженерно-строительный факультет, а не на военное дело – Шольт молча сделал по-своему. Родители не захотели знакомиться с его женой, потому что собирались просватать ему порядочную невесту, а Шольт нашел какую-то городскую фифу, не умеющую закатывать помидоры и печь пирожки.

– И я к ним Йонаша ни разу не возил, – Шольт вздернул подбородок, всем своим видом обещаая: «и не повезу». – Я им вообще не сообщал, что его мать умерла. Я сам в это вляпался, мне и разгрести. Это мой ребенок.

Ханна сначала оторопела, а потом решила, что в ситуации просматривается несомненная милость Хлебодарной: ей не придется знакомиться с чужими оборотнями, изображать радость или покорность – в зависимости от требований.

От родственников они внезапно перекинулись на тему холодца – Шольт заявил, что отлично его варит, пообещал купить свиные уши, крылья индейки и желатин и продемонстрировать свои умения. На этом моменте их почему-то попросили или молиться вместе со всеми, или удалиться.

Выбор был очевиден. Они протолкались к жаровне, кинули скрутки и можжевельные ягоды на угли, постояли минут десять, глядя на дым, и отправились в квартиру Ханны, где проводили Покров на смятой простыне.

Днем Шольт пропал – Снежка донесла, что Деметриуш

отправил его красить скамейки на стадионе. Вечером явился с маленьким пакетом, в котором принес щетку, тюбик зубной пасты и бритвенный станок. К этому времени Ханна сообразила, что Йонаша снова придется оставлять на попечение Мохито, и напекла печенья-орешки со сгущенным молоком. Шольт отнес промасленный бумажный сверток в общежитие, и через десять минут в квартиру прилетело сообщение от медведя: «Спасибо, очень вкусно!»

Еще через пару дней Шольт, приносивший и уносивший свою зубную пасту, сообщил Ханне, что в газете появилось объявление – в овощехранилище начали продавать дешевую картошку. Картошка хорошая, они с Мохито всегда там берут. Если ей надо, то можно поехать вместе. Минимальный размер покупки – двадцатикилограммовый мешок. Ханна подумала, что ненужную картошку можно будет отдать Снежке с Ёжи или отнести в кафетерий, и смело отправилась навстречу приключениям. Картошку они все-таки купили, но по пути туда и обратно два раза занимались любовью в машине. Ханне всегда казалось, что это низкопробное развлечение для оборотней, которые не умеют наладить нормальную половую жизнь. А выяснилось – отличное времяпрепровождение, очень приятно.

Мохито и Йонаша она видела каждый день – забегали в кафетерий, обедали, иногда уносили еду с собой, иногда что-нибудь оставляли. Ханне достался дневник по природоведению и две контурные карты – надо было все раскрасить, что-

бы получить четверки.

Проблемы начали утрясаться сами собой – постепенно, шаг за шагом. Шольт заходил по вечерам, иногда уходил, иногда оставался ночевать. Готовил завтрак, мучил отдельный тюбик зубной пасты, на который Ханна старалась не смотреть, мыл посуду или пылесосил в спальне. Как-то раз они коротко обсудили невозможность встреч в общежитии у Шольта.

– Комната Мохито неприкосновенна. А ложиться в гостиной, зная, что мелкий может выйти в туалет... Сама понимаешь.

– Зачем такие сложности? – удивилась Ханна. – Здесь места достаточно. Между прочим, есть отдельная свободная спальня. Если понадобится, Йонаш может тут ночевать.

– Нет, – быстро ответил Шольт. – Ничего не решено, мы можем в любой момент разругаться. Я не хочу, чтобы он потом спрашивал, почему мы таскаем вещи туда-сюда.

Это было правильно, но немного обидно. А еще Ханна не могла понять, не подпортило ли нить связи застарелое проклятье Хлебодарной. Шольт по-прежнему не прикасался к хлебу, выплюнул салат, когда Ёжи по забывчивости подал ему порцию с сухарями. Ханна не ожидала, что Шольт мгновенно начнет есть булочки у нее из рук. Но хоть что-то должно было измениться?

«Ты слишком торопишься», – сказала висица.

«А когда, по-твоему, это должно случиться?»

Висица промолчала.

Ханна еще некоторое время пыталась выяснить, есть ли какие-то задокументированные случаи избавления от проклятья Хлебодарной. Провела несколько вечеров в библиотеке, заказывала книги, листала страницы в читальном зале. И, чем больше читала, тем отчетливее понимала: гадать о сроках можно до бесконечности. Она перестала ломать голову с наступлением зимы. Как идет жизнь, пусть так и идет. Незачем подгонять.

Глава 34. Тест на беременность

Город и лес укрыло белое покрывало снега. Шольт превращался без видимых проблем, получил положительное заключение психолога, прошел медкомиссию и вернулся в строй. Ханна приноровилась к режиму дежурств, а когда отряд отправили в командировку в соседнее воеводство, совершила коварный поступок – заманила Йонаша к себе пожить. Деметриуш с Полиной попытались этому противостоять, но Йонаш уперся и перетасил вещи и учебники в гостиную и свободную спальню. Дом наполнился жизнью. Запах волчонка изгнал призрак одиночества. Ханна напекла пирожков с печенкой и картошкой и пообещала Йонашу на Рождество огромный торт, елку, гирлянды и игрушки. И орешки со сгущенкой. И кучу салатов. Гулять, так гулять!

Вернувшийся Шольт принял перемену как должное. Не устроил скандал, хотя Ханна этого побаивалась, покрутил носом при виде печенья и съездил на овощебазу за картошкой. Запасы таяли, как снег под солнцем – а Ханна еще собиралась кому-то отдавать! Впору было покупать второй холодильник, потому что в одном все не помещалось. И кладовка, которую Шольт загрузил после зарплаты, довольно быстро начала зиять пустыми полками.

На город неотвратимо надвигался самый лучший зимний праздник. Люди и оборотни скупали в магазинах продук-

ты для выпечки и салатов, на огороженных пяточках появились елочные базары. Засветились, замигали связки гирлянд, начались распродажи залежавшихся товаров. Ханна делила время между домом и кафетерием, заказывала елочные игрушки и подарки, передавала Мохито еду, молчаливо извиняясь, что лишила его стаи.

Она хотела устроить праздник своим волкам. Шольта накормить салатами, а Йоше подарить капельку йольского волшебства – вместе нарядить елку, рассматривая игрушки и загадывая желания. Вырезать бумажные снежинки, наклеить их на окна. Повесить гирлянды, которые будут светить на улицу – пусть Казимир полюбуется.

Гром грянул во второй декаде декабря, когда Йонаш потребовал обещанные пирожки. Только не с капустой, а с печенкой и жареным луком. Ханна ответила: «Легко!». И, как позже выяснилось, соврала. Утром ее начало подташнивать от запаха опары. Потом отпустило, зато от жареного лука завтрак вдруг встал поперек ноздрей и горла – едва успела к унитазу добежать. Начинку Ханна все-таки сделала, и пирожки начала лепить, раздумывая, чем это она могла отравиться. На третьем десятке пирожков – теста получилось много – она заметила, что приступы внезапной тошноты случаются от чего угодно, включая свежий воздух, и перемежаются всплесками зверского аппетита. Дожарив пирожки, Ханна отмылась и сходила в аптеку, где приобрела стерильный контейнер для мочи и экспресс-тест на беременность.

Вернулась домой, поколебалась и убрала покупки в ящик комода. Пусть денек полежат, может быть, показалось.

Она заняла руки готовкой салата – Шольту осталась порция начинки для пирожков, но этого мало. Пусть закусит смесью яиц, крабовых палочек и консервированной кукурузы. Делать недолго, а радости полные штаны: Шольт каждый раз так удивляется и благодарит, как будто отдельное блюдо – чудо какое-то.

Первым финишировал Йонаш. Поел пирожков, отнес контейнер Мохито, сделал домашнее задание по математике, снова поел пирожков. Около девяти вечера явился Шольт. Посмотрел на миску, накрытую полотенцем, съел начинку и салат, помог Йонашу написать изложение, отправил в душ, а потом спать. Ханна улеглась еще раньше – ее начало знобить, к горлу подкатила легкая тошнота. Шольт прокрался в спальню в полной темноте, не приставал, тихо устроился под боком. От знакомого тепла Ханну потянуло в сон, и она задремала, отгоняя мысль о том, как Шольт может отреагировать на известие о ее беременности.

Проснулась она в три часа ночи, как от толчка в бок. Шольта рядом не было.

«Наверное, уехал на вызов. Я не услышала телефонный звонок, а он будить не стал».

Голова была удивительно ясной. Ханна поняла, что зря тянет с тестом на беременность. Надо выяснить, а потом уже изводить или не изводить себя. Она ушла в туалет, продела-

ла нужные процедуры, оставила тест в контейнере – на пять минут, согласно инструкции – тщательно вымыла руки и замерла, услышав грохот в кухне. Йонаш? Незаметно пробравшийся в квартиру кот соседей?

Щелчок выключателя дал ответ на вопрос. На полу кухни сидел Шольт в трусах и держал в руке надкусанный пирожок. Судя по уменьшившемуся количеству в миске – не первый, и не второй.

– А почему в темноте, тайком? – спросила Ханна.

– Захотелось, – неопределенно ответил Шольт.

– И давно ты можешь есть выпечку?

– На прошлой неделе попробовал.

– А почему молчишь?

– Слушай, – Шольт с сожалением посмотрел на недоеденный пирожок. – Не задавай неудобных вопросов. Я же тебе не задаю.

– Так спроси. Мне скрывать нечего.

Шольт прищурился и ударил по больному месту:

– Почему ты не говоришь родителям, что у тебя в квартире живет альфа с ребенком? Почему лжешь, что тебя куда-то пригласили на Рождество, скрываешь, что собираешься встречать дома?

– Я не знаю, как им сказать.

Ханна ощутила очередной приступ тошноты, опустилась на пол, обхватила голову руками. Шольт помолчал и продолжил прерванную трапезу. Ханна вспомнила о самой главной

проблеме, предложила:

– А давай я тебе задам еще один неудобный вопрос? Гипотетический. Предположим, я тебе сообщу, что я беременна. Что ты сделаешь?

– Позвоню Деметриушу, – без колебаний ответил Шольт. – Напомню ему, что у меня две недели отгулов и две недели отпуска с прошлого полугодия. Выбью десять дней, возьму в охапку тебя, Йонаша и мы уедем куда-нибудь на побережье. Гулять по заснеженному пляжу, собирать ракушки и смотреть на холодное море. А! Перед отъездом мы поженимся. Офицерам отрядов особого назначения оформляют брак в день обращения в мэрию. Это правда? Ты беременна?

– Не знаю, – Ханна выдохнула, убрала руки от лица. – Тест в туалете, в контейнере. Надо посмотреть на полоски.

Эпилог от Ханна

Темный длинноносый волк и волчонок брели по присыпанному снегом пляжу, придирчиво копались в замерзших водорослях, камушках и ракушках, выброшенных зимним морем.

– Нет, мама. Свадьбы не было, – терпеливо повторила Ханна, нагревая ухом телефон. – Мы не могли никого пригласить. Мы зашли в мэрию, чтобы уточнить, когда мы можем оформить брак. Шольт с самого начала говорил, что офицерам отрядов специального назначения положена регистрация в день обращения. А Казимир сказал, что вышло какое-то распоряжение и надо ждать три дня. Мы пошли узнать, а нам ответили: «Давайте паспорта».

Кисточка брачного браслета выбилась из-под рукава пальто, шевельнулась. Висица пискнула.

У оборотней не было людского обычая обмениваться кольцами – металл мог переломать пальцы при превращении. Понятно, что переломы заживали, но какой смысл обрекать себя на травмы? Браслеты завязывались не впритык и легко соскальзывали с лапы. Это было куда более удобно. И одобряемо богами – и Камула, и Хлебодарную часто изображали в браслетах. Иногда – в одинаковых, но чаще в разных. С можжевельником и рябиной или калиной. Волчьими и лисьими ягодами.

Ханна посмотрела в сторону моря. Набежавшая волна едва не коснулась лап гуляк. Волчонок взвизгнул, помчался по пляжу, оставляя запутанную цепочку следов. Волк с достоинством отступил, вернулся к омытым водой камням, вытащил из завала игольчатую ракушку.

– С нами был Йонаш, – продолжила она. – Он очень обрадовался и потащил нас покупать браслеты. Возле мэрии большой магазин. Они с Шольтом выбрали мне браслет со стеклянными бусинами, маленькими пряниками и печеньями. А я долго не могла решить, какой подойдет Шольту. Мы с Йошей все витрины осмотрели, порылись в коробках, и нашли темный браслет с ягодами терновника и веточками-колочками, мягкими, похожими на серебряный новогодний «дождик». И я поняла – это то, что нужно.

Она оборвала фразу и додумала: «Шольт колючий. И терпкий».

«Для других, – поправила ее висица. – Для нас он мягкий и сладкий».

Ханна кивнула, соглашаясь – да, для нас и Йонаша.

Мама не унималась, требовала подробностей. Пришлось снова заговорить.

– Мы скоро вернемся. Сами не знали, уедем или нет. Полковник Новак не хотел давать Шольту отпуск. Пришлось сказать ему правду. Что я беременна. Он только тогда смягчился. Мы сразу схватили в охапку Йошу и вещи и помчались на вокзал. Пока полковник разрешение на отпуск не отозвал.

Только в вагоне выдохнули, я боялась, что Шольту позвонят или кого-нибудь к поезду пришлют.

Ханна не собиралась сообщать родителям, что полковник Новак подписал разрешение на отпуск со словами: «Ну, если и эта безответственная окажется, будет у нас второй сын полка. Первого вытянули, и второго потянем».

Волчонок отобрал у волка ракушку, принес Ханне, сунул в руку. Фыркнул и убежал к воде. Ханна пристроила мокрую драгоценность в сумку на поясе. Ответила на очередной вопрос.

– Нет, он не зовет меня «мама». Или тетя Ханна, или просто обращается по имени. Нет, я не в обиде. Я ему не мать, какой смысл подменять желаемое действительным. Про ребенка? Да, сказали. Он в восторге – не знаю, почему. Заявил, что ему все равно, кто будет, брат или сестра. Сестра даже лучше.

Волчонок громко чихнул.

– Все, мама. Извини, но я не могу больше говорить. Позвоню завтра, когда мы будем гулять. Так удобнее всего. Мы вернемся к Рождеству. У нас большие планы на елку, праздничные салаты и День Подарков.

Волчонок еще раз чихнул. Потряс головой, замешкался, не успел отскочить и намочил лапы в ледяной воде.

– В коттедж? – спросила Ханна у Шольта. – Давай-ка в коттедж, а то Йоша простудится.

Волк неохотно оторвался от кучи водорослей, посмотрел с

сомнением: «А, может быть, еще погуляем? А вдруг не простудится?»

– Сделаем чай, – подсластила пилюлю Ханна. – К чаю пирог с малиной разогрею.

Шольт фыркнул.

– Дорогой мой, это ты зажрался, раз тебе не нравится покупной пирог. Тогда надо было не уезжать, сидели бы дома.

Волчонок затыкал, запрыгал вокруг Ханны. Просьба была понятна без слов.

– Ладно. Вернемся – сделаю. С капустой, с картошкой, с яйцом и зеленым луком.

Волк и волчонок завизжали хором.

– И с печенкой, – сдалась Ханна. – Только пусть кто-нибудь пожарит лук в начинку.

Они вернулись в коттедж – по пути волк с волчком устроили догонялки – и окунулись в тепло временного жилища. Шольт превратился, загнал Йонаша в душ, велел Ханне сесть в кресло и загремел посудой на крохотной кухне. Загудела микроволновка, в комнату донесся сладкий запах малинового пирога. Грохнул чайник. Шольт зашипел, почти выругался, но вовремя взял себя в руки. Ханна улыбнулась и включила телевизор.

– Я сейчас все принесу, – громогласно сообщил из кухни Шольт, перекрывая звук телевизора.

– А мне? – взвизгнул из ванной Йоша.

– Ну не под душ же! – удивился Шольт. – Вытирайся, оде-

вайся, садись рядом с Ханной, все вместе чай пить будем.

– Иди, – позвала Ханна. – Я нашла мультфильм. Эх, мы опять забыли купить программу.

– Завтра купим, – пообещал Шольт, притащивший поднос.

Ханна протянула руку к чашке. Кисточка браслета с печеньями и пряниками зацепилась за колючку на браслете Шольта, пощекотала стеклянную ягоду терновника.

Висица зафырчала в ответ на урчание волка.

Шольт наклонился и поцеловал Ханну в щеку.

Эпилог от Шольта: Гранатовый салат

Встретились на заснеженной площади Двух Алтарей. Шольт увидел Мохито издали и чуть не поддался искушению – свернуть, скрыться на боковой аллее, перейти дорогу, нырнуть в магазин, путая следы. Он прогнал мимолетную слабость: «Никто не виноват. Я не виноват. И Йоша не виноват».

– Привет.

– Привет. С праздником.

Они обменялись традиционными пожеланиями – «пусть зима будет сытой, пусть новый год будет лучше прежнего» – и замолкли. Шольт заговорил, когда пауза стала невыносимо неловкой:

– Если ты не хочешь заходить к нам, можно поискать какую-нибудь забегаловку и выпить кофе. Кафетерий не работает.

– Я знаю, – буркнул Мохито. – Видел.

– Йоша собирался тебя поздравить в полночь, но сначала смотрел салют по телевизору, а потом заснул. Я отнес его в спальню и сгрузил на кровать. Он объелся.

– Понимаю, – на лице Мохито появилась кривая усмешка. – Он недавно позвонил. Подробно рассказал, что вы ели,

доложил, что тебя отправили в магазин.

– Да, – Шольт предъявил прозрачный пакет с тремя крупными гранатами. – Пришлось побегать. Везде закрыто, еле нашел. Пойдем куда-нибудь, а? Холодно стоять, я в легких туфлях выскочил, ноги мерзнут.

– Сам же говоришь, что все закрыто. О, я вспомнил. Мне две сахарные елочки подарили, я их хотел к алтарям отнести и забыл. Надо вернуться.

Мохито потопал к части, загребая снег ботинками. Шольт пошел рядом, не решившись повторять приглашение – чувствовал, что зайти на чашечку кофе медведь не согласится. Он заговорил, подпуская в голос фальшивой бодрости:

– Никак не получается паяльник тебе вернуть. Клянусь, случайно прихватил. Потом куда-то засунул... точно помню, что клал его в сумку, чтобы назад принести, а недавно смотрю – в сумке нет. Как будто домовый украл.

– Не к спеху, – пробурчал Мохито. – Гранаты для салата? Йоша мне все уши прожужжал – вкусно, что-то необыкновенное.

– Ага. Слопал три порции, весь гранат сверху собрал, начал Ханну просить сделать еще. Ну и в итоге меня в магазин выгнали.

– Сложности семейной жизни, – поддел Мохито. – А ты же, вроде, гранаты не ешь? Не помню, чтобы ты хоть раз покупал. Я спрашивал, когда на рынке видел, ты говорил – «нет, не надо, лучше что-нибудь другое». Я думал, у тебя ал-

лергия. Или...

– Или, – Шольт остановился возле светофора, скользнул взглядом по припорошенным снегом украшениям на пустой веранде, на сосульках над балконом – надо будет сбить – и сказал правду, которую не мог озвучить ни Йонашу, ни Ханне. – Я тебе говорил, что Ядвиге первый раз вломил, когда она была на седьмом месяце?

– Да.

Видно было, что Мохито насторожился – тема разговора стала совершенно не праздничной.

– Она этот самый салат готовила, сказала, что гранат слишком спелый, в холодильнике перележал, зерна мнутся, корку не очистишь, сок течет. Готовить начала внезапно, до этого лежала-лежала, не шевелилась, не хотела разговаривать... Я ее двое суток пас, утерять бдительность, пошел в магазин за гранатом. А она у соседки денег заняла и в доме у кого-то дозу купила – я подозревал, что в соседнем подъезде торгуют, но доказательств не было. В общем, я вернулся, а она на полу валяется и ржет. Меня перемкнуло... сдобу я потом не ел, потому что не мог, а гранаты... не хотелось. И думал, что никогда не захочется.

Они перешли дорогу, остановились на углу, возле веранды. Мохито переступил с ноги на ногу, проглатывая часть звуков, спросил:

– А сейчас? Сейчас нормально? Ханна же... она не такая. И с ней Йоша.

– Да, – согласился Шольт. – Она не такая. Ты иди. Я посижу. Подышу воздухом.

Растерянный Мохито остался стоять столбом возле веранды – похоже, уже жалел о встрече и вопросе, не таившем коварства, но обернувшимся ударом по больному месту. Шольт пролез под гирляндой из снежинок, перегораживающей вход, отряхнул стул, бросил пакет с гранатами на стол, уселся и закрыл лицо руками. Накатило – не страх, что дома что-то случилось или случится. Из глубин души поднялась давно осевшая тина. Странно. Когда Ханна салат готовила, когда ели, когда за гранатом уходил – ничего подобного не было. А от разговора с Мохито как болото взбаламутило.

Вспоминалось все подряд, обрывками. Суды за Йошу, которого он еле-еле отобрал у родителей Ядвиги – покойную жену стерег и кулаками махал ради того, чтобы здоровый ребенок родился, а раз Хлебодарная смилостивилась, и родился, незачем сына кому-то оставлять. Конфликты на работе, перевод к Новаку – спасибо Анджею, упросил – медленное привыкание к тому, что началась другая жизнь. Без вранья, скандалов, бесконечного поиска заначек «пыли», зато с ответственностью за ребенка. Он помнил, как ему говорили – с ума сошел, в одной квартире с медведем жить? Ты на него глянь, у него же осколки в голове застряли, взбесится, и тебя порвет, и Йошу. Шольт только плечами пожимал – от Мохито веяло смятением, а не угрозой. А после судов он бы за Йошу трех медведей на клочки разорвал, растер и плюнул.

А потом, когда все окончательно наладилось – у Йоши не проявилось скрытых проблем со здоровьем, на службе перестали давние грехи припоминать – появилась Ханна. Чистенькая, симпатичная, хваткая. Не то, что томная белая дурочка, расставлявшая букеты на подоконниках и устраивавшая в кофейне литературные чтения. Кафетерий еще только ремонтировали, кожаные диваны выносили, а Анджей уже новую хозяйку дома по базе пробил и одобрил: «Как по заказу. Добропорядочная». И со смешком добавил Новаку: «Незамужняя, бездетная. Надо будет к ней под бок кого-нибудь пристроить. Шольт, ты не собираешься Йонашу мачеху завести? Эта подойдет». Вроде бы, обычная шутка, к кому только его Розальский не сватал. А разозлило до мушек перед глазами.

После этого при виде Ханны корежило, как будто муравьи под бронежилет пробрались и по телу ползают. Хотелось орать, самому в кафетерий не заходить и Йонашу запретить строго-настрого. Шольт еле сдерживался – понимал, что сразу слухи пойдут, языкастые сослуживцы придумают с десяток версий, начнут визнавать, не пересекался ли он с Ханной в прошлом, иначе откуда бы такая вражда?

Один Камул знает, чем бы это все закончилось – самые внимательные уже заметили неадекватную реакцию, Мохито даже в лоб спросил: «Эта Ханна тебе насолила чем-то? Йошу обидела?». Шольт отделался каким-то нелепым враньем, почти запутался, а потом ложь взорвалась, разлетелась вдре-

безги, вместе с рукой и террористом, да еще и осколками на прощанье нашпиговала.

В больнице волк взял верх – этому поспособствовали стабилизаторы тела. Выразилось это в том, что зверь возжелал идти к Ханне, уверял, что им надо покаяться и разжалобить висицу – тогда она их покормит и все станет хорошо. Шольт сопротивлялся. Волк настаивал. Они дважды переночевали в какой-то кладовке – это был компромисс, удержавший от побега – и вернулись домой, где хвостатый немедленно принялся выполнять свой план.

Волк побеждал. Ластился к Ханне, клянчил еду, вылизывал пальцы, осмелев – и лицо. Проник в квартиру, оставил шерсть на всех ковриках и мебели. А в одну особо удачную ночь проспал в кровати, подобрившись под руку, добившись того, что Ханна обняла их за шею. Шольт волка сначала одергивал, отодвигал, рычал и огрызался, но когда нестерпимо болевшие бок и лапы начали стремительно заживать, а из желудка исчезло жжение, понял, что кто-то из богов – он ставил на Камула – столкнул его с парой. Рядом с Ядвигой раны зарубцовывались за пару дней, исчезали без следа, а шрамы в душе оставались. Рядом с Ханной пока обходилось без боли душевной – возможно, только пока.

Шольт помнил свою панику: «А если снова односторонняя связь? Опять окажется, что висице наплевать на его желания и нужды, а дар богов не позволит уйти, будет возвращать к равнодушию и раздражению?». Он твердил себе, что

в самом худшем случае будет полегче: Ханна не наркоманка, и не прогонит Йошу – продолжит раскрашивать контурные карты под давлением общественного мнения.

Он носил на плечах плед, подаренный волку. Носил даже тогда, когда с него сняли лангету, и необходимость кутаться в накидку отпала – спокойно можно было одевать куртку. Волк на опасения отвечал презрительным фырканьем. Требовал: «Иди к ней, ложись под бок! Это наша висица, она будет нас любить и кормить, и никогда не прогонит». Шольт верил и не верил – иногда позволял себе дарить Ханне цветы, но первый шаг делать не осмеливался.

Страх почти исчез после того, как Ханна его обняла, успокаивая после смены тела. Почти исчез, но тлел, как уголек под пеплом, и потух, когда волк потребовал: «Иди за ней! Срочно! Иди, это ваш Покров, беды уйдут с туманом и можжевеловым дымом».

Снег таял в ладонях – Шольт дважды умылся ледяным мылом, отгоняя осенние воспоминания. Как метался по улице от магазина к магазину, как вынюхивал след, становясь на четвереньки, вызывая удивленные взгляды прохожих. Как потерял нить запаха Ханны, сел и тихо завыл...

– Папа! – в голосе Йоши смешались удивление и испуг. – Папа! Что с тобой? Тебе плохо? Мохито, иди сюда! Надо отнести его домой!

– Хлебодарная, помилуй! – Ханна оказалась рядом, накрыла его руки своими. – Шольт, что случилось? Ты залед-

нел весь! Нельзя сидеть в снегу, нельзя! Ты можешь встать?

Голоса и прикосновение отогнали наваждение, разбили стеклянную ловушку, отгородившую его от мира. Шольт потряс головой, медленно возвращаясь в действительность. Убеждаясь – все это было в прошлом. В прошлом году. А сейчас – новый год. Новый год и новое счастье.

Замерзшие губы не слушались. Он с трудом – неловкими жестами – убедил всех, что не надо его ни поднимать, ни нести. Йоша взял пакет с гранатами, Ханна покинула веранду первой, внимательно проследила, чтобы Шольт под конвоем Мохито вышел на тротуар. Они добрались до калитки гуськом – включившийся в реальность Шольт тревожился, опасаясь, что Ханна поскользнется, держался рядом – подхватить, уберечь. Уберечь ее и ребенка. Мохито надзирал за всеми сразу – в случае необходимости медведь умел двигаться очень быстро, Шольт это знал. Знал, но все равно не мог переложить на него ответственность за Ханну.

Запах дома укутал и согрел лучше любого одеяла или пледа. Йоша, елка, мандарины, разнообразная еда, песочный пирог с ягодами, краска бумажных гирлянд, протянутых через гостиную. Мучнистый след клейстера – утром Ханна налепила на стекла забытые снежинки. Еле заметная нотка гари возле столика, на котором стояли затушенные свечи. Над всем этим главенствовал ежедневно меняющийся запах Ханны. Еще не родившийся ребенок отвоевывал свое место, теснил мать, напоминая отцу и сводному брату: скоро все еще

раз изменится. Шольт вдохнул полной грудью, улыбаясь и убеждаясь – следующий год они будут встречать вчетвером.

Йоша, обрадованный тем, что ему удалось изловить и затаскать в квартиру Мохито – медведь отказался от приглашения на новогоднюю ночь – демонстрировал игрушки на елке, сбиваясь на пересказ содержимого холодильника.

– Смотри! Вот за этими грибочками мы ездили. Ханна их заказывала на выставке, мы потом забирали у мастера. И салат с грибами у нас есть. Грибы и печенка, ты сейчас попробуешь, убедишься – это очень, очень вкусно! А вот тот лис, о котором я тебе рассказывал. И волки. А медведей не было. Здесь не было, Ханна смотрела какой-то столичный каталог, там куча, огромная куча медведей с горшками меда и рыбой. Но мы их слишком поздно нашли, заказы уже не принимали. Мы обязательно их купим, повесим на елку на следующий год.

Мягко мерцали лампочки-снежинки, разгорались и затухали, позволяя перемигнуться россыпи цветных огоньков – Йоша с Ханной повесили на елку три разные гирлянды, а еще три – на окна. Лисы и волки рассматривали стеклянные шишки и виноград, яркие корзины с цветами напоминали о лете, грибочки и рыбки символизировали продуктовый запас – Ханна раз десять заказывала доставку, как будто в праздничные дни собиралась кормить не его и Йошу, а роту оголодавших спецназовцев.

– Ты в порядке? – ладонь Ханны коснулась лба. – Может

быть, скажешь, что случилось?

– Ничего, – Шольт поймал ладонь, прикоснулся губами к запястью, пересчитал поцелуями пальцы. – Наверное, последствия контузии.

Через пять минут выяснилось, что попытка списать мороки прошлого на летнюю контузию была ошибкой. Ханна упрекнула его в том, что он безответственно относится к своему здоровью, а подлый Мохито неожиданно перевернулся на сторону законной супруги и начал ябедничать, перетряхивая все давние отказы от больничных и реабилитаций. Собеседники переместились на кухню, где Ханна выставила на стол кучу тарелок с салатами, поощряя союзника.

– Помню я прекрасно! – кипятилась она. – После такого ранения надо в санаторий, отдохнуть хотя бы месяц. А он скамейки на стадионе красил! И мешки с картошкой таскал!

«Картошка-то ей чем не угодила?» – удивился Шольт.

Мохито ел и поддакивал, время от времени подкидывая Ханне заплесневелые факты – как Шольт отправился на дежурство с температурой и не прошел медосмотр, как три года не брал отпуск, как лег спать с грелкой на боку, заявляя, что у него разболелся живот от супа, а в пять утра уехал на «Скорой» с аппендицитом. Ханна охала и подкладывала Мохито добавку. Йоша некоторое время слушал, а потом заскукал и отправился пересчитывать елочные игрушки.

Шольт смотрел на мерцающие снежинки и тихо радовался тому, что Ханна устроила сыну настоящий праздник. Они

с Мохито тоже наряжали елку – пластмассовыми шариками и сосульками, никогда не покупая стеклянные игрушки, потому что постоянно роняли коробку с антресолей, дважды наступали, а в один год Шольт на нее сел, не заметив на табуретке. А Ханна показала и ему, и Йонашу, что существуют другие игрушки: поцарапанные стеклянные клоуны, передающиеся из поколения в поколения, авторские работы из стекла и полимерной глины, сияющие свежей краской. Супруга не гналась за дороговизной – на ветках елки соседствовали шары и конфеты, которые они купили на рынке, бегемоты и слоны, привезенные от ее родителей, новехонькие грибочки и птицы с хвостами из шерстяных нитей, склеенные и раскрашенные Йонашем. Шольт знал, что без авторских и антикварных игрушек можно прожить, но был благодарен Ханне, приоткрывшей эту праздничную дверь для Йоши.

Он сел в кресле, подбирая под себя ноги, блаженствуя от запаха дома, ворчания Ханны, возни Йонаша, перевешивавшего игрушки. Доселе помалкивавший волк напомнил: «Это я! Я пришел к нашей вислице, я привел тебя в ее логово. Она меня любит. Вечером перекинешься. Я тоже хочу съесть салат».

«Перекинусь, – согласился Шольт. – Но пока – днем – ходим на ногах. Мне надо поговорить с Мохито».

Повод подвернулся быстро. Ханна, накормившая медведя до отвала, начала готовить гранатовый салат, пообещав Йонашу, что на ужин еще пожарит картошку и запечет куриные

грудки. Попытки помочь супруга пресекала и ненавязчиво намекнула Йонашу, что для хорошего аппетита не помешает прогуляться – расчистить снег во дворе и слепить новогоднего снеговика.

– Я дам морковку для носа, – пообещала она, проследив, чтобы Шольт обул теплые ботинки. – И, Камула ради, не делайте ему глаза из стреляных гильз! Лучше возьми черные маслины.

Мохито работал лопатой под упреки – Шольт требовал ответа на вопрос: «Зачем было рассказывать про аппендицит? Не нашлось другого повода суп свой похвалить?». Медведь бурчал, Йонаш хихикал, швырялся снежками и просил разрешения принести противогаз с фигуры официанта, чтобы украсить снеговика.

– Не надо, – подумав, отказал Шольт. – Ханна нам обещала пирог с сухофруктами. Я такой пирог ел очень давно, вкус не помню. А если ты наденешь на снеговика противогаз, то еще три года не вспомню. Давай повременим.

Вылизав двор и соорудив добропорядочного снеговика, они помахали Борису с Анной, выглянувшем из окна – Ёжи со Снежкой, воспользовавшись выходными, умотали к родителям в деревню – и отправились в гостиную, чтобы распечатать настольную игру, которую Ханна подарила Йоше. Мохито сделал попытку уйти, но его уговорили остаться – хотя бы до того момента, когда можно будет взять с собой порцию гранатового салата и кусок куриной грудки с гарниром.

Они расстелили на полу огромную карту, долго разбирались с правилами, открыли и тут же потеряли колоду карт, беззлобно переругались и примирились.

– Если у тебя психологические сложности, я могу попросить Ханну, чтобы она отдала мне весь гранатовый салат, – шепотом сказал Мохито, когда Йоша ушел в туалет. – Мне не трудно, я съем.

– Еще чего не хватало! – негромко возмутился Шольт. – Нет у меня никаких психологических сложностей. Я сам съем салат, в этом помощь не нужна.

Без еды Мохито не остался – Ханна собрала ему целый пакет контейнеров с разнообразной снедью. Йонаш договорился, что придет в гости к Мохито завтра – «и переночую, если тебя на службу не вызовут» – сбегал во двор, проверил снеговика и, вернувшись, выпросил у Ханны разрешение смотреть очередной праздничный концерт до полуночи.

– Мне же в школу вставать не надо.

– Режим собьешь, – вяло сопротивлялась Ханна.

– Он все равно его собьет, – заверил Шольт. – Пусть смотрит. Заснет в кресле – опять в кровать отнесу, не надорвусь как-нибудь.

Ханна сдалась – Шольт уже заметил, что она отступает, не спорит, даже если педагогические решения кажутся ей неправильными. Спросила, где накрывать стол – «парадно в гостиной или поедим на кухне?» – получила дружный ответ «на кухне» и попросила:

– Помоги мне. Заодно поговорим.

Доставая салатницы, Шольт готовился к разговору об утреннем инциденте, твердо решил придержиться версии контузии, но она не понадобилась. Ханна заговорила совсем о другом.

– Пока вы лепили снеговика, позвонила моя мама. Нас приглашают в гости. Я ничего не ответила. Сказала, что мне надо посоветоваться с тобой. Если ты совсем не можешь, не хочешь... я совру, что тебя вызвали на службу.

– А ты сама-то что хочешь? – прямо спросил Шольт. – Идти или не идти?

– Я бы предпочла пойти, чем звать их сюда, – быстро ответила Ханна. – Из гостей можно сбежать, если что-то пойдет не так, а вот выгнать гостей из дома...

– Я о другом. Если ты предчувствуешь конфликт, подзреваешь, что при более близком знакомстве мы с Йошей им не понравимся, и это приведет к скандалу, то можешь отказываться и врать что угодно. Я тебя поддержу.

– Нет-нет, – замотала головой Ханна. – Я так не думаю. И буду рада, если мы пойдем. Спросим Йошу?

– Спрашивай, – усмехнулся Шольт. – Я уверен, он скажет: «Да». Надо же проверить, как твоя мама готовит. А вдруг еще какой-нибудь новый салат произведет неизгладимое впечатление?

Конечно же, Йонаш визит одобрил. Съел порцию гранатового салата, расковырял куриную грудку и запросился к

телевизору – даже при здоровом аппетите волчонка нельзя было столько есть второй день подряд.

– Я превращусь? – спросил Шольт, глядя на салат из печени с грибами. – Волк настаивает. Просит, чтобы ты его покормила.

– Конечно! – заулыбалась Ханна. – Превращайся. Пусть выбирает.

Он разделся в спальне. Перекинулся, встал на лапы и первым делом прошел в прихожую, к большому зеркалу. Волк придирчиво осмотрел свое отражение, стараясь повернуться в профиль, повертел головой и удовлетворенно заворчал. Лисы мерились красотой хвостов – часами обсуждали у кого пушистее, кому досталась белая капелька на кончике, а кого Камул с Хлебодарной обделили. Шольт свой хвост выдающимся не считал. А вот нос!.. Нос у него был отличный, немного великоватый у двуногого, зато украшавший волка и выделявший его из толпы изяществом длинной морды. Поговорка о размерах тоже работала: Шольт перевидал в душевых достаточно сослуживцев, чтобы убедиться – уступает он только Мохито.

От зеркала волк направился в кухню, где заставил Ханну слезть со стула и усесться на пол, хорошенько облизал ей лицо и легонько покусал уши – не слушая протестов и не сдвигаясь, когда его отталкивали. Ханна сопротивлялась не всерьез. Повторяла: «Фу! Брысь! Противный!», хохотала, чесала волку нос и подбородок. Намиловавшись, хвостатый вы-

клянчил у Ханны сначала грибов с печенкой, а потом порцию гранатового салата – захотел попробовать, что это такое. Оценил, вылизал тарелку и согласился закусить кусочком куриной грудки. Больше в него ничего не влезло – Шольт успел съесть рыбный салат, жареную картошку и маринованную цветную капусту.

– Доволен? – спросила Ханна, когда волк сыто икнул. – Пойдем. Я буду смотреть телевизор, а ты ляжешь рядом со мной.

Йоша, сидевший в кресле, смотрел праздничный концерт почти без звука. Зевал, но упрямо таращился на экран. Ханна звук прибавлять не стала. Поставила на столик стакан с соком, зажгла маленькую свечку, спрятала ее в фонарик и растянулась на диване, подзывая к себе волка. Мелькание картинок и свечение гирлянд заставило прикрыть глаза. Волк привалился к своей висице, согревая и охраняя, и тихо и утробно бурчал – благодарил за вкусную трапезу.

Он не заметил, как заснул – запах дома, сына и жены навевал умиротворение, убаюкивал, заставляя распротиться с настороженностью. «Дом, – проваливаясь в сон, пробормотал волк. – Наше логово. Никто чужой сюда не зайдет».

В два часа ночи он проснулся, прислушался к тишине, нарушаемой сонным дыханием. Соскользнул с дивана, подошел к окну, убедился – снег. Крупные хлопья падали, оседая на балконных перилах, укрывая белоснежным одеялом улицу и расчищенный двор.

«Ничего, – зевнул волк. – Снова расчистишь. Снег – это хорошо. Под него снятся сладкие сны».

Зверь обнюхал елку, оставил на ней несколько шерстинок, повалился на бок, перекатился, позволяя телу сменить форму. Шольт встал на ноги, на цыпочках прошел в ванную и закутался в халат. Первым он взял на руки Йошу. Отнес в его спальню, уложил на кровать, стянул носки и подоткнул одеяло: пусть спит в домашней одежде, встанет отлить или попить – разденется.

Ханна от прикосновения разворчалась. Уже в спальне открыла глаза, посмотрела в окно, спросила:

– Снег?

– Снег, – подтвердил Шольт, укладывая ее на кровать. – Халат будешь снимать? Дать тебе ночную рубашку?

– Ничего не хочу. Спать. Будем спать.

Шольт пробрался под халат, осторожно погладил живот и бедро, легонько сжал пальцы, уточняя: «Спать? Или, может быть, все-таки?...»

– Спать, – ответила Ханна. – Приставать будешь утром.

Шольт усмехнулся. Бросил штаны на стул, вернулся в гостиную, выключил телевизор и гирлянду, а свечку оставил – в фонарике не загорится. Слова: «Приставать будешь утром» не расстраивали. Наоборот, радовали, напоминая – десятилетнее воздержание окончилось.

Будет утро и будет завтра.

Прошлое осталось в прошлом.

В холодильнике пропитывался майонезом гранатовый салат.

Эпилог от Мохито

Он запрещал себе злиться, но это не очень хорошо получалось. Ханна разбила его маленькую стаю, сманила Шольта и Йошу, привязала к себе пирожками и красивыми игрушками на елке. Мохито чувствовал себя обкраденным и ненужным. Первое Изгнание Демона Снопа – сразу после свадьбы Шольта и Ханны – он встретил в непривычном одиночестве, еще не понимая, что это навсегда. Поначалу ему казалось, что все вот-вот вернется на круги своя: Йоша прибежит из школы, затараторит, жалуясь на учителей и одноклассников, Шольт загрохочет кастрюлями, проведет инспекцию холодильника, тайком выльет суп.

Зиму сменила весна – сначала морозная и слякотная одновременно, затем стремительно теплеющая, пробуждающая почки, заставляющая просыпаться первые цветы. Мохито начал привыкать к новой жизни, радуясь, что никто не заметил ни его злости, ни грусти – верных спутников зимних дней. К лету он немного обвыкся, выяснил и вспомнил положительные моменты, которые дарило одиночество: не было очереди ни в душ, ни в туалет, суп со щавелем и крапивой всегда имелся в доступности, а когда началась жара, по квартире можно было расхаживать голым, не обременяя себя лишними тряпками.

Событие, нарушившее почти устоявшееся бытие, нача-

лось с оклика полковника Новака. Он позвал Мохито, когда тот шел от КПП к зданию общежития.

– Тимофей! Подойди-ка.

– Здравь желаю, – поприветствовал полковника Мохито, свернув к административному зданию.

– Звонили с полигона, спрашивали... – Новак неожиданно прервал речь и прищурился.

Мохито проследил за его взглядом и чуть не уронил чепуху на недавно заасфальтированную дорожку. От КПП шли Шольт с большой сумкой и Йоша с рюкзаком и роликами. Шольт помахал свободной рукой и проорал:

– Там заперто?

– Не заперто, – растерянно ответил Мохито.

– Ага, – кивнул Шольт. – Мы у тебя поживем.

Мохито посмотрел на сумку и рюкзак и оторопел. Ни разу, ни в одной молитве, он не желал, чтобы семейная жизнь Шольта закончилась крахом. Как так? Ханна казалась рассудительной, заботливой. И, надо же, какая подлая оказалась на деле – вышвырнула прочь и мужа и пасынка. А еще говорила об усыновлении!

– А ну-ка иди сюда! – обрел дар речи Новак. – Это что еще за фокусы?

– Не фокусы, – радостно объявил Йонаш. – У нас ремонт!

– Ремонт?

Новак с Мохито переспросили хором.

– Да, – Шольт подошел, поставил сумку на асфальт. – Там

стены ломают. Я ей говорил – все равно кроватку ребенка в нашей спальне ставить, в другую комнату не набегаешься. Я вообще Йошу под бок клал, бутылочку, под нее свернутое полотенце, и баю-бай. Наелся, соску выплюнул и спит. А она уперлась: у детей должны быть отдельные спальни, Йошу ни в коем случае нельзя ущемлять, поэтому уменьшим гостиную. Мерила рулеткой, считала, потом, вроде, отложила идею на следующий год, чтобы стены ломали, когда мы все вместе уедем в отпуск. А сегодня с утра ей опять взбрызнуло, и она вызвала рабочих. Тех, которые в кафетерии ремонт делали, и окошко для пирожков ставили. Ну и началось...

– Фу. Блин, – выдохнул Новак. – Тимоха, ты тоже подумал, что?..

Мохито закивал, чувствуя облегчение – не он один такой, Новак тоже сразу Ханну в недостойном поведении заподозрил.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что Ханна на время перепланировки и ремонта уехала жить к своим родителям. Она и Шольту с Йонашем туда перебраться предлагала, но они, посоветовавшись, решили пожить в старой квартире, у Мохито – Йонашу ближе в школу, на летнюю практику, как и Шольту на службу.

Новак как следует выругал Шольта за то, что тот никогда никого ни о чем не предупреждает и пугает окружающих, доводя до заикания, и ушел, забыв о том, что хотел поговорить с Мохито о звонке с полигона. Йоша отдал Мохито

рюкзак и отправился на плац – кататься на роликах.

– Мне тревожно, – сообщил Шольт, подхватывая сумку. – Она вот-вот родит. И отпускать к родителям было страшно – а вдруг что? – и по-другому никак. Там квартира трехкомнатная, две спальни и проходная гостиная. В точности как тут. А Ханна все время в туалет вскакивает – срок уже большой, ребенок постоянно толкается. Или Йошу класть в гостиной и через него бегать, или нам в гостиной... а еще же ее родители. В общем, мы тебя пока напряжем. Бригадир сказал, основную грязь через три дня уберут, когда штукатурка и шпаклевка будут сохнут, мы вернемся. А сейчас никак – грохот, пыль летит.

– Никаких проблем! – заверил Мохито. – Можешь оставить Йошу, сам езжай к Ханне. Я за ним присмотрю.

– Я сегодня вечером к ней съезжу и вернусь. Завтра в семь на построение, оставаться смысла нет, я ей выспаться не дам. А потом посмотрим по ситуации.

– Она так и не взяла результат УЗИ? Вы не знаете пол ребенка?

– Не-а, – заулыбался Шольт. – Мы врачу дали денег и предупредили, чтобы он нам даже не намекал. Хотим сюрприз.

За один-единственный вечер, проведенный с волчьим семейством, Мохито сполна вкусил прелести общежития. Суп вылили, вареную картошку доели, хлеб забыли убрать в холодильник, оставили на солнце на подоконнике, и он заплесневел. А еще Йонаш уронил полочку с яйцами, и Мохито

пришлось мыть пол в кухне. И яичница на завтрак сказала «прости-прощай». И душ он смог принять только в половине первого, поскольку Шольт, вернувшийся от Ханны, залег в ванну и там заснул.

Следующие сутки прошли спокойнее: Шольт был на смене, Йоша особых хлопот не доставлял – Мохито успел поймать падающую бутылку с подсолнечным маслом и запретил мелкому подходить к приготовительной плите: «ничего не трогай, я сам всё сделаю».

После этого они с Шольтом встретились утром – тот сменился, а Мохито заступал на сутки – а потом, в их общие выходные, начался кавардак. Мохито, улегшийся спать после смены, был разбужен воплем: «Сейчас приеду!» и хлопаньем дверей. Мечущийся по квартире Йонаш сообщил ему, что Ханну увезли на «Скорой» в роддом, папа поехал туда, а ему велел оставаться тут.

– Сказал, я позвоню, когда что-то будет известно. Давай тоже туда поедем?

– А что толку? – спросил сонный Мохито. – Хоть там жди, хоть тут – разницы никакой.

Они промаялись до обеда. Йонаш бегал по части, возвращался, дергал Мохито, сообщая, что он сам звонил папе, и новостей пока нет. Ситуация переменялась в три часа пополудни. Шольт позвонил Йонашу, когда они с Мохито обедали в столовой, и оповестил всех сослуживцев по громкой связи:

– Девочка! Мы назвали ее Катарина! У нас дочка! Катя! Йоша, у тебя сестричка! Мохито, вези мне воздушные шарики и цветные мелки! Эх, нельзя фейерверк запустить! И штраф, и младенцев напугаешь. Врачи меня сразу предупредили. Почему-то.

– Шарик! – завопил Йонаш, вскакивая со стула. – Можно еще купить бумажные флажки!

– И гирлянды на дерево, – дополнил полковник Новак. – Там деревья на другой стороне вдоль фасада, обмотаете – красиво будет.

– А мелки зачем? – спросил Мохито.

– Как «зачем»? – удивился кто-то из семейных волков. – На асфальте написать «спасибо». Под окном палаты, где Ханна лежит. Так принято.

Все заботы свалились на Мохито. Шольт бегал под роддомом, смотрел на окна и критиковал покупки: шарики были не яркие, в мелках слишком много голубых оттенков, а надо розовые, гирлянды очень короткие, надо еще пять, а лучше шесть.

– Медведь, ну чем ты думаешь? У нас же важный праздник!

Наверное, Мохито бы озверел, и напомнил одуревшему счастливому отцу, что праздник не у него, он покупает гирлянды по доброй воле и не обязан оценивать размер деревьев. Скандал предотвратило появление броневедомобиля и толпы сослуживцев – во главе с Казимиром и биноклем.

Спецназовцы бодро забросили «кошки» на деревья, полезли по тросам, развешивая на ветках круглые фонарики, которые передал полковник Новак. Шольту, увлеченно рисовавшему на асфальте, сделали замечание, напомнив, что слово «дочь» пишется с мягким знаком, Йошу втянули на большой клен и вручили ему бинокль – а вдруг Ханна поднесет Катарину к окну и он сможет посмотреть на сестричку. Мохито некоторое время созерцал суету, послушал бодрые вопли, обрел ясность разума и поехал не только за гирляндами. Он завернул в главный храм Хлебодарной и купил тридцать три маленькие свечи-лампады – в крохотных стаканах-подсвечниках с дырчатой крышечкой.

Время поджимало, на улицу опускались сумерки, но они успели: деревья были хорошо обмотаны гирляндами, а надпись «Спасибо за дочь!» заключили в сердечко из лампад, расставленных по асфальту. Легкий летний ветерок шевелил связки ярких и не очень ярких шариков.

Крик с клена раздался, когда Шольт поднес спичку к последней лампаде.

– Вижу! – завизжал Йоша. – Я их вижу! Папа, Ханна держит Катю на руках! Пап, Катя смешная!

Бестолковый волк бросил спички и полез на соседнее дерево, путаясь в гирляндах и роняя фонарики. Мохито вздохнул, подобрал спичечный коробок и два фонарика, и пошел к клену. Забираться на дерево он не собирался – просто помахать окну, приветствуя жену и дочку друга.

Гирлянды и фонарики светились ровно и ярко. Лампады мерцали. Благодарность: «Ханна! Спасибо за дочь!», старательно украшенная тюльпанами и подсолнухами, наверняка была хорошо видна из палаты.